Ivanov, Ivan Ivanovich

A. N. Ostrovskiĭ Ego Zhizn' I Literaturnaia Diĕiatel'nost'; Biograficheskiĭ Ocherk

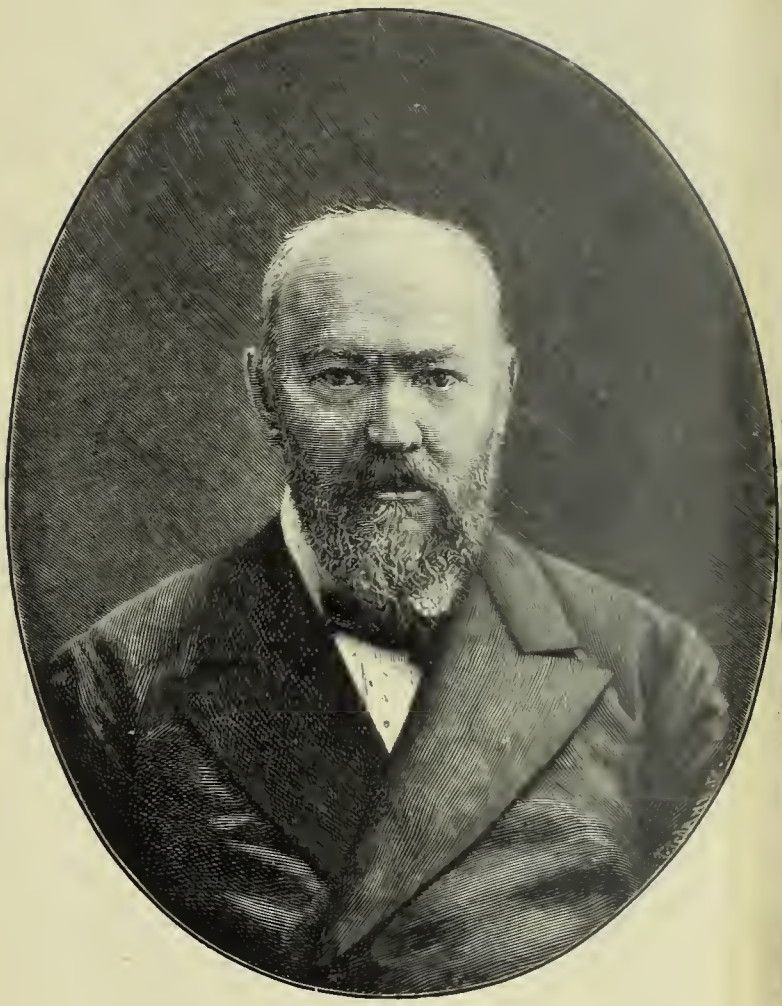
891.72
O85ZI

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/anostrovskegozhi01ivan



А. Н. Островскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

I. I. Ivanov

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

И. И. Иванова.

Съ портретомъ Островскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Сентября 1899 года.

891.72
O85ZI

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе 5

I. Происхожденіе Островскаго.—Семейная обстановка въ дѣтствѣ и первой молодости.—Казенная служба. 9

II. Начало литературной дѣятельности 13

III. Друзья и вдохновители Островскаго 18

IV. Міросозерцаніе молодого Островскаго.—Отношенія къ драматургу славянофильской критики 22

V. Первая комедія 26

VI. Офиціальная и литературная судьба первой комедіи Островскаго 30

VII. Матерьяльное положеніе Островскаго.—Бѣдная Невѣста 35

VIII. Появленіе на сценѣ первой комедіи Островскаго.—Отношенія къ нему актеровъ и публики 39

IX. Отношенія театральной дирекціи и цензуры къ произведеніямъ Островскаго 46

X. „Литературная экспедиція“ и участіе въ ней Островскаго.—Вліяніе путешествія на его творчество. 51

XI. Путешествіе Островскаго за-границу.—Намѣреніе порвать съ театромъ 56

XII. Замыселъ Островскаго—преобразовать русское сценическое искусство и его практическая дѣятельность въ этомъ направленіи.—Личныя отношенія Островскаго къ молодымъ писателямъ, артистамъ и издателямъ 61

XIII. Юбилей литературной дѣятельности Островскаго.—Ея новое направленіе . . . . . .

XIV. Вліяніе реформъ шестидесятыхъ годовъ на творчество Островскаго.—Типы интелигенціи . . . . . .

XV. Литературная дѣятельность Островскаго въ семидесятыхъ годахъ . . . . . .

XVI. Участіе Островскаго въ празднествахъ по случаю открытія памятника Пушкину.—Послѣднія произведенія Островскаго . . . . . .

XVII. Островскій на театральной службѣ, его болѣзнь и смерть . . . . . .

XVIII. Общій взглядъ на литературную дѣятельность Островскаго . . . . . .

XIX. Общественный смыслъ творчества Островскаго . . .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Скудость и неопредѣленность біографическихъ свѣдѣній — обыч-
е явленіе въ русской литературѣ—относительно крупныхъ и
лкихъ писателей. На этотъ счетъ русскіе читатели нерѣдко бы-
ютъ свидѣтелями едва вѣроятныхъ приключеній, постигающихъ
ечественную печать. Особенно должны быть памятны случаи по
воду недавней пятидесятилѣтней годовщины смерти Лермонтова.
множествѣ «юбилейныхъ» воспоминаній и біографическихъ очер-
зъ безпрестанно встрѣчались недоразумѣнія и ошибки, казалось
, совершенно невозможныя въ вопросахъ о поэтѣ текущаго сто-
гія. Родственникъ и товарищъ Лермонтова, предпринимая испра-
ніе чужихъ ошибокъ, обнаружилъ поразительное невѣдѣніе са-
хъ существенныхъ біографическихъ данныхъ, — не зналъ ни
ста, ни времени рожденія поэта. Другой біографъ съумѣлъ запу-
ть исторически-подлинный разсказъ объ обстоятельствахъ смерти
рмонтова. Даже полвѣка, протекшіе со времени кончины геніь-
наго поэта, не могли, слѣдовательно, окончательно устранить
еобразной варварской литературы. И подобные факты возможны
представленіяхъ русскаго читателя едва-ли не о каждомъ дѣя-
лѣ русской словесности.

У насъ почти не прививается обычай, столь распространенный
Западѣ. Тамъ въ распоряженіи литературныхъ и обществен-
хъ историковъ имѣется неисчерпаемый запасъ всевозможныхъ
поминаній, записокъ, сообщеній, касающихся всѣхъ болѣе или
ѣе видныхъ явленій прошлаго. Почитатели и близкіе люди
же второстепенныхъ талантовъ непремѣнно стремятся повѣдать
бликѣ исторію своего знакомства съ замѣчательнымъ человѣ-
ъ, передать современникамъ и потомству его характеристику,
то мельчайшія подробности его жизни. И сами знаменитости не
адаютъ излишней скромностью. Они весьма охотно разрабаты-
отъ свои біографіи или въ чисто-художественныхъ произведе-

ніяхъ, или въ откровенныхъ личныхъ признаніяхъ и разсказа
Они кромѣ того весьма часто оставляютъ послѣ себя своего р
эстетическія завѣщанія—съ подробнымъ и всестороннимъ выяс
ніемъ своихъ художественныхъ стремленій и писательскихъ
дачъ. И западная публика располагаетъ громаднымъ запасомъ ав
біографій и поэтическихъ исповѣдей, составляющихъ наслѣдс
геніальныхъ художниковъ и просто талантливыхъ писателей.

Совершенно другое положеніе русской литературы. Какъ
первостепенные представители относились и въ большинствѣ с
чаевъ продолжаютъ относиться къ опубликованію своихъ біогра
и вообще свѣдѣній о своихъ личностяхъ,—показываетъ примѣ
Тургенева. Неоднократно втеченіи всей его жизни къ нему об
щались запросы на счетъ біографическихъ данныхъ. Каждый та
запросъ не вызывалъ въ немъ пріятныхъ чувствъ,—и онъ за
лялъ: «откровенно говоря, всякая біографическая публикація м
всегда казалась великой претензіей». И Тургеневъ рѣшался дава
только самыя общія, почти исключительно хронологическія данн
о своей жизни.

Также поступилъ и Писемскій,—и даже въ біографическо
отрывкѣ до послѣдней степени сухихъ рамокъ своего повѣство
нія. Отъ большинства другихъ русскихъ писателей не осталось
такихъ скудныхъ матерьяловъ. Не поусердствовали возмѣстить э
скудость и ихъ современники, съ которыми они стояли въ бл
кихъ отношеніяхъ. И біографу русскаго писателя, какъ бы
была свѣжа въ памяти живущаго поколѣнія его личность и д
тельность, приходится на каждомъ шагу мириться съ обширны
фактическими пробѣлами и крайней отрывочностью самихъ факто

Участь Островскаго въ этомъ отношеніи едва-ли не самая
чальная. Со дня его смерти протекло почти тринадцать лѣтъ. О
давно признанъ великимъ драматическимъ талантомъ, на ряду
Гоголемъ и Грибоѣдовымъ. Его рѣшено почтить памятникомъ
всероссійской подпискѣ. Многія его произведенія стали класси
скими и столь же необходимыми въ воспитаніи и просвѣщеніи р
скаго юношества, какъ, напримѣръ, сочиненія Пушкина. И все э
произошло на глазахъ того самого поколѣнія, которое знало лич
Островскаго, переживало развитіе его таланта, сопутствовало рос
его славы. И въ результатѣ—у блестящаго и современнаго на
писателя до сихъ поръ нѣтъ біографіи.

Правда, жизнь Островскаго извнѣ прошла въ высшей степе
ровно и спокойно. Она не знала никакихъ исключительныхъ про
шествій и потрясеній, на ней не лежитъ яркихъ драматически

асокъ, въ ней не имѣется какихъ-либо сложныхъ психологичеихъ или загадочныхъ романическихъ эпизодовъ. Жизнь драмаога соотвѣтствовала характеру его произведеній—въ высшей пени уравновѣшенному, почти эпическому.

Но внѣшняя одноцвѣтность и равномѣрность существованія еко не свидѣтельствуютъ о безсодержательности и мелкотѣ внутренняго смысла. Совершенно напротивъ. Вся энергія богато ренной природы ушла именно на обогащеніе и углубленіе этого ысла. Художникъ жилъ повышеннымъ нравственнымъ пульсомъ, гко воспринималъ внѣшній міръ и отзывался на впечатлѣнія чнымъ художественнымъ творчествомъ.

Именно у писателя-реалиста эти воспріятія должны быть осозно обильны и глубоки. Каждое его произведеніе навѣяно и ушено явленіями дѣйствительности. Каждое лицо, имъ созданс—плодъ непосредственныхъ наблюденій и драматизмъ положеній героевъ почерпнутъ изъ многообразныхъ житейскихъ драмъ, ихологически изученныхъ и творчески воспроизведенныхъ хужникомъ. Легко представить, какое значеніе, при такихъ услоихъ, имѣетъ иная даже случайная встрѣча писателя съ факмъ или съ человѣкомъ, исторія его личныхъ отношеній и даже вседневныхъ впечатлѣній.

Все это какъ нельзя ближе относится къ Островскому. Онъ по мому содержанію своего творчества, русско-бытовому и типичноизненному, долженъ былъ на каждомъ шагу имѣть дѣло съ *подинниками*, т. е. съ живыми яркими лицами, своей самобытстью одушевлявшими его умъ и талантъ. И мы знаемъ, какими кровищами психологіи и драмы обязанъ Островскій личнымъ знамствамъ и встрѣчамъ,—но знаемъ, къ сожалѣнію, крайне недоаточно. Болѣе или менѣе подробныя наши свѣдѣнія касаются лько ранняго періода дѣятельности Островскаго,—и уже по имъ свѣдѣніямъ мы можемъ судить о богатствѣ *духовной* жизни сателя, о неразрывной связи его творчества съ окружающимъ ромъ. Эта связь не прекращалась до конца, и именно она сохрала за Островскимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ новой русской тературѣ. Но у насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ—прослѣдить исторически и всесторонне оцѣнить ея вліяніе на нравственный ръ художника. Мы не знаемъ фактовъ, вызвавшихъ у него тотъ и другой творческій процессъ, и не можемъ установить, съ какой лнотой и проницательностью онъ воспользовался уроками дѣйвительности. Ясно, недостатокъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ долженъ ражаться и на нашей оцѣнкѣ самаго таланта драматурга. *Кри-*

тика можетъ быть вполнѣ удовлетворительной и опредѣлен только при тщательно разработанной *біографіи*.

Время, несомнѣнно, пополнитъ много пробѣловъ въ біогра Островскаго. Именно послѣдніе годы даютъ намъ право питать надежду. Съ 1897 года въ печати стали появляться въ выс степени цѣнныя сообщенія лицъ, близко стоявшихъ къ по ному писателю. Воспоминанія Т. И. Филиппова и С. В. Максим яркимъ свѣтомъ освѣтили начало литературной работы Островск и представили правдивую и жизненную картину обстановк сцены, гдѣ предстояло рости и совершенствоваться этой раб нарисовали рядъ личностей, глубоко повліявшихъ на молод писателя. Въ настоящее время мы знаемъ первые литератур шаги Островскаго несравненно полнѣе, чѣмъ они были извѣст его біографу А. Е. Носу. Мы теперь опредѣленно можемъ суд о *средѣ* и *обстоятельствахъ*, воспитывавшихъ ранніе зада художественнаго дарованія, и въ состояніи дать исторически-т ный отвѣтъ на первый и важнѣйшій вопросъ въ критикѣ произ деній Островскаго: почему нашъ драматургъ *началъ необыкн венно*, по выраженію Тургенева, т. е. въ первой же пьесѣ обна жилъ небывалое до него знаніе московскаго купеческаго и нар наго быта, идеальное умѣнье владѣть своеобразнымъ русск языкомъ и воспроизводить съ одинаковымъ художественнымъ вершенствомъ крупныя и мелкія черты русской натуры?

Драматургъ, очевидно, прошелъ извѣстный путь воспитан внушительную житейскую школу,—и намъ его друзья разсказа какую именно.

Если бъ и вся дальнѣйшая дѣятельность Островскаго ста предметомъ такихъ же разсказовъ, его біографъ не имѣлъ основаній жаловаться на трудность и черновой, пробный хара теръ своей работы. Теперь ему предстоитъ возстановлять цѣльн исторію жизни на основаніи отрывочныхъ замѣтокъ, вродѣ во поминаній артистовъ Бурдина, Горбунова и Нильскаго, разсказо личнаго секретаря Островскаго—Кропачева—живыхъ и прав выхъ, но касающихся только послѣднихъ лѣтъ его жизни и кро того совершенно оставляющихъ въ сторонѣ Островскаго-писате наконецъ—собственныя письма драматурга. Довольно многоч ленны письма къ Бурдину и къ г-жѣ Мысовской, но они даю очень мало матерьяла для біографіи автора и вообще не отлич ются содержательностью и обиліемъ личныхъ изліяній и приз ній, столь всегда краснорѣчивыхъ для характеристики писателя человѣка. Важнѣйшимъ *общимъ* біографическимъ источнико

тается, конечно, замѣтка самого Островскаго въ альбомѣ Семевраго «*Мои знакомые*»—замѣтка въ высшей степени немногословия, напоминающая краткіе послужные списки, какіе давали Тургневъ и Писемскій своимъ біографамъ.

Такимъ матерьяломъ располагаемъ мы для біографіи Островаго. Очевидно, его біографія — въ ея совершенной формѣ— просъ будущаго. Въ настоящее время мы въ состояніи освѣть болѣе или менѣе яркимъ свѣтомъ только нѣкоторые моменты творческой жизни нашего писателя и, насколько возможно при мотрительномъ и исчерпывающемъ пользованіи немногочисленми документами, представить болѣе или менѣе послѣдовательй ходъ творческой дѣятельности художника и нарисовать по зможности подлинными чертами личность человѣка.

Мы будемъ считать нашу задачу выполненной, если отъ насъ ускользнетъ ни одно цѣнное историческое указаніе и если мъ удастся каждому изъ этихъ указаній отвести надлежащее сто и въ результатѣ получить цѣльное, хотя бы и весьма общее, дставленіе о человѣческой и авторской природѣ одного изъ знаитѣйшихъ русскихъ писателей.

I.

Предки Островскаго принадлежали къ духовному сословію и ли костромичи. Писатель не забывалъ о своемъ мѣстномъ прожденіи и при случаѣ любилъ припомнить нравственныя черты, ичающія его земляковъ. Работая надъ драматической хроникой *сьма Захарьичъ Мининъ* и разбирая историческіе акты, ровскій обратилъ вниманіе на *рязанскій* характеръ Прокопія ыунова и такъ сравнилъ этого героя съ другимъ—костромъ—Иваномъ Сусанинымъ:

— Эти рязанцы по природѣ уже таковы, что какъ нѣмцы ь штуки и съ лавки не свалятся. Вѣдь, вотъ нашъ костромичъ, анинъ, не шумѣлъ: выбралъ время къ ночи, завелъ враговъ въ ую лѣсную глушь, тамъ и погибъ съ ними безъ вѣсти, да такъ, до сихъ поръ историки не кончили еще спора о томъ, существовалъ ли еще онъ въ самомъ-то дѣлѣ на бѣломъ свѣтѣ. А Прокію Ляпунову понадобилась веревка на шею, чтобы растрогать: овсе въ этой штукѣ не было нужды. Актерская жилка у всѣхъ анцевъ прирожденная....

Первый изъ родичей Островскаго переѣхалъ въ Москву его

дѣдъ. Онъ овдовѣлъ въ санѣ протоіерея одной изъ костромск церквей, постригся въ Московскомъ Донскомъ монастыр умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, напутствуемый высокимъ ува ніемъ монастырской братіи. Старшій изъ его шестерыхъ дѣте Николай Ѳедоровичъ былъ отцомъ знаменитаго писателя. измѣнилъ семейнымъ преданіямъ и, по окончаніи курса снач въ духовной костромской семинаріи, потомъ въ московской ду ной академіи, поступилъ на гражданскую службу, въ ка лярію общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената. Дв цати четырехъ лѣтъ, въ 1820 году, онъ женился на дочери в свирни и 31 марта 1823 года у молодыхъ супруговъ роди третій сынъ, названный Александромъ. Ему шелъ всего девя годъ,—мать его скончалась и на рукахъ отца осталась мн численная семья—изъ шести человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей.

Воспитаніемъ ихъ раньше занималась исключительно ма отецъ былъ поглощенъ службой и труднымъ добываніемъ средс По смерти жены онъ воспитаніе дѣтей поручилъ студенту Вие ской семинаріи—и этотъ учитель подготовилъ Александра Ни лаевича къ поступленію въ гимназію. Въ прошеніи о приня сына въ число учениковъ московской губернской (нынѣ перв гимназіи отецъ заявлялъ, что его двѣнадцатилѣтній сынъ— россійски писать и читать умѣетъ и первыя четыре правила ар метики знаетъ». Поступленіе состоялось въ сентябрѣ 1835 года и пять лѣтъ спустя Островсвій получилъ аттестатъ съ правомъ ступить въ университетъ безъ предварительнаго испытанія. А ксандръ Николаевичъ подалъ прошеніе о зачисленіи его въ с денты юридическаго факультета.

Въ это время отецъ его былъ женатъ вторично, заслуж дворянское достоинство, выхлопоталъ внесеніе своей семьи въ д рянскую родословную книгу Московской губерніи и въ годъ ступленія сына въ университетъ оставилъ государственную слу и сталъ заниматься ходатайствами по гражданскимъ дѣла Вѣроятно, это обстоятельство повліяло и на выборъ сына—име юридическаго факультета. Ни въ гимназіи, ни въ университ Островскій не обнаружилъ выдающихся способностей къ наукѣ, гимназіи курсъ окончилъ девятымъ изъ двѣнадцати, въ универ тетѣ на первомъ курсѣ оказалъ успѣхи не выше хорошихъ, и у на второмъ окончилось ученое поприще будущаго драмату Островскій оставилъ университетъ, не подвергаясь переходн испытанію—документально «ради службы», въ дѣйствительности вслѣдствіе недоразумѣнія съ однимъ изъ профессоровъ. Ему пр

яло теперь проходить обширную школу жизни, несравненно ѣе отвѣтственную и благодарную для его прирожденныхъ лонностей. Школа открылась немедленно за порогомъ универ-ета,—въ сущности послѣдовало только продолженіе житейской ки. Островскій еще раньше успѣлъ познакомиться съ ней. довская чиновничья служба и впослѣдствіи адвокатская прак-а вводили сына въ крайне пестрый и своеобразный кругъ ковскихъ нравовъ. Дореформенный строй жизни проходилъ дъ наблюдательнымъ взоромъ юноши—во всемъ богатствѣ и кости своихъ героевъ и фактовъ. И несомнѣнно,—въ его вообра-ніи съ теченіемъ времени постоянно складывались фигуры и зоды, какими ему предстояло воспользоваться для своихъ ран-къ произведеній.

Въ сентябрѣ 1843 года Островскій зачисленъ канцелярскимъ жителемъ въ Московскій совѣстный судъ. Учрежденный при Ека-инѣ II, этотъ судъ вѣдалъ гражданскія дѣла, по которымъ тяжу-ся могли согласиться разрѣшить свой споръ мировымъ соглаше-мъ по совѣсти. Уголовныя дѣла, подлежавшія совѣстному суду, никали по жалобамъ родителей на дѣтей, касались преступленій, ершенныхъ малолѣтними и глухонѣмыми или вызванныхъ осо-но неблагопріятными обстоятельствами. Наконецъ, вообще всѣ жданскіе споры между родителями и дѣтьми обязательно разби-ись въ совѣстномъ судѣ. Легко представить, сколько свѣдѣній е въ короткое время могъ пріобрѣсти будущій драматургъ о се-ныхъ и общественныхъ условіяхъ народнаго и купеческаго быта. особенности старая русская семья должна была открыть Остров-му множество затаенныхъ уголковъ своей жизни, съ трудомъ тупныхъ наблюденію посторонняго человѣка. Читая жалобы сто-ъ, выслушивая «совѣстныя» показанія обвиняемыхъ и обвини-ей, молодой чиновникъ какъ нельзя болѣе входилъ въ само-ный сокровенный міръ простыхъ людей, прислушивался къ ихъ и, вдумывался въ ихъ нравственныя воззрѣнія, запоминалъ рѣз-оригинальныя черты отдѣльныхъ личностей, выработанныя же-кимъ семейнымъ и общественнымъ строемъ дореформенной Руси

Больше двухъ лѣтъ продолжалась служба Островскаго въ со-тномъ судѣ,—въ концѣ 1845 года онъ поступаетъ въ канцеля-Московскаго коммерческаго суда, по первому отдѣленію въ «сло-ный столъ». Жалованье полагалось по усмотрѣнію начальства, ачальство соблагоразсудило назначить его Островскому въ раз-ѣ 4 рублей въ мѣсяцъ,—меньше, чѣмъ полагалось по табели—ублей $62^1/_2$ коп. При такомъ вознагражденіи Островскій, разу-

мѣется, продолжалъ оставаться въ полной матерьяльной зависим
отъ отца. Единственное цѣнное пріобрѣтеніе, какое онъ могъ изв
изъ своей службы, было все то же изученіе московскаго мѣ
скаго и купеческаго быта. Засѣдая въ «словесномъ столѣ», Ост
скій долженъ былъ знакомиться съ дѣлами о торговой несос
тельности, вникать во всевозможные хитроумные способы банк
ства, до тонкости изучать купеческіе обходы законовъ, уловк
кредиторами. Все это вскорѣ оказало ему великую услугу, снаб
неисчерпаемымъ запасомъ фактовъ и типовъ для художествен
творчества. Отцовская адвокатская практика также оказала б
щему писателю не малую пользу. Практика эта развивалась
имущественно среди московскаго купечества и шла съ больш
успѣхомъ. Островскій-отецъ успѣлъ пріобрѣсти домъ, содерж
семью и давалъ средства старшему сыну.

Самая мѣстность, гдѣ протекло дѣтство и первая молод
Островскаго, вполнѣ соотвѣтствовала его житейскимъ опытам
наблюденіямъ. Сначала семья жила въ замоскворѣчьѣ, потомъ
столь же захолустной и самобытной части города — у Никол
Воробьинѣ. Обывателей здѣсь окружала въ полномъ смыслѣ ста
завѣтная Москва, почти не тронутая вѣяніями европейскихъ
рядковъ. Пустынныя улицы, патріархальная жизнь въ домика
особнякахъ, безъ всякаго замысловатаго комфорта, безъ звонко
швейцаровъ. Охрана обывательскаго имущества поручалась бу
никамъ, совершенно идиллически смотрѣвшимъ на свои обязанно
и сами обыватели прекрасно сживались съ своими первобытн
стражами, не предъявляя непосильныхъ запросовъ ихъ бдительно
и усердію.

Домъ Островскаго стоялъ среди пустыря по сосѣдству съ з
менитыми въ старину серебряными торговыми банями. Мѣстно
была до такой степени уединенна, а нравы—просты и откровен
что изъ оконъ жилища Островскаго можно было видѣть самыя с
лыя бытовыя картины: изъ бани выскакивали люди, только
запарившіеся до одурѣнія, и принимались валяться въ снѣгу. П
тивъ дома находилась полицейская будка съ беззубымъ полиц
скимъ стражемъ, обладателемъ неуклюжей допотопной алебар
большимъ пріятелемъ окрестныхъ обывателей и великимъ люби
лемъ веселой компаніи и крѣпкаго безмятежнаго сна.

Все это безвозвратно отошло въ исторію Москвы, и нашъ пи
тель засталъ всѣ эти прелести вѣковой старины уже на закатѣ.
вая жизнь надвигалась и на московскія захолустья, въ ближайше
будущемъ она грозила смести съ лица земли ископаемыхъ ори

ловъ, навсегда похоронить и простоту нравовъ, и патріархаль-
ть обывательскаго житья-бытья, и наивную безпечность «на-
льства». Но пока историческая Москва еще жила и для чуткаго
рческаго таланта Островскаго было не малымъ счастьемъ ви-
ть собственными глазами почвенный московскій бытъ. Художнику
дстояло открыть русскому обществу новый міръ отечественной
ствительности, еще не тронутый литературой,—и этотъ именно
ъ втеченіи цѣлыхъ лѣтъ открывалъ своему будущему бытопи-
елю свои тайны, обогащалъ его умъ непосредственными наблю-
іями и, можно сказать, невольно толкалъ его на извѣстный пи-
ельскій путь. Сама жизнь, день за днемъ сопровождавшая ум-
енное развитіе и практическую дѣятельность Островскаго, давала
готовую програму художественнаго творчества,—и сѣмена па-
и на благодарную почву.

Островскій, по природѣ, обладалъ особенной чуткостью къ фак-
ъ и психологіи именно русской самобытной дѣйствительности.
іональные нравственные инстинкты составляли основу личности
матурга, и его взоръ отличался поразительной остротой и про-
ательностью всюду, гдѣ вопросъ шелъ о современномъ или исто-
ескомъ народномъ бытѣ. Принадлежа къ сословію, искони близко
вшему къ народу, выросшій на полной свободѣ, лицомъ къ лицу
самой жизнью, не испытавшій никакого внѣшняго гнета и на-
ливаго обезличивающаго руководительства «старшихъ» и не по
уму усердныхъ педагоговъ, — Островскій прошелъ самую цѣле-
бразную подготовительную школу, какую только можно было
ставить для будущаго литературнаго Колумба дореформенной ку-
ской и мѣщанской Россіи.

II.

Литературная дѣятельность Островскаго началась одновременно
азенной службой. Должностныя обязанности не мѣшали ей. На-
ющій писатель врядъ-ли могъ съ особеннымъ усердіемъ приле-
ть къ канцелярской работѣ. Она интересовала его лишь, насколько
ставляла матерьялъ для его психологическихъ и художествен-
ъ задачъ. Чиновничья служба являлась однимъ изъ путей, вед-
ъ драматурга въ заповѣдный міръ «темнаго царства», — и въ
ъ отношеніи онъ воспользовался ею очень рано. По его словамъ,
къ осени 1846 года у него было написано много сценъ изъ ку-
скаго быта, въ общихъ чертахъ задумана цѣлая комедія и даже
осаны нѣктоорыя сцены.

Содержаніе комедій имѣло непосредственную связь съ ка
лярскими опытами Островскаго, какъ чиновника коммерческаго
и, разумѣется, съ многочисленными наблюденіями московской ж
за предѣлами суда. Комедіи предстояло носить названіе *Банкр*
Впослѣдствіи авторъ нашелъ его по разнымъ причинамъ неудоб
и замѣнилъ пословицей—*Свои люди сочтемся*. Въ томъ же 1846
написана небольшая пьеса—*Семейная картина*: это первое-
конченное драматическое произведеніе Островскаго, но не оно
вымъ появилось въ печати. Девятаго января 1847 года вт
зетѣ *Московскій Городской Листокъ* появился драматическій о
вокъ—подъ заглавіемъ *Сцены изъ комедіи «Несостоятел*
должникъ» (ожиданіе жениха). Надъ отрывкомъ стояло *Я*
ніе IV и заключалось въ немъ всего два явленія. Въ окончате
отдѣланной пьесѣ — *Свои люди сочтемся* — они первое и вт
явленія третьяго акта, вошедшія въ комедію послѣ незначительн
поправокъ. Сцены подписаны иниціалами А. О. и Д. Г.,—слѣд
тельно онѣ принадлежали двумъ авторамъ—будущему знамени
драматургу и его сотруднику, артисту московской драматиче
сцены—Дмитрію Тарасенкому, по театру—Гореву.

До сотрудничества съ Островскимъ Горевъ успѣлъ написа
напечатать драму *Государь-Избавитель* и нѣсколько лѣтъ п
комедію *Сплошь да рядомъ*. Обѣ пьесы отнюдь не блистали тал
ливостью, въ настоящее время совершенно забыты и остались то
какъ краснорѣчивое свидѣтельство несомнѣннаго факта, что Го
не могъ оказать Островскому, какъ писателю, цѣнныхъ усл
Но Горевъ и цѣнители его таланта смотрѣли на дѣло соверш
иначе, и Островскому пришлось жестоко поплатиться за мимолет
литературную дружбу съ притязательнымъ драматургомъ. Расп
наступила не тотчасъ послѣ появленія имени Островскаго въ печ
Молодого писателя уже окружала громкая слава, онъ имѣлъ вос
женныхъ цѣнителей своего таланта, ему видимо предстояло за
одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ современной литературѣ.-
въ это именно время ему пришлось вести въ высшей степени до
ную полемику, отвоевывать свои права на свои же произведе
Это произошло девять лѣтъ спустя послѣ злополучной автор
подписи подъ фельетономъ *Московскаго Городского Листка*
пока Островскому предстояло одолѣвать другія препятствія на сво
только что открывшемся писательскомъ пути.

Съ небольшимъ мѣсяцъ спустя послѣ напечатанія *сценъ*—
ступилъ «самый памятный день» въ жизни Островскаго. Такъ с
писатель называлъ четырнадцатое февраля 1847 года. Въ этотъ

ъ былъ въ гостяхъ у профессора русской словесности Шевырева. знакомился Островскій съ профессоромъ, вѣроятно, черезъ своего иназическаго товарища, учившаго дѣтей у Шевырева. Въ знаме-тельный вечеръ къ профессору собралось не мало именитыхъ го-ей,—среди нихъ знаменитый славянофильскій публицистъ и фи-софъ—А. С. Хомяковъ, талантливый критикъ А. А. Григорьевъ.

Въ присутствіи ихъ Островскій прочиталъ свои драматическія ены. Шевыревъ, помимо чтенія лекцій въ университетѣ, писалъ итическія статьи и въ ученомъ и солидномъ обществѣ считался авнымъ представителемъ литературной критики. Отъ его впеча-ѣній зависѣлъ первый успѣхъ молодого драматурга. Его отзывъ гъ или окрылить его талантъ или въ сильной степени охладить жду писательской дѣятельности. Приговоръ Шевырева не могъ ѣть рѣшающаго значенія для всего будущаго Островскаго, но енно въ Москвѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ и началѣ пятиде-тыхъ слово профессора обладало большимъ литературнымъ авто-тетомъ и практическимъ значеніемъ. Оно могло открыть или пре-адить путь начинающему драматургу къ страницамъ единствен-го московскаго журнала — *Москвитянина*. Журналъ издавался ъ редакціей профессора русской исторіи Погодина, при ближай-мъ и усерднѣйшемъ участіи Шевырева, наполнявшаго своими атьями весь критическій отдѣлъ. Очевидно, похвала или порицаніе ѣнаго критика рѣшали вопросъ о правахъ литературнаго граж-ства сотрудника *Городского Листка*. Рѣшеніе оказалось вполнѣ агопріятнымъ, и именно оно сдѣлало для Островскаго четырнадца-февраля самымъ памятнымъ днемъ жизни.

Шевыревъ, выслушавъ чтеніе, пришелъ въ восторгъ, обнялъ тора и привѣтствовалъ его какъ писателя, одареннаго громаднымъ антомъ и призваннаго писать для отечественнаго театра.

«Съ этого дня», разсказываетъ Островскій, «я сталъ считать я русскимъ писателемъ, и уже безъ сомнѣній и колебаній повѣ-лъ въ свое призваніе».

Мы не знаемъ, какія драматическія сцены читалъ Островскій Шевырева,—можно предполагать, что это была пьеса *Картина мейнаго счастья*. Ровно мѣсяцъ спустя послѣ достопамятнаго дня появилась въ томъ же *Московскомъ Городскомъ Листкѣ* — подписью А. О. И эта пьеса впослѣдствіи вызвала печатную по-лику касательно вопроса, насколько она принадлежитъ Остров-ому? Наконецъ, въ той же газетѣ и въ томъ же году Островскій печаталъ первое и послѣднее свое произведеніе въ недраматиче-ой формѣ—*Записки замоскворѣцкаго жителя*. Онѣ появились

въ трехъ номерахъ газеты, отъ 3-го іюня до пятаго, подъ ним стояло никакой подписи, но подзаголовокъ сообщалъ, что новое изведеніе принадлежитъ автору *Картины семейнаго счас Записки* ни разу не перепечатывались и не вошли въ полное браніе сочиненій Островскаго, — между тѣмъ онѣ представля большой интересъ въ исторіи развитія авторскаго таланта и въ об щеніи *къ читателямъ* заключаютъ любопытную характерист того оригинальнаго міра, какому предстояло на многіе годы в новлять творческій геній драматурга.

Авторъ сообщалъ, что 1 апрѣля 1847 года онъ нашелъ ру пись. Она «проливаетъ свѣтъ на страну, никому до сего врем въ подробности неизвѣстную и никѣмъ еще изъ путешественник не описанную. До сихъ поръ извѣстно было только положені имя той страны; что же касается до обитателей ея, т. е. обр ихъ жизни, языка, нравовъ, обычаевъ, степени образованности все это было покрыто мракомъ неизвѣстности».

До сихъ поръ знали только, что страна эта лежитъ прямо п тивъ Кремля, по ту сторону Москвы-рѣки, отчего и называется *москворѣчьемъ*. Но, спѣшитъ прибавить авторъ, наименованіе некоторые ученые производятъ также отъ слова скворецъ, такъ ка жители страны питаютъ большое пристрастіе къ этой птицѣ и лаютъ для нея особаго рода гнѣзда, называемыя скворешницам Но дальше свѣдѣнія даже ученыхъ не идутъ.

«Остановится ли путникъ на высотѣ кремлевской, привлече ный неописанной красотой Москвы, — и онъ глядитъ на Замоскв рѣчье, какъ на волшебный міръ, населенный сказочными героя тысячи и одной ночи. Таинственность, какъ туманъ, разстилала надъ Замоскворѣчьемъ; сквозь этотъ туманъ, правда, доносились насъ кое-какіе слухи объ этомъ Замоскворѣчьи, но они такъ сби чивы, неясны и, можно сказать, неправдоподобны, что ни оди еще благомыслящій человѣкъ не могъ изъ нихъ составить се сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія о Замоскворѣчьи».

И авторъ приводитъ примѣры — странныхъ слуховъ, расп страненныхъ въ публикѣ на счетъ рѣдкостей и чудесъ неизслѣд ванной страны. Найденная рукопись—правдивый разсказъ о Зам скворѣчьи, и авторъ намѣренъ извлечь изъ своей находки ря замоскворѣцкихъ очерковъ,—пока же предлагаетъ вниманію публи одинъ—подъ заглавіемъ *Иванъ Ерофеичъ*.

Это исторія бѣднаго приказнаго, обывателя съ Зацѣпы, — высшей степени скорбная,—исторія гибели человѣка. Самъ Ива Ерофеичъ бѣдствія свои объясняетъ весьма краснорѣчивымъ соо

еніемъ, не лишеннымъ значенія и для настроеній нашего мо-
ого автора. «Гибну я отъ того, говоритъ несчастный герой, что
налъ я счастья семейной жизни, что не нашелъ я за Москвой-
ой женщины, которая бы любила меня такъ, какъ я могъ лю-
ь. Отъ того, я гибну, что не зналъ я великаго вліянія женщи-
этой росы небесной».

Краткій разсказъ о судьбѣ Ивана Ерофеича даетъ автору воз-
ность показать цѣлую галлерею замоскорѣцкихъ портретовъ.
иная съ «купца-русака» и кончая мелкими чиновниками. Оче-
но, у автора набрался обильный матерьялъ изъ жизни и нра-
ь Замоскворѣчья. Чрезвычайно яркая характеристика лицъ и
будничной обстановки, увѣренность рисунка и выпуклость от-
ныхъ штриховъ свидѣтельствовали о близкой личной освѣдом-
ности автора въ предметѣ. Въ невѣдомой доселѣ странѣ онъ
ь какъ у себя дома, и «рукопись» вполнѣ оправдывала предисло-
реальнѣе и правдивѣе трудно было изобразить заброшенное,
терянное» житье-бытье невзрачныхъ замоскворѣцкихъ обыва-
й,—и въ небольшомъ отрывкѣ мы встрѣчаемъ первые художе-
нные наброски многочисленныхъ типовъ, создавшихъ впослѣд-
и славу драматурга.

Столь блестящій и оригинальный талантъ, сказавшійся съ са-
начала, долженъ былъ обратить вниманіе всѣхъ, кто только
илъ за явленіями современной литературы. Личность новаго
теля неминуемо стала центромъ цѣлаго кружка людей, такъ или
е причастныхъ литературѣ — писателей, артистовъ и просто
телей отечественнаго слова.

Еще раньше чтенія сценъ въ домѣ Шевырева Островскій былъ
омъ съ писателями. Восторженный отзывъ извѣстнаго профес-
и критика еще выше приподнималъ популярность начинаю-
драматурга и расширялъ общество людей, заинтересованныхъ
галантомъ. И однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ жизни Ост-
каго слѣдуетъ признать чрезвычайно разнообразный и обшир-
кругъ знакомствъ, встрѣтившій и сопровождавшій его первые
тельскіе шаги. Выросшій въ тѣсномъ общеніи съ жизнью,—
овскій и писать началъ среди все тѣхъ же настойчивыхъ вну-
й дѣйствительности. Она не переставала нести ему свою прав-
силу,—былъ ли онъ чиновникомъ, сидѣлъ въ канцеляріи ком-
ескаго суда или попадалъ въ оживленную среду друзей и со-
твенниковъ своего таланта.

Ему всюду представлялась обильная жатва для самобытнаго

творчества,—досугъ и дѣло служили одной и той же цѣли—о
щенію и совершенствованію литературнаго дарованія.

III.

Знакомства Островскаго, одинаково нужныя для него, при
лежали къ двумъ обществамъ,—и связующимъ звеномъ между
ми обществами являлась личность молодого писателя. Онъ не б
исключительно книжнымъ литераторомъ, онъ началъ самос
тельную жизнь практической дѣятельностью,—это счастливое
паденіе отразилось на *средѣ* и писательскихъ опытахъ Островс
Онъ, по семейнымъ преданіямъ и по роду своей службы, без
станно сталкивался съ великимъ множествомъ простыхъ русс
людей, «русаковъ», какъ онъ самъ выражался въ своей замос
рѣцкой повѣсти,—и въ то же время по образованію и таланту
надлежалъ интеллигенціи, былъ однимъ изъ самыхъ блестящ
украшеній литературнаго московскаго міра. Отсюда—чрезвыча
пестрая толпа «хорошихъ», «душевныхъ» людей, окружав
Островскаго на первыхъ порахъ его литературной дѣятельност

Мѣстомъ свиданій пріятельскаго кружка служилъ тракт
Гурина, собственно одно изъ его отдѣленій—весьма извѣстно
прошломъ московской литературной жизни—«Печкинская ко
ня». Здѣсь собирались студенты, писатели, торговцы и просто
бители веселой интересной бесѣды и въ особенности русской пѣ
Среди «русаковъ» выдѣлялся Иванъ Ивановичъ Шанинъ—то
вецъ изъ ильинскихъ рядовъ.

Островскій весьма многимъ позаимствовался отъ этого ор
нальнаго, богато-одареннаго «простого человѣка». Шанинъ о
чался рѣдкимъ остроуміемъ, былъ мастеръ на бойкую мѣткую р
поражалъ находчивостью, когда надо было дать яркую и силь
характеристику лица или бытового явленія. Нѣкоторые разск
и оригинальныя выраженія Шанина навсегда врѣзывались въ
мяти слушателей. Онъ посвящалъ своихъ пріятелей въ мног
разныя тайны гостиннодворскихъ дѣльцовъ, забавно и талант
объяснялъ, какъ московскіе купцы обдѣлываютъ иногородн
обывателей, ловко сбываютъ имъ гнильё и лежалый товаръ.
бесѣдъ того же Шанина нашъ кружокъ друзей и въ томъ чи
Островскій узнали объ одномъ изъ распространеннѣйшихъ замос
рѣцкихъ типовъ, о купеческомъ братѣ, жертвѣ загула и па
ныхъ увлеченій. Фигура Любима Торцова, слѣдовательно, б

ѣяна разсказами бойкаго и остроумнаго купчика. Немало пере-
о въ комедіи Островскаго и отдѣльныхъ блестящихъ чисто-рус-
хъ выраженій, слетавшихъ съ языка Шанина въ разгарѣ
тельской бесѣды.

И Шанинъ былъ не одинъ. Въ компанію входило еще человѣкъ
ь молодежи—живой, веселой, искусной на разныя затѣи и за-
ловатыя выходки. Компанія носила наименованіе «оглашен-
ъ»,—но это прозвище отнюдь не слѣдуетъ понимать въ унизи-
ьномъ смыслѣ. Всѣ молодые люди были заняты какимъ-нибудь
омъ, служили, торговали, учились, и всѣхъ ихъ соединяло об-
чувство восторга предъ новымъ литературнымъ талантомъ. Въ
тельской бесѣдѣ веселье било ключомъ, смѣхъ не умолкалъ,
латыя слова летѣли вихремъ, каждый старался блеснуть сво-
искусствомъ—разсказать исторію, изобразить въ лицахъ героя
героиню изъ невѣдомой страны, именуемой Замоскворѣчьемъ.
Представлялась съ поразительной артистической вѣрностью—
щаяся старуха. Молитвѣ ея мѣшаетъ собака, она теребитъ ста-
у за подолъ и намѣревается укусить за ногу. Старуха ворчитъ,
ка лаетъ, старуха отмахивается и продолжаетъ въ то же время
о молитву. Сцена кончается торжествомъ собаки, она кусаетъ
уху, та ее бьетъ,—поднимается вой, крикъ — и все это одно-
ленно воспроизводится артистомъ—къ единодушному восторгу
ики.

Среди этой публики присутствуетъ Писемскій, впослѣдствіи—
менитый писатель, теперь простодушно, по-дѣтски смѣшливый
юдатель. Онъ надолго запомнитъ лицедѣйскія упражненія прія-
й и перенесетъ ихъ въ свой романъ *Сороковые годы*. Можетъ
даже съ бо́льшимъ восторгомъ, чѣмъ слѣдовало, онъ переска-
, забавныя представленія молодежи, окружавшей Островскаго.
стъ, неподражаемо изображавшій сцену молящейся старухи
бакой, столь же искусно вмѣстѣ съ другимъ такимъ же ху-
икомъ воспроизводилъ голоса животныхъ, цѣлаго стада.
но герои Писемскаго подвизаются въ подобнаго рода искус-
, и авторъ устами главнаго лица своего романа восклицаетъ:
это смѣхъ—настоящій, честный, добрый».

Компанія не только сама жила полной веселой и возбуждающей
ью,—она вносила ее всюду, гдѣ только являлась, вызывала у
ихъ мѣткость и остроту выраженій, создавала—однимъ сло-
—все ту же своеобразную вдохновляющую атмосферу, какою
ися нашъ молодой талантъ. Пьесы Островскаго переполнены
ыми, краткими *озаряющими* опредѣленіями—явленій и лич-

ностей,—и онъ первый внесъ это богатство въ русскую ли
туру. И оно само плыло въ его руки, чуть не ежедневно онъ
собирать эти перлы своего литературнаго языка, вращаясь въ
«русаковъ» и дыша почвеннымъ московскимъ воздухомъ.
одинъ примѣръ, вполнѣ знакомящій насъ съ сущностью дѣла.

Въ баняхъ у Каменнаго моста существовалъ банщикъ И
Миронычъ Антоновъ,—человѣкъ маленькаго роста, говори
фальцетомъ и отборными книжными словами. Случилось въ ба
мыться тому самому артисту, который такъ искусно изобра
молитву старухи и голоса животныхъ. Вбѣгая въ раздѣваль
онъ заржалъ жеребенкомъ. Иванъ Миронычъ замѣтилъ, что ю
«малодушествомъ занимается»,—Островскій не преминулъ
пользоваться этимъ изреченіемъ.

И. несомнѣнно, такова судьба многихъ крылатыхъ словъ,
обильно разсѣянныхъ въ пьесахъ Островскаго.

Немалую лепту внесла въ его творчество и подруга мол
жизни писателя,—Агаѳья Ивановна. Она была простого проис
денія, не отличалась красотой, не получила образованія, но о
дала большой душевной привлекательностью, недюжиннымъ у
и сильнымъ характеромъ. Она съумѣла внушить пріятелямъ
ровскаго — уваженіе и любовь, они въ шутку сравнивали е
Марѳой Посадницей,—и дѣйствительно, отъ нея исключительно з
сѣлъ порядокъ скуднаго хозяйства Островскаго. Она, при сам
ограниченныхъ средствахъ, съумѣла создать довольство и во
имѣла чѣмъ угостить друзей хозяина. Бесѣда ихъ не обходи
безъ ея участія, и участіе было—дѣятельное. Агаѳья Иван
обладала прекраснымъ голосомъ, знала очень много русскихъ
сенъ и превосходно ихъ пѣла. Она была драгоцѣннымъ чле
общества и въ другихъ отношеніяхъ и всегда могла оказать н
лую услугу Островскому, какъ писателю. Купеческій бытъ Аг
Ивановна знала до тонкости, глубоко понимала обычаи и н
таинственнаго замоскворѣцкаго царства. Островскій внимате
прислушивался къ ея сужденіямъ, высоко цѣнилъ ея совѣты и
гое исправлялъ въ своихъ пьесахъ по ея приговору. Свидѣ
ранней литературной дѣятельности Островскаго большую
участія приписываютъ Агаѳьѣ Ивановнѣ въ комедіи «*Свои л
сочтемся*»,—особенно въ ея содержаніи и внѣшней обстано
Вообще, по всѣмъ даннымъ, Агаѳья Ивановна представляется
ностью незаурядной и настолько привлекательной и интерес
что друзья Островскаго навсегда сохранили о ней самыя лес
воспоминанія.

Таковы чисто-русскія самобытныя вліянія, пережитыя Островмъ—авторомъ первыхъ произведеній изъ замоскворѣцкаго быта. рядомъ съ «русаками» писателя окружали люди другого круга,— исты, студенты, литераторы. Между этими, повидимому довольразличными и пестрыми элементами связующимъ звеномъ была хъ одинаково горячо одушевлявшая любовь къ русской народги, къ народному творчеству, въ особенности къ русской народпѣснѣ.

Тотъ же Писемскій сохранилъ яркое воспоминаніе объ этомъ еченіи и также перенесъ его въ одинъ изъ своихъ романовъ— *збаламученное море»*.

Здѣсь разсказывается очень живая сцена, очевидно, безпрестанно торявшаяся въ студенческомъ трактирѣ *Британія*. Среди шума живленныхъ бесѣдъ мгновенно все смолкло.

— Тертіевъ поетъ, воскликнулъ студентъ и, перескочивъ чеь голову другого студента, убѣжалъ. Другіе устремились за нимъ. билліардной они увидѣли молодого бѣлокураго студента, кото, опершись на кій и подобравъ высоко грудь, пѣлъ чистымъ теомъ:

Кто-бы, кто-бы моему горю-горюшку помогъ.

Слушали его нѣсколько студентовъ. Одинъ изъ прибѣжавшихъ звуки пѣсни шмыгнулъ съ ногами на диванъ и превратился въ цетворенное блаженство.

Въ сосѣдней комнатѣ Кузьма, половой, прислонившись къ приѣ, погрузился въ глубокую задумчивость. Прочіе половые также шали. Многіе изъ гостей купцовъ не безъ удовольстія повернули и уши къ дверямъ. Пропѣтая пѣсня смѣнилась другой:

Ужъ ведутъ ведутъ Ванюшу: руки ноги скованы
Буйная его головка да вся испроломана...

И восторги слушателей не ослабѣвали и не падали. «За душу затывала русская пѣсня», вспоминалъ потомъ Горбуновъ,— натуральномъ исполненіи Т. И. Филиппова», — и именно этого да изображаетъ Писемскій.

Русская пѣсня въ кружкѣ Островскаго пользовалась исключинымъ почетомъ. Искусныхъ пѣвцовъ разыскивали во всѣхъ хъ Москвы, не обѣгая грязныхъ, шумливыхъ трактировъ и поовъ. Сюда собирались доморощенные артисты, игравшіе на разъ инструментахъ, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ вспоминаетъ І. Филипповъ: «Николка-рыжій гитаристъ, Алексѣй съ торбаь: водку запивалъ квасомъ, потому что никакой закуски желу-

докъ его не принималъ. А былъ артистъ и «венгерку» на тор
игралъ такъ, что и до сихъ поръ помню».

Подобная пѣсня раздавалась не въ однихъ трактирахъ и ка
кахъ. Общепризнанный непобѣдимый артистъ Т. И. Филиппов
ренесъ ее въ литературныя гостиныя и даже въ свѣтскія з
Здѣсь восторгъ охватывалъ и самихъ хозяевъ, и ихъ присл
часто плакавшую отъ умиленія.

Островскій раздѣлялъ общее восхищеніе. Онъ и самъ обла
очень красивымъ теноромъ, пѣлъ превосходно,—правда не рус
пѣсни, а романсы. И ему очень льстили его успѣхи на этомъ попри
онъ въ ранней молодости готовъ былъ гордиться ими, по крайней м
не меньше, чѣмъ писательскими. Народная пѣсня произвела надр
турга неотразимое впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ ея—не только
художественный талантъ усвоилъ новые мотивы творчества
измѣнилось даже самое міросозерцаніе Островскаго. Несомнѣнн
отраженіемъ народыхъ пѣсенъ явилась драма «*Не такъ живи, к
хочется*». Островскій очень долго и тщательно работалъ надъ
пьесой, воодушевляя ее поэтическимъ народнымъ духомъ. К
значеніе имѣла въ этой работѣ народная поэзія—показываетъ
вый набросокъ пьесы: онъ переполненъ выраженіями и цѣлыми
хами изъ народныхъ пѣсенъ.

Но еще существеннѣе, конечно, вопросъ о преобразованіи м
созерцанія молодого писателя, т. е. о видоизмѣненіи самой осн
его литературной дѣятельности. Оно въ высшей степени любопы
и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ всей жизни Ост
скаго.

IV.

Во время пребыванія Островскаго въ университетѣ, въ лит
турѣ самой громкой и лестной славой было окружено имя Бѣл
скаго и обширнѣйшимъ вліяніемъ пользовался журналъ, служив
ему органомъ,—*Отечественныя Записки*. Въ романѣ Писемс
Сороковые годы студенты съ особенной горячностью бесѣду
именно о Бѣлинскомъ, нѣкоторые изъ нихъ знаютъ его статьи н
зусть,—вообще идеи и талантъ знаменитаго критика стоятъ
очереди дня. Островскій не могъ миновать столь широкаго и с
наго теченія. Онъ также усердный читатель *Отечественныхъ За
сокъ* и, слѣдовательно, весь принадлежитъ западническому на
вленію. Онъ увлекается западничествомъ до послѣдней крайно
увѣряетъ, что ему даже противенъ видъ Кремля съ соборами.

— Для чего здѣсь настроены эти пагоды? однажды задалъ онъ
росъ своему пріятелю, пѣвцу русскихъ пѣсенъ.

Но эта крайность не могла оставаться прочной. Островскій еще
мѣлъ вполнѣ опредѣлившихся убѣжденій, онъ просто поддавался
е распространенному и сильному направленію идей. И не трудно
о предугадать, что именно западничество менѣе всего соотвѣт-
вало природѣ и таланту Островскаго. Всѣ прирожденныя со-
ствія влекли его къ русской коренной почвѣ, всѣми силами души
былъ связанъ съ Москвой и ея бытомъ. Презрѣніе къ Москов-
му Кремлю звучало въ его устахъ по меньшей мѣрѣ странно и
жиданно,—и, очевидно, являлось плодомъ внѣшнихъ вѣяній.
ило вѣяніямъ перемѣниться, стоило попасть Островскому въ
гъ людей, болѣе родственныхъ по своимъ взглядамъ его соб-
еннымъ естественнымъ влеченіемъ, — и западническія край-
ти безъ особенныхъ затрудненій могли перейти въ противопо-
ныя.

Надо помнить,—Островскій—натура чисто-художественная, а
публицистическая. Въ такихъ натурахъ убѣжденія создаются
только логическимъ процессомъ мысли, сколько впѣчатлѣніями,
ствомъ и воображеніемъ. И очевидецъ совершенно правильно за-
аетъ, что народная пѣсня въ кружкѣ Островскаго была «глав-
силою, которая постепенно слагала, вырабатывала и выясняла
вы міросозерцанія молодыхъ друзей». Это *поэтическое* внушеніе
имѣло особенное дѣйствіе на Островскаго, и вскорѣ послѣ его за-
нических увлеченій мы слышимъ отъ одного изъ самыхъ близ-
ъ его друзей: русское направленіе, воспринятое Островскимъ,
одило у него иногда даже до крайностей. Островскій уже не могъ
нодушно выслушивать отзывовъ и толковъ западническаго ла-
, они оскорбляли его самолюбіе, затрогивали его лично и
тряли враждебное отношеніе къ столь недавно еще обожаемому
равленію.

Не одна, конечно, народная пѣсня совершила подобную пере-
у. Вся атмосфера, которою дышалъ молодой писатель, распола-
его именно къ русскому направленію. Его окружали яркіе на-
альные таланты, на молодую впечатлительность сильно дѣй-
вали оригинальныя русскія натуры,—а всѣ эти сѣмена падали
крайне благопріятную самой природой подготовленную почву.
ри всѣхъ крайностяхъ Островскаго въ новомъ направленіи не
уетъ думать, будто онъ сталъ рѣшительнымъ непримиримымъ
омъ западниковъ. Такая рѣзкость и прямолинейность не соот-
ствовали бы основному художественному строю природы нашего

писателя. Онъ одинаково былъ далекъ отъ славянофильско тантской исключительности и отъ слѣпыхъ восторговъ проти ложнаго лагеря предъ западно-европейской цивилизаціей. Зд смыслъ и глубокое національное чувство—главнѣйшія основы созерцанія Островскаго. Всякій отвлеченный фанатизмъ был совершенно чуждъ и впослѣдствіи, въ качествѣ директора теат онъ усердно будетъ заботиться о появленіи на русской сценѣ о цовыхъ произведеній западной драматической литературы, б переводить испанскихъ и итальянскихъ драматурговъ и мечт полномъ переводѣ Мольера. Все это, по мнѣнію Островскаг могло мѣшать національному развитію русской сцены.

Не меньше терпѣлъ онъ и въ началѣ своей литературной тельности. Временами онъ могъ считать даже за личное оскорб тотъ или иной отзывъ западника о русской исторіи и русской ствительности,—но временныя огорченія не вызывали у него з нія порвать всѣ связи съ западниками. Онъ охотно отзывает ихъ приглашенія—прочесть среди нихъ свою пьесу, навѣщ западническій салонъ графини Сальясъ, писавшей подъ име Евгеніи Туръ, вообще не слѣдуетъ примѣру своихъ ближайш пріятелей, намѣренно избѣгавшихъ противнаго лагеря. Онъ да также и отъ чисто-внѣшнихъ славянофильскихъ увлеченій св друзей, не переодѣвается въ мужицкое платье, не тоскуетъ о д ной національной бородѣ, вообще—онъ не утрачиваетъ ни на нуту здраваго смысла и спокойствія духа, идетъ ровно и спок своимъ путемъ правдиваго непосредственно-сильнаго художест наго творчества.

Но именно эти качества и вызываютъ особенный востор славянофильскихъ поклонниковъ Островскаго. Врядъ-ли когда- какой русскій писатель съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельн возбуждалъ такое стремительное чувство любви, почти обожа Онъ становится настоящимъ центральнымъ свѣтиломъ мног сленныхъ литературныхъ и артистическихъ талантовъ. На него трятъ какъ на могучаго представителя истинно-русскаго искусс какъ на единственную блестящую надежду національной лит турной сцены.

Среди восторженныхъ цѣнителей таланта и личности Ост скаго первое мѣсто по всѣмъ правамъ должно принадлежать А лону Григорьеву. Одаренный незаурядными литературными спо ностями, сильнымъ художественнымъ чувствомъ, рыцарски жавшій литературу и искусство—Григорьевъ представлялъ сво разное явленіе—пламеннаго, часто до самозабвенія вдохновен

нтика—на русской національной почвѣ. Личная жизнь выпала крайне неудачная, переполненная обманутыми надеждами, несбывшимися мечтами и всякаго рода лишеніями. Слишкомъ чій романтическій строй натуры и обиліе жизненныхъ испыта- безпрестанно мѣшали ясности и спокойствію критической ра- Григорьева. Его трудно было вложить въ строго опредѣленныя ки правовѣрнаго литературнаго направленія,—и Погодинъ при- лъ въ оторопь отъ внезапныхъ взрывовъ чисто-поэтическаго новенія своего сотрудника, отъ его неукротимой умственной висимости, отъ его художественнаго равнодушія къ общепри- нымъ уставамъ и обычаямъ славянофильскаго толка.

Но и Погодинъ не могъ не признать, что Григорьевъ «много шаго вездѣ скажетъ съ чувствомъ». Именно это чувство пре- ственно и управляло восторгами и мыслями Григорьева. И эти силы цѣликомъ сосредоточились на Островскомъ. Молодой атургъ сталъ центромъ *молодой редакціи Москвитянина*. по замыслу самого Погодина, должна была обновить его жур-, вдунуть въ него свѣжую юную жизнь и упрочить торже- славянофильской литературной и общественной вѣры.

Григорьевъ оставилъ намъ воспоминанія объ этомъ невозврат- прошломъ—безпредѣльныхъ надеждъ и истинно-богатырскихъ ческихъ замысловъ.

Предъ нами не простой разсказъ, а страстная вдохновенная испо- . Рѣчь ведетъ не просто бывшій сотрудникъ бывшаго журнала едается воспоминаніямъ нѣкій влюбленный, пережившій чарую- образы своихъ мечтаній. Онъ кратко и ясно опредѣляетъ зна- е Островскаго въ своей личной и писательской судьбѣ: «явился овскій и около него, какъ центра,—кружокъ, въ которомъ *лись* всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія». *Нашлись*—подчер- етъ самъ авторъ, придавая, очевидно, исключительное значе- амому факту встрѣчи съ Островскимъ и его друзьями.

Очевидецъ разсказываетъ намъ и самую сцену, съ которой на- сь нравственное просвѣтлѣніе Григорьева,—сцена столь же остнаго характера, какъ и вся исторія отношеній Григорьева стровскому.

Однажды у Островскаго былъ большой литературный вечеръ, утствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій. а большинство гостей разошлось и остались только близкіе овскому люди—Филиппова просили спѣть. Пѣвецъ, по обыкно- о, произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе и въ особенности— ригорьева. Онъ упалъ на колѣни и просилъ кружокъ принять

и его въ число своихъ ближайшихъ членовъ. Онъ—въ порывъ хищенія и мольбы—заявлялъ, что до сихъ поръ онъ всюду и ті искалъ правды, и нашелъ ее наконецъ въ средѣ друзей Ос скаго, и онъ былъ бы счастливъ, если бы ему позволили бросить якорь.

И онъ бросилъ. Островскій сталъ для Григорьева прор *новаго слова*, единственнымъ полнымъ выразителемъ его міро цанія. Григорьевъ не умѣетъ опредѣлить, кто онъ—западник славянофилъ, — знаетъ только, что существуетъ одинъ чело съ нимъ у него «*все* общее». Только онъ можетъ сказать в слово, и дѣйствительно скажетъ его.

Эти восторги Григорьевъ перенесетъ и въ свои статьи, при даже въ стихахъ воспѣвать талантъ обожаемаго драматурга святитъ цѣлую оду Любиму Торцову, какъ воплотителю « ской чистой души»,—вообще Григорьевъ до конца дней оста пламеннымъ распространителемъ *вѣры Островскаго*. И на писателя слѣдуетъ считать душой и средоточіемъ *молодой ре ціи* погодинскаго журнала. Такую роль опредѣлилъ ему самъ годинъ, задумывая обновленіе своего изданія и отводя въ мѣсто современной даровитой молодежи русскаго направленія.

V.

Островскій очень долго работалъ надъ первой своей коме *Банкротъ* писался и исправлялся около четырехъ лѣтъ. Ещ 1846 году планъ пьесы былъ совершенно готовъ и точно опр лено развитіе дѣйствія,—цѣлые годы ушли на обработку час стей. Только въ 1849 году пьеса была закончена. Островскій и уже многочисленныя знакомства среди литераторовъ, мы знаем его успѣлъ оцѣнить и соредакторъ Погодина—Шевыревъ. Слу молодомъ талантѣ дошли, наконецъ, и до издателя *Москви нина*,—но слухи очень смутные и не вполнѣ вѣрные. Профес обитавшій на Дѣвичьемъ полѣ и погруженный въ «пыль ковъ» своего «Древлехранилища», поздно и случайно узна о событіяхъ современной живой литературы, и теперь онъ о щался за свѣдѣніями къ Шевыреву. «Есть какой-то Острово писалъ онъ,—который хорошо пишетъ въ легкомъ родѣ, ка слышалъ». Погодинъ предполагалъ собрать болѣе точныя данн учителя дѣтей Шевырева, товарища Островскаго, и «спросит новоявленнаго писателя «его трудовъ»: «я посмотрѣлъ бы п потомъ объявилъ бы свои условія».

Все остальное образованное Московское общество обнаружило
здо больше энергіи и любопытства къ молодому писателю. Едва
ороду разнеслись слухи о томъ, что комедія окончена,—на
овскаго посыпались приглашенія—прочитать ее въ избранномъ
кѣ. Первое чтеніе состоялось у Каткова—въ присутствіи нѣ-
рыхъ западниковъ. Впечатлѣніе превзошло всѣ ожиданія,—
болѣе, что искусство Островскаго какъ чтеца стояло на
нѣ его авторскаго таланта.

Читалъ онъ медленно, чрезвычайно тщательно оттѣняя каждую
у, будто прислушиваясь къ ней и взвѣшивая каждое выраже-
Слушатели самыхъ разнородныхъ общественныхъ слоевъ еди-
шно подчинялись обаянію чтеца: такъ онъ умѣлъ захватить и
ботить — одновременно и литераторовъ, и аристократовъ, и
ю купеческую толпу.

Успѣхъ у Каткова былъ только блѣднымъ сравнительно нача-
торжества Островскаго. Втеченіи всей зимы 1849 года чте-
пьесы не прекращались, повторялись чуть не каждый день.
стократическія гостиныя въ своихъ восторгахъ не отставали
личныхъ друзей Островскаго. Извѣстный кавказскій герой, ге-
лъ Ермоловъ, очень мѣтко выразилъ свое впечатлѣніе, вы-
авъ пьесу: «Она не написана, она сама родилась». Графиня
опчина написала Погодину горячее письмо, которое должно
окончательно встряхнуть ученаго изслѣдователя древностей.
«Что за прелесть *Банкротство*!—восклицала графиня, нѣ-
ько путая названіе пьесы.—Это нашъ русскій Тартюфъ, и
не уступитъ своему старшему брату въ достоинствѣ правды,
и энергіи. Ура! у насъ рождается *своя* театральная литера-
и нынѣшній годъ былъ для нея благодатно-плодовитъ».

Погодинъ рѣшился, наконецъ, и у себя устроить вечеръ и при-
ить Островскаго. Вечеръ состоялся 3-го декабря. Островскій
ся въ сопровожденіи артиста Садовскаго, читавшаго съ нимъ
ремѣнно пьесу. Чтеніе и на этотъ разъ вызвало всеобщее вос-
енное одобреніе. Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ:
едія—*Банкротъ*—удивительная». То же чувство раздѣляли и
очисленные гости профессора — актеры и литераторы. Среди
находился и Гоголь. Его заранѣе пригласили на чтеніе коме-
Онъ опоздалъ, пріѣхалъ среди чтенія, тихо подошелъ къ двери
алъ у притолки. Такъ простоялъ до конца, слушая, повиди-
, внимательно. Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Гра-
Ростопчина подошла къ нему и спросила: «Что вы скажете,
олай Васильевичъ?» — Хорошо, но видна нѣкоторая неопыт-

ность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а покороче. Эти законы узнаются послѣ, и въ непреложность и сейчасъ начинаешь вѣрить».

Этимъ и ограничился судъ Гоголя,—къ автору комедіи онъ дошелъ ни разу. Но это не свидѣтельствовало о безучастіи ге наго писателя къ новому таланту. Отъ Погодина мы знаем Островскій «подвигнулъ» Гоголя, т. е. произвелъ на него не сильное впечатлѣніе, чѣмъ на другихъ.

Шевыревъ и здѣсь не преминулъ выразить свой восторгъ обратился къ слушателямъ съ торжественными словами:

— Поздравляю васъ, господа, съ новымъ драматическимъ тиломъ въ русской литературѣ!..

Болѣе лестной критики не могъ услышать начинающій тель,—и Островскій послѣ разсказывалъ: «Я не помню, ка пришелъ домой; я былъ въ какомъ-то туманѣ и, не ложась с проходилъ всю ночь по комнатѣ: такими сказочными словами показался отзывъ Шевырева».

Въ мартѣ 1850 года комедія появилась въ «*Москвитяни*. Съ этого времени начинается широкая извѣстность Островска она находитъ сочувствіе у людей различныхъ литературныхъ рей и разныхъ взглядовъ на искусство. Представитель старой весности—профессоръ Давыдовъ—почувствовалъ силу новаго вого оригинальнаго таланта и сообщалъ Погодину: «Въ Островс признаю помазаніе». Ученый словесникъ, воспитанный на теорія формулахъ учебниковъ, не могъ, разумѣется, окончательно о шиться отъ предразсудковъ и укорялъ комедію въ отсутствіи ствія,—впрочемъ, потому что—у Островскаго не было криклив эффектовъ и искусственнаго драматизма. Болѣе чуткая пуб. восхищалась пьесой безъ всякихъ ограниченій. Особеннаго вн нія заслуживаетъ отзывъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, даровитаго п теля, благороднѣйшаго друга литературы и лучшихъ писат своего времени. между прочимъ Пушкина. Одоевскій смотрѣлъ литературу, какъ на высокій нравственный долгъ писателей, к на отвѣтственную общественную службу. И вотъ онъ-то въ пис къ своему пріятелю привѣтствовалъ горячо произведеніе моло драматурга. «Читалъ-ли ты комедію или лучше трагедію Ост скаго—*Свои люди сочтемся* и которой настоящее названіе *Б кротъ?* Пора было вывести на свѣжую воду самый развращен духомъ классъ людей. Если это не минутная вспышка, не гр выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гни то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси

діи: *Недоросль, Горе отъ ума, Ревизоръ*. На *Банкротѣ* я вилъ нумеръ четвертый».

Восторгъ князя Одоевскаго былъ вѣрной порукой жизненнаго чительнаго смысла комедіи, — слѣдовательно, — въ пользу ея ѣе были завоеваны отзывчивыя сердца и благородные умы современной публики. Университетская молодежь немедленно кнулась на новый могучій голосъ,—и Островскій сразу сталъ лярнѣйшимъ писателемъ среди студентовъ. Они уже знали всѣ сти, касавшіяся новой знаменитости, слышали, какъ Остров- читалъ пьесу у Погодина, дошелъ до нихъ слухъ и о томъ, Гоголь, не изъявившій желанія познакомиться съ авторомъ ѣ чтенія, только написалъ карандашомъ похвальный отзывъ лочкѣ бумаги; клочекъ передали Островскому, и тотъ хранилъ какъ драгоцѣнность. Легко представить,—какое страстное же- овладѣло молодежью прочитать уже напечатанную комедію! рудно было добиться этого счастья. Въ трактирахъ книжка *квитянина* ходила на расхватъ, приходилось дожидаться оче- по цѣлымъ днямъ, подкупать половыхъ, умолять ихъ—потер- нѣсколько лишнихъ минутъ, дать — вникнуть въ красоты ительнаго произведенія. Островскій и самъ не отказался оса- вить личнымъ знакомствомъ своихъ читателей, — и они поражены и тронуты его простымъ товарищескимъ отноше- ъ къ студентамъ, его вниманіемъ къ ихъ рѣчамъ и замѣчаніямъ. о самый обыкновенный смертный попалъ въ студенческую рованную комнату: ничего величественнаго и внушительнаго! мъ останется знаменитый писатель до конца своихъ дней — упнымъ, обаятельнымъ, искренне добрымъ.

Но не одни лавры достались на долю автору *Банкрота*. Одно- енно пришлось испытать не мало огорченій — и съ разныхъ онъ, оффиціальнаго и литературнаго происхожденія. Именно ычайная слава новой комедіи собрала тучи надъ головой овскаго, — и надъ нимъ грянулъ громъ. Правда, — ударъ не съ ни малѣйшаго ущерба ни таланту, ни славѣ писателя,—но рилъ его многими весьма тяжелыми минутами. Драматургъ на ыхъ же порахъ дорого расплачивался за только-что пріобрѣ- ое знаменитое имя: ему пришлось отстаивать и свой талантъ и авторскія права и вести борьбу при крайне тягостныхъ обсто- ьствахъ. Она окончилась въ его пользу—только благодаря силѣ ого же таланта, которому никакая власть и никакая клевета огли заградить пути къ развитію и побѣдѣ надъ завистью и ой.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить оффиціальную ис
она и по времени предшествуетъ литературной и по значен
судьбѣ произведеній Островскаго ей, несомнѣнно, принадл
первенство.

VI.

Комедія усердно читалась по трактирамъ — не только с
тами. Въ трактирѣ у Чугуннаго моста, привлекавшаго самую
образную публику машиной съ барабанами — единственной
время на всю Москву—ежедневно пьеса читалась какимъ-то
вольцемъ вслухъ. Чтеніе повторялось по нѣскольку разъ вт
за приличное угощеніе. Естественно, молва о комедіи проник
раздо дальше университетскихъ аудиторій и литераторскихъ
ковъ,—о ней услышали сами ея герои—Большовы, Подхалю
Ризположенскіе. Легко представить, какое впечатлѣніе прог
на нихъ столь открытое разоблаченіе заповѣднѣйшихъ тайн
москворѣцкаго царства! Обида выходила кровная и тѣмъ
нестерпимая, что ее наносилъ щелкоперъ, издѣвался надъ и
тымъ купечествомъ «стрекулистъ»: неизбѣжно слѣдовало при
на помощь власть и потребовать отъ нея кары преступнику.

Московская цензура еще до напечатанія пьесы предчувств
негодованіе именитаго купечества. Попечитель Московскаго
наго округа и въ то же время начальникъ московской цензур
генералъ Назимовъ не былъ врагомъ литературы, готовъ былъ
рѣе найти способы—открыть свободный путь новому таланту
несся онъ къ пьесѣ чрезвычайно осторожно, совѣтовался даж
генералъ-губернаторомъ графомъ Закревскимъ, справлялся у
о сословіи, представленномъ въ комедіи, и о впечатлѣніи, какое
производила на общество при чтеніи ея въ рукописи. Въ закл
ніе Назимовъ приходилъ къ благопріятному рѣшенію: «въ ко
хотя и представлены люди порочные, впрочемъ не всѣ, однако
рокъ не только не торжествуетъ, но наказывается самою жесто
на землѣ карою». Въ виду всего этого Назимовъ не нашелъ пре
ствій — разрѣшить пьесу напечатать. Не былъ, очевидно, про
напечатанья, и генералъ-губернаторъ.

Результаты оказались плачевные. Надъ всѣмъ цензурнымъ
домствомъ стоялъ особый комитетъ, учрежденный 2-го апр
1848 года. Комитету принадлежалъ высшій надзоръ за книгопе
таніемъ, и онъ выполнялъ свои обязанности съ усердіемъ, стяж
шимъ ему единственную въ своемъ родѣ историческую извѣстно

итетъ совершенно иначе взглянулъ на пьесу, чѣмъ Назимовъ и Закревскій, менѣе всего расположенный къ либеральнымъ ажкамъ. Комитетъ считалъ своимъ долгомъ не только пресѣ- и карать литературныя преступленія, но и вразумлять авто- на будущее время, внушать имъ — по своему усмотрѣнью — ила писательства и цѣли литературной дѣятельности. Коми- сообщилъ свое мнѣніе о предосудительномъ содержаніи коме- -министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, вѣдавшему о время цензуру. Министръ въ свою очередь отнесся къ Нази- съ предложеніемъ—пригласить автора къ себѣ и «вразумить что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не ко въ такомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ спра- ивомъ его порицаніи, не только въ каррикатурѣ, но и въ распро- ненія высшаго нравственнаго чувства, слѣдовательно, въ про- поставленіи порока добродѣтели, и картинамъ смѣшного и пре- наго такихъ помысловъ и дѣяній, которыя возвышаютъ душу; нецъ, въ утвержденіи того столь важнаго для жизни обществен- и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару на землѣ».

Комитетъ 2-го апрѣля, очевидно, хотѣлъ прописной морали въ хъ, подходящей для дѣтской нравоучительной словесности. овскій въ отвѣтъ на вразумленія цензурнаго вѣдомства напи- Назимову письмо, — въ высшей степени любопытное. Оно со- етъ намъ цѣнныя свѣдѣнія о судьбѣ комедіи въ лучшемъ ку- скомъ кругу и излагаетъ понятія автора о своихъ писательскихъ анностяхъ.

«Трудъ мой, еще не оконченный», писалъ Островскій, «возбудилъ аковое сочувствіе и производилъ самыя отрадныя впечатлѣнія сѣхъ слояхъ московскаго общества, болѣе же всего между ку- ствомъ. Лучшія купеческія фамиліи единодушно гласно изъяв- желаніе видѣть мою комедію въ печати и на сценѣ. Я самъ олько разъ читалъ эту комедію передъ многочисленнымъ обще- мъ, состоящимъ исключительно изъ московскихъ купцовъ, и, одаря русской правдолюбивой натурѣ, они не только не рблялись этимъ произведеніемъ, но въ самыхъ обязательныхъ женіяхъ изъявили мнѣ свою признательность за вѣрное вос- зведеніе современныхъ недостатковъ и пороковъ ихъ сословія, рячо высказывали необходимость дѣльнаго и правдиваго обли- этихъ пороковъ (въ особенности превратнаго воспитанія) на зу своего круга. Въ глазахъ этихъ почтенныхъ людей правда льза, коей они отъ нея надѣялись, исключала всякую мысль

объ оскорбленіи мелочного самолюбія. Все это побудило меня ставить мою комедію въ цензурный комитетъ, и это же, ос ваюсь думать, обратило и ваше вниманіе на мой трудъ. Со понятіямъ моимъ объ изящномъ, считая комедію лучшею форм достиженію нравственныхъ цѣлей и признавая въ себѣ спосо воспроизводить жизнь преимущественно въ этой формѣ, я до былъ написать комедію или ничего не написать. Твердо убѣ ный, что всякій талантъ дается Богомъ для извѣстнаго слу что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно в лежно долженъ исполнять человѣкъ, я не смѣлъ оставать бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго: «гдѣ та твой?»

Это объясненіе, при всей своей искренности и правдивост прекратило волненій власти. Пьеса не была разрѣшена къ п новкѣ на сценѣ, — и не разрѣшалась втеченіи цѣлыхъ д лѣтъ. Но и этимъ не ограничилась исторія. Самъ авторъ подв преслѣдованіямъ. Несомнѣнно,— далеко не все московское ку ство обнаружило «русскую правдолюбивую натуру», нашлись ности—обиженные и негодующіе, и предъ ними былъ естестве путь — излить свою обиду—пожаловаться на дерзкаго литер генералъ-губернатору. Графъ Закревскій впослѣдствіи числ среди поклонниковъ таланта Островскаго, по крайней мѣрѣ он пропускалъ случая—присутствовать на представленіяхъ его п Но теперь онъ энергично принялся выполнять долгъ службы. роятно, побуждаемый преимущественно Большовыми и Ризполо скими. Относительно автора комедіи было вчинено негласное до ніе, къ предсѣдателю коммерческаго суда отправлена секре бумага. Она требовала у начальства свѣдѣній на счетъ чина, д ности, званія Островскаго, а также его «образа жизни и мысл Предсѣдатель отвѣчалъ также секретнымъ донесеніемъ, и на са щекотливый запросъ генералъ-губернатора давалъ такой отз «Что же касается до образа жизни и мыслей, то Островскій, в дясь при отцѣ, по службѣ своей пользовался хорошимъ мнѣн начальства, не подавая повода къ замѣчанію о какомъ-либо небл намѣренномъ образѣ мыслей».

Этотъ отзывъ не предотвратилъ участи писателя. Остро былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Его особенно не безпокоили странно было бы безпокоить. *Поднадзорный* Островскій не читалъ свои произведенія на вечерахъ у того же графа Закревс Однажды ему вздумалось пожаловаться графу на недоразум властей, записавшихъ его въ списокъ «неблагонадежныхъ». Гр встрѣтилъ жалобу лукавымъ комплиментомъ:

— Это вамъ дѣлаетъ больше чести...
Но какъ бы то ни было, — надзоръ былъ снятъ только при
леніи на престолъ императора Александра II,—и квартальный
ся поздравить Островскаго.
— Кажется, мы васъ не безпокоили, заявилъ онъ вѣжливо.
оносили объ васъ, какъ о благородномъ человѣкѣ. Не скрою,
о, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.
Необходимымъ слѣдствіемъ полицейскаго надзора явилась от-
а Островскаго. Десятаго января 1851 года состоялось его
ненiе, въ аттестатѣ говорилось, что увольняемый должность
исправлялъ усердно при хорошемъ поведеніи.
Но оффиціальнымъ гоненіемъ не закончились мытарства пер-
комедіи Островскаго. Лишь только слава о ней стала распро-
яться за предѣлы тѣснаго кружка писателей, — немедленно
орилъ бывшій «сотрудникъ» Островскаго. Онъ предъявилъ
права на достоинства пьесы, приписывалъ себѣ не меньшую
работы, чѣмъ Островскому; сплетня было разлилась, была под-
на завистниками и просто любителями всякаго рода ссоръ и
ь и, наконецъ, перешла даже въ печать.
ъ *Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи* нѣкій
довъ спрашивалъ, почему на цѣлой пьесѣ «*Свои люди—
емся*» не значится двухъ авторскихъ именъ, между тѣмъ какъ
отрывкомъ изъ нея, въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ*
ь двѣ подписи? Почему Островскій умолчалъ объ участіи
а въ сочиненіи пьесы?
а этотъ запросъ Островскій отвѣчалъ въ *Московскихъ Вѣ-
тяхъ*,—статьей «*Литературное объясненіе*». Оно сооб-
любопытныя свѣдѣнія о началѣ писательской дѣятельности
а и должно остаться цѣнной страницей въ его біографіи.
До осени 1846 года», сообщалъ Островскій,—мною написано
много сценъ изъ купеческаго быта....Комедія («*Свои люди—
мся*») въ общихъ чертахъ была уже задумана и нѣкоторыя
набросаны; многимъ лицамъ я разсказывалъ идею и читалъ
орыя подробности....Осенью 1846 года пришелъ ко мнѣ
ревъ; я прочелъ ему написанныя мною «*Семейныя сцены*»
е—*Семейная картина*) и разсказалъ сюжетъ своей пьесы.
редложилъ начать обдѣлку сюжета вмѣстѣ: я согласился—и
нимались три или четыре вечера (т. е. г. Горевъ писалъ, а я
ею частью диктовалъ). Въ послѣдній вечеръ г. Горевъ объ-
мнѣ, что онъ долженъ ѣхать изъ Москвы. Тѣмъ и ограничи-
го сотрудничество».

«До 1847 года я не принимался за комедію; весною же (
въ *самомъ началѣ*) того года я началъ обработку пьесы по
ненному мною плану и поспѣшилъ напечатать написанное съ
ревымъ.... Нѣсколькихъ строчекъ, нѣсколькихъ фразъ г. Го
не желалъ присвоить себѣ и объявилъ объ его сотруднич
подписавъ въ его отсутствіе сцены и за себя и за него».

Вскорѣ состоялось извѣстное намъ чтеніе сценъ у Шев
Островскій снова принялся за комедію и, по обыкновенію,
обращался къ совѣтамъ и мнѣніямъ другихъ.

«Въ продолженіе 1847, 1848 и половины 1849 года», р
зываетъ онъ, «я писалъ свою комедію отдѣльными сцена
глазахъ своихъ друзей, постоянно читалъ имъ каждую сцен
вѣтовался съ ними о каждомъ выраженіи, исправлялъ, пере
валъ, нѣкоторыя сцены оставлялъ вовсе, другія замѣнялъ но
во время болѣзни, не будучи въ состояніи писать, диктовал
вертый актъ; написанная прежде сцена, по новому плану,
въ третье дѣйствіе».

Эта полемика происходила уже въ 1856 году, когда к
«*Свои люди—сочтемся*» появилась отдѣльнымъ изданіемъ. О
скій успѣлъ написать цѣлый рядъ другихъ произведеній и б
тельно опровергнуть устную сплетню, не прибѣгая ни къ каки
чатнымъ объясненіямъ. Но газетная клевета требовала отпор
не только по поводу первой комедіи. Въ томъ же 1856 го
Современникѣ была перепечатана «*Семейная картина*», по
шаяся раньше въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ* подъ
немъ «*Картина семейнаго счастья*». Въ *Листкѣ* «*Картин*
имѣла никакой подписи, въ *Современникѣ*—подъ ней стоя
А. Островскій. Фельетонистъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомо*
поспѣшилъ выразить изумленіе: почему *Современникъ* согла
печатать пьесу съ одной подписью, въ то время когда раньше
пьеса была напечатана съ двумя подписями? Островскій отв
письмомъ въ редакцію *Современника*, возстановляя истин
вскорѣ потребовался и еще отвѣтъ. *Вѣдомости Московской*
родской Полиціи недоумѣвали, почему *Современникъ* прип
Островскому пьесу, неподписанную раньше ничьимъ имен
«Не произошла ли», спрашивала газета, «и здѣсь какая
ошибка?»

Островскій на этотъ разъ утратилъ спокойствіе духа и
тилъ рѣзкимъ объясненіемъ: «На эту статью», писалъ онъ, «
чающую въ авторѣ, скрывшемъ свое имя, отсутствіе всякихъ
личій, необходимыхъ образованному человѣку, я скажу слѣдую

еменникъ напечаталъ мое имя подъ пьесой потому, что *я под-лъ* его, потому что нѣтъ никакого повода и никто не можетъ зваться въ принадлежности мнѣ статьи, по крайней мѣрѣ, но, если подписана подъ ней фамилія... Гг. фельетонисты *ературные башибузуки*, по выраженію *Русскаго Вѣст-*) увлекаются своею необузданностью до того, что забываютъ лько законы приличія, но и тѣ законы, которые въ нашемъ ствѣ ограждаютъ личность и собственность каждаго. Не ду-, гг., чтобы литераторъ, честно служащій литературному позволилъ вамъ безнаказанно играть своимъ именемъ».

тимъ приключеніемъ окончились посягательства недруговъ и мысленныхъ фельетонистовъ на писательскую честь Остров-. Онъ и впослѣдствіи неоднократно вступалъ въ сотрудниче-съ другими драматургами,—но уже ни разу больше не выска-ось подозрѣніе въ способности прославленнаго автора—при-ь себѣ чужой трудъ и талантъ.

VII.

ервая комедія, потребовавшая отъ художника столь продол-ьной работы, будто изощрила его дарованіе и окрылила его ію. Въ томъ же 1850 году въ *Москвитянинѣ* появляется *ро молодого человѣка»*, и авторъ начинаетъ работать надъ комедіей «*Бѣдная невѣста*». На работу уходитъ весь годъ,—но она поглощаетъ не все время Островскаго. Онъ жденъ добывать средства другимъ трудомъ, помимо художе-наго. Погодину нѣтъ никакого дѣла до условій творчества. е скупой вообще въ издательскихъ разсчетахъ—онъ не дѣ-исключенія и для своего главнаго сотрудника. За комедію *и люди—сочтемся»* онъ заплатилъ такой гонораръ, что Остров-впослѣдствіи даже стыдился и говорить о немъ. Плата ублей за печатный листъ считалась у Погодина предѣломъ вожделѣній его сотрудниковъ,—притомъ еще семейныхъ, лостыхъ дѣлалась скидка, и они должны были довольство-я половиной высшаго вознагражденія. Но выдача даже и скромныхъ суммъ производилась туго, сопровождалась ре-ескими проповѣдями на счетъ расточительности и бережливо-Григорьевъ, въ одну изъ многочисленныхъ размолвокъ съ мистымъ издателемъ, обмолвился очень вѣрной характери-й своего хозяина:

«Въ вашемъ превосходительствѣ глубоко укоренена мыс. человѣка надобно держать вамъ въ черномъ тѣлѣ, чтобы он полезенъ».

И Островскій именно и пребывалъ въ этомъ тѣлѣ. Онъ статьи для журнала, держалъ корректуру и ради этой работ дневно путешествовалъ на Дѣвичье поле, совершая въ оди нецъ не меньше шести верстъ. Такъ зарабатывалъ хлѣбъ нас писатель, провозглашаемый на страницахъ того же *Москвит.* глашатаемъ *новаго слова* и общепризнанный авторъ блест комедій! Нужда неотступно преслѣдовала его, нерѣдко довод отчаянія, особенно предъ наступленіемъ праздниковъ, тре шихъ лишнихъ расходовъ. Тогда несчастный знаменитый тургъ писалъ такія письма своимъ пріятелямъ: «Сами знае какомъ я положеніи нахожусь. Къ такому празднику, ког ходы удесятерятся, быть совершенно безъ копѣйки—вещь непріятная. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я просто теряю го

И въ разгаръ такой нужды, можно сказать—лишен *Москвитянинѣ* печатается «*Бѣдная невѣста*». Григорьевъ чательно убѣждается, что Островскій создалъ *новое слово*. Пра слишкомъ восторженный критикъ не успѣваетъ объяснить в точно и общедоступно,—въ чемъ заключается это *новое* Въ порывѣ восхищеній Григорьевъ славословилъ, изрекалъ п цательскія опредѣленія, рѣялъ въ нѣкоемъ золотистомъ и вомъ туманѣ. Самыя рѣшительныя заявленія критика не зах дальше слѣдующихъ откровеній:

«Новое слово Островскаго есть самое старое слово—народн новое отношеніе есть только прямое, чистое, непосредств отношеніе къ жизни».

Въ другой разъ это отношеніе критикъ называетъ «идеаль міросозерцаціемъ съ особеннымъ оттѣнкомъ», а оттѣнокъ ничто иное, какъ «коренное русское мірозерцаніе, здравое и койное, юмористическое безъ болѣзненности, прямое безъ ув нія въ ту или другую крайность, идеальное, наконецъ, въ ведливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности столько же фальшивой сентиментальности».

Можно признать эти выраженія не столь непроницаемыми кими ихъ считалъ, напримѣръ, Добролюбовъ. Можно усмо нѣкоторый опредѣленный смыслъ въ юморѣ безъ болѣзнен въ идеализмѣ безъ аффектаціи, т. е. въ добродушіи и простот эти симпатичныя черты вовсе не образуютъ міросозерцанія скорѣе свидѣтельствуютъ о темпераментѣ идеалиста, чѣмъ о с

и идеализма. Ими можетъ быть одаренъ писатель, нисколько хожій на Островскаго по природѣ и таланту. Развѣ юморъ Го- болѣзненный и развѣ этотъ художникъ страдаетъ грандіоз- ю и сентиментальностью? Добродушія у Гоголя, какъ худож- во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у автора комедій «*Свои —сочтемся*» и «*Бѣдная невѣста*».

ригорьеву до конца не удалось выполнить самую существен- задачу, возникавшую для критики по поводу произведеній вскаго,—именно извлечь жизненный смыслъ изъ фактовъ творчества. Задачу эту пришлось разрѣшить «западнику»— любову въ приснопамятныхъ статьяхъ о *Темномъ царствѣ*. *Бѣдная невѣста*» любопытна и въ другомъ отношеніи,—не- имо отъ восторговъ московской критики. Комедія полна авто- афическимъ содержаніемъ. Вполнѣ оно не опредѣлено до сихъ —но фактъ внѣ сомнѣнія «Бѣдная невѣста» комедіи—героиня ескаго увлеченія самого автора. Не смотря на тяжелую тру- жизнь, молодой писатель не унывалъ. Онъ усердно посѣ- знакомыхъ, старался возможно тщательнѣе одѣться и даже инскій гонораръза «*Свои люди—сочтемся*» истратилъ на мод- костюмъ. Естественно,—сердце его не могло избѣгнуть много- нныхъ искушеній—при столь быстрой и громкой славѣ. вскій увлекся,—предметъ увлеченія—интеллигентная бѣдная ика, внѣшними условіями своей жизни напоминавшая поло- Маріи Андреевны въ комедіи «*Бѣдная невѣста*». Сохрани- стихотвореніе, посвященное Островскимъ своей героинѣ. Въ творенiи описывается балъ, иронически изображаются ба- ни, кавалеры, маменьки, но—

Вотъ межъ всѣхъ красавицъ бала
Краше всѣхъ одна.
Вижу я, что погибало
Отъ ея сердецъ не мало,
Но грустна она.

—

Для нея толпа пируетъ
И сіяетъ балъ,—
А она негрижируетъ
Что ее ангажируетъ
Чуть не генералъ.

—

Геній думъ ее объемлетъ
И молчатъ уста.
И она такъ сладко дремлетъ,
И душой послушной внемлетъ,
Что поетъ мечта.

Какъ все пусто! То ли дѣло,—
Какъ въ ночной тиши
Милый другъ съ улыбкой смѣлой
Скажетъ въ залѣ опустѣлой
Слово отъ души.

—

Снятся ей другія рѣчи....
Дворъ покрыла мгла....
И, накинувъ шаль на плечи,
Для давно желанной встрѣчи
Въ садъ пошла она....

—

Островскій, столь близко и сердечно связанный со с
произведеніемъ, тщательно работалъ надъ нимъ. Комедія
окончена,—но авторъ все еще боялся выпускать ее въ свѣт
ходилъ нужнымъ «подкрасить» ее нѣсколько, чтобы не красн
нее. Сначала Островскій рѣшился напечатать только отрыво
литературномъ сборникѣ *Раутъ*, потомъ въ декабрѣ 1851
прочиталъ всю комедію въ одну изъ субботъ гр. Ростопчиной.
слушателей находился Шевыревъ; чтеніе произвело на него
ное впечатлѣніе, и онъ поспѣшилъ подѣлиться своимъ мнѣніе
Погодинымъ. Гр. Ростопчина также восторгалась. Эти вѣсти д
до Писемскаго, жившаго въ Костромѣ,—и онъ написалъ Пого
«Сейчасъ получилъ письмо отъ Островскаго... Радуюсь его у
и заочно восклицаю: Ура!!! Выдирай наши!!!»

Слава Островскаго, слѣдовательно, упрочивалась съ каж
его новымъ произведеніемъ. Западники также признали искл
тельную талантливость московскаго драматурга. Правда, о
раздѣляли восторговъ Аполлона Григорьева,—но первостепе
современный художникъ изъ западническаго лагеря—Тургене
именно по поводу «*Бѣдной невѣсты*» объявилъ талантъ Ос
скаго «замѣчательнымъ». Тургеневъ находилъ въ комедіи не
недостатковъ, укорялъ автора особенно въ пристрастіи къ утомл
нымъ частностямъ и мелочамъ каждаго отдѣльнаго характера,
всѣ укоризны оканчивались заявленіемъ, что публика ждет
автора комедіи «*Свои люди—сочтемся*»—«необыкновенна
Островскій могъ быть доволенъ такимъ успѣхомъ, встрѣ
шимъ его на первыхъ же шагахъ литературной дѣятельности
мы знаемъ, авторъ признавалъ въ себѣ преимущественно дра
ческій талантъ, считалъ своимъ призваніемъ—писать коме
драмы. Но этого рода произведенія пишутся не только для п
и для чтенія; ихъ прямое назначеніе—сцена, онѣ должны
прежде всего зрителей,—и ихъ-то до сихъ поръ не было у д

ь, успѣвшаго стать знаменитымъ и не видѣвшаго еще ни одной пьесы на сценѣ.

Фактъ неестественный и для таланта писателя невыносимо-мучительный! Онъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ угнетать Островскаго, среди его восторженныхъ почитателей и друзей находился постепенный артистъ современной московской сцены—П. М. Садовскій. Онъ вмѣстѣ съ авторомъ читалъ его произведенія и онъ, конечно, съ особенной настойчивостью питалъ въ Островскомъ страстное желаніе—видѣть, наконецъ, свои произведенія на сценѣ. Желаніе осуществилось сравнительно не скоро, — въ январѣ 1853 года, когда Островскій былъ авторомъ уже пяти пьесъ.

VIII.

Островскій кратко и очень скромно отзывается о важномъ событіи въ своей писательской жизни: «Мои пьесы, пишетъ онъ, стали не появлялись на сценѣ. Въ бенефисъ Л. П. Косицкой 14 января 1853 года я испыталъ первыя авторскія тревоги и первый успѣхъ. Шла моя комедія «*Не въ свои сани не садись*»: она первая изъ всѣхъ моихъ пьесъ удостоилась попасть на театральныя подмостки».

Пьеса имѣла громадный успѣхъ, билеты доставались съ трудомъ, и увлеченіе москвичей заставило дирекцію театровъ поставить пьесу и на петербургской сценѣ.

Начальство сначала долго колебалось. Его смущали герои комедіи: безнравственный дворянинъ и рядомъ съ нимъ купецъ. Дирекція особенно страшилась впечатлѣній Государя. Императоръ Николай I страстно любилъ театръ и непремѣнно смотрѣлъ всякую оригинальную пьесу, хотя бы даже одноактную. Несомнѣнно,—онъ не преминулъ бы посѣтить и представленіе комедіи Островскаго,—начальство не знало, какъ поступить. Но толки въ обществѣ росли съ каждымъ днемъ, пришлось уступить всеобщему интересу—пьесу поставили.

На второе представленіе пріѣхалъ царь, остался весьма доволенъ спектаклемъ и по окончаніи заявилъ: «Очень мало пьесъ, которыя бы мнѣ доставляли такое удовольствіе, какъ эта. Ce n'est une pièce, c'est une leçon—«это не пьеса, а нравственный урокъ». Въ слѣдующее представленіе государь опять пріѣхалъ въ театръ, привезъ съ собой государыню и наслѣдника съ супругой,—сидѣлъ въ ложѣ и еще разъ посмотрѣлъ ту же комедію. Благосклон-

ность, повидимому, была вполнѣ внушительная, но она оказала вліянія на театральную дирекцію и на цензуру. Отрицатель даже враждебное отношеніе этихъ учрежденій къ новому та. обнаружилось одновременно съ его популярностью и нисколь ослабѣвало съ теченіемъ времени.

Годъ спустя послѣ перваго представленія комедіи «*Не въ сани не садись*»—на московской сценѣ появилась «*Бѣдност порокъ*»—23 января 1854 года. Она окончательно укрѣпи Островскимъ славу перваго современнаго драматурга. На мо чей комедія произвела громадное впечатлѣніе. Она не сходи сцены втеченіи всего остального зимняго сезона — до вели поста и даже отвлекала публику отъ спектаклей Рашели, го шей въ это время въ Москвѣ. Знаменитая французская арти принуждена была играть по утрамъ. Такъ сильно оказалось у ченіе даже московской интеллигенціи, — купечество впервы все существованіе русскаго театра отозвалось восторженно на лантъ автора и исполненіе артистовъ. Особенно много горя похвалъ пришлось выслушать Садовскому.

Горбуновъ, неразлучный спутникъ Островскаго, разсказыв нѣсколько случаевъ, свидѣтельствовавшихъ о живѣйшемъ вн ніи купцовъ къ истинно-русской бытовой комедіи. Одинъ изъ москворѣцкихъ обывателей говорилъ Садовскому:

— Ну, Провъ Михайлычъ,—такое ты мнѣ—московскому вой гильдіи купцу Ив. Вас. М-ву,—уваженіе сдѣлалъ, что въ и тебѣ долженъ кланяться. Какъ вышелъ ты, я такъ и ахнулъ я говорю женѣ (увидишь—спроси ее): смотри, говорю,—сл бы это я!... Борода только у тебя покороче была,—ну вотъ, н есть! Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало: сиж ложѣ-то, да кругомъ и озираюсь,—не смотрятъ ли, думаю, на м Ей-Богу! А какъ заговорилъ ты про тарантасъ, я такъ и покати У меня тоже у Макарія случай съ тарантасомъ былъ.

«И онъ разсказалъ, какъ съ Нижегородской ярмарки воз щался онъ въ Москву и три дня не вылѣзалъ изъ тарантаса».

Другой купецъ объяснялъ Садовскому свои впечатлѣнія по воду роли Любима Торцова столь же откровенно и въ высшей пени лестно для правдиваго авторскаго творчества и для дарови исполнителя.

— Вѣрите, Провъ Михайлычъ, я плакалъ. Ей-Богу плак Какъ подумалъ я, что со всякимъ купцомъ это можетъ случить страсть! Мало у насъ, по городу, ихъ такихъ ходитъ: ну, под ему,—а чтобы это жалѣть... А васъ я пожалѣлъ,—именно гов

дѣлъ. Думаю: Господи, самъ я этому подверженъ былъ,—ну, ъ! Вѣрьте Богу, страшно стало! Домъ у меня теперь пустой: въ немъ существую, какъ перстъ. И чудится мнѣ, что я ужъ паперти стою, и руку протягиваю... спасибо, голубчикъ! Мно- оторые изъ нашихъ, можетъ очувствуются. Я теперь, братъ, о не пью,—будетъ! Все выпилъ, что̀ мнѣ положено!... Думаю богадѣльню открыть... Которые теперича старички,—въ Москвѣ ихъ!—пущай грѣются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова: ь я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ!...» Ну, честное мое ,—слезы у меня пошли».

лаву Садовскаго раздѣляли и другіе артисты московскаго а. Для нихъ, можно сказать, началась новая сценическая . До пьесъ Островскаго они не выходили изъ круга пере- ихъ и передѣланныхъ мелодрамъ и водевилей. Только из- на русской сценѣ появлялось произведеніе, способное возбу- и вдохновить національное русское дарованіе. И талантливѣй- артистамъ бывало часто не подъ силу справиться съ ориги- ой бытовой ролью. Навыкъ исключительно на иноземныхъ хъ убивалъ личное творчество исполнителя и окончательно алъ его отъ воспроизведенія русскихъ характеровъ. Извѣстно, мѣръ, въ какомъ затрудненіи оказались даже такіе артисты, Щепкинъ и Мочаловъ, при первой постановкѣ на сценѣ «*Горя ума*».

аровитѣйшіе актеры московской сцены долго не могли осво- съ фигурами Фамусова и Чацкаго. Щепкинъ дошелъ до со- енства въ исполненіи своей роли послѣ тщательнаго изученія наго прототипа Фамусова — лично-знакомаго ему москов- «туза». Та же судьба грозила и пьесамъ Островскаго, потому бщій характеръ репертуара русскихъ театровъ мало измѣ- со времени «*Горя отъ ума*» и «*Ревизора*».

о эти комедіи явились блестящими единичными исключе- ,—Островскій создавалъ цѣлую самостоятельную полосу въ и театра, писалъ одну пьесу за другой—русскаго бытового канія,—очевидно,—и на сценѣ должна была возникнуть та- е національная школа искусства. Это не могло совершиться всякихъ затрудненій, безъ протеста со стороны представите- сконныхъ театральныхъ порядковъ, прочно установившагося ческаго вкуса.

могучій талантъ Островскаго встрѣтилъ или простое непо- ніе или даже явную вражду,—прежде всего среди артистовъ. сторонѣ не понимающихъ или враждебныхъ—оказались и

теперь артисты первостепенныхъ талантовъ. Во главѣ стоял
же Щепкинъ.

Среди московскихъ актёровъ образовались двѣ партіи
ственно принципіальныхъ поводовъ для взаимной вражды у акт
не было. Весь вопросъ сводился къ блестящимъ успѣхамъ одн
въ новыхъ пьесахъ и къ неспособности другихъ—играть
Островскаго столь же просто и удачно, какъ игрались ро
пьесахъ нижегородско-французскаго репертуара.

Вожаками консервативной партіи явились—Шумскій,
ринъ и особенно Щепкинъ. Споръ для видимости старались
вить на почву современныхъ общественно-литературныхъ п
ныхъ счетовъ—западническихъ и славянофильскихъ. Попыт
могла имѣть никакого серьезнаго значенія: именно западнич
партія, въ лицѣ Добролюбова, явилась самой проницательной и
гожелательной толковательницей произведеній Островскаго. А
просто негодовали за свой профессіональный счетъ, не находя
лавровъ въ новыхъ роляхъ.

Самаринъ—блестящій первый любовникъ—не могъ най
себѣ ни таланта, ни воли усвоить глубоко-правдивое, но
мало-эффектное и слишкомъ сложное творчество молодого д
турга. Шумскій, считавшійся въ то время звѣздой первой
чины—въ водевиляхъ, также не желалъ идти на уступки в
сѣрыхъ персонажей замоскворѣцкаго царства.

Между артистами безпрестанно происходили пререканія.
лисный міръ волновался, негодовалъ, доказывалъ, вообще,—
горячей дѣйствительно-литературной жизнью, хотя и не всегда
буждаемый искренней любовью къ литературѣ и искусству.

Шумскій и Щепкинъ усердно ехидствовали надъ типами Ос
скаго.—Надѣть на актера поддевку да смазные сапоги, гово
Шумскій, еще не значитъ сказать новое слово.

Щепкинъ въ свою очередь острилъ:

— Бѣдность-то не порокъ, да вѣдь и пьянство не добродѣ

Сверхъ вѣры восторженные отзывы Григорьева, возводив
въ перлъ нравственной красоты Любима Торцова, давали б
дарную пищу закулисному остроумію. Щепкинъ даже отка
играть роль Коршунова въ комедіи «*Бѣдность не порокъ*», р
порицалъ самую пьесу, а роль Любима Торцова именовалъ «
ной». Несомнѣнно,—въ этой критикѣ звучала опять чисто-пр
сіональная ревность къ громкимъ успѣхамъ Садовскаго, создав
роль. Это вполнѣ очевидно изъ собственныхъ признаній Щеп

Лавры товарища, видимо, лишали его покоя. Играть Лю

ова въ Москвѣ было бы не по-товарищески, а главное—слиш-
рискованно. Щепкинъ воспользовался Нижегородской ярмар-
и рѣшился выступить въ роли Любима Торцова предъ всерос-
имъ ярмарочнымъ купечествомъ, особенно тароватымъ на вос-
и выселыя впечатлѣнія.

Щепкинъ игралъ. Въ письмѣ къ сыну онъ давалъ слѣдую-
тчетъ о событіи: «Я выучилъ лѣтомъ роль Любима Торцова
омедіи «*Бѣдность не порокъ*» Островскаго, въ которой Са-
ій такъ хорошъ. Сыграть мнѣ ее нужно было во что бы то ни
. Это являлось потребностью моей души. Въ Москвѣ я не могъ
грать, потому что это было бы не по-товарищески. Я какъ
бы сталъ просить себѣ 40 руб. разовыхъ, между тѣмъ Садов-
еще не получаетъ и полнаго оклада. Роль сама по себѣ грязна,
ней есть свѣтлыя стороны. Моя старая голова вѣрно поняла;
рѣтое воображеніе затронуло невѣдомыя дотолѣ струны, кото-
сильно зазвучали и подѣйствовали на сердце зрителя. П. В.
нковъ хотѣлъ написать статью, которая расшевелила бы Садов-
. Онъ, бѣдный, успокоился на лаврахъ, думая, что искусство
ле идти не можетъ, что при его талантѣ очень и очень обидно».
то уже было въ концѣ славной дѣятельности Щепкина. Онъ
ательно былъ побѣжденъ талантомъ Островскаго, самъ пер-
протянулъ ему руку примиренія, на одномъ литературномъ
публично обнялъ драматурга, проливалъ потоки слезъ. Остров-
чувствовалъ себя крайне тронутымъ,—торжество его привѣт-
алъ особенно горячо Садовскій.

нъ съ самаго начала явился восторженнымъ сторонникомъ
ого писателя. Онъ былъ созданъ для новыхъ типовъ, съ каж-
олью его талантъ росъ и углублялся. Артистъ весь отдался из-
ю пьесъ Островскаго и только изрѣдка удѣлялъ свой трудъ на
зыя роли стараго репертуара. Вся почвенная Москва, до тѣхъ
едва отзывавшаяся на литературныя явленія и смотрѣвшая
атръ какъ на забаву и междудѣлье, теперь увидѣла и поняла
довскомъ великую артистическую силу. Имя его пріобрѣло
дную популярность въ замоскворѣцкихъ палестинахъ, и мы
ли, какое глубокое просвѣтляющее вліяніе оказывала его игра
рцовыхъ Московскаго гостинаго ряда.

адовскій считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ защищать
маго драматурга предъ товарищами. У него нашлось не мало
нниковъ, столь же увлеченныхъ ролями Островскаго: Степа-
превосходно игравшій роль Маломальскаго, Васильевъ, вызы-
ій бурные апплодисменты въ роли Бородкина, Косицкая, Ва-

сильева, сестры Бороздины, изъ водевильныхъ грнзетокъ пр зившіяся въ подлинныхъ русскихъ дѣвицъ: всѣ они ревности регали славу своего автора.

За кулисами часто происходили забавныя сцены. Особен личались Садовскій и Степановъ.

Однажды Щепкинъ особенно горячо нападалъ на к Островскаго, вышелъ изъ себя, стучалъ кулакомъ по столу, лемъ въ полъ. Шумскій вторилъ ему,—Садовскій, наконе выдержалъ и съ обычнымъ юморомъ высказалъ свой пригово

— Ну, положимъ, Михайло Семенычъ — западникъ: его новскій заряжаетъ, а какой же Шумскій западникъ?—Онъ Чесноковъ.

Соображеніе не особенно убѣдительное, все равно каку природную фамилію ни носилъ Шумскій,—но острота быстро р странилась и имѣла успѣхъ: правда была на сторонѣ Садов и, мы видѣли, ее призналъ, наконецъ, Щепкинъ.

Не отставалъ отъ Садовскаго и Степановъ. За роль Мал скаго — хозяина трактира — онъ также удостоился благодар людей вполнѣ свѣдущихъ. Очевидецъ—Горбуновъ—разсказы слѣдующій случай.

Вскорѣ послѣ перваго представленія комедіи «*Не въ свои не садись* Степановъ и Горбуновъ зашли пить чай въ тра Выпили «четыре пары» — такъ въ то время опредѣлялась чаю,—Степановъ отдалъ половому деньги. Половой черезъ м принесъ ихъ обратно и положилъ на столъ.

— Что значитъ?—съ удивленіемъ спросилъ Степановъ.

— Приказчикъ не беретъ,—съ улыбкой отвѣчалъ полов

— Почему?

— Не могу знать,—не беретъ. Ту причину пригоняетъ..

— Извините, батюшка, мы съ хозяевъ не беремъ, — с почтительно кланяясь, подошедшій приказчикъ.

— Развѣ я хозяинъ?

— Ужъ такой-то хозяинъ, что лучше требовать нельз точности изволили представить! И господинъ Васильевъ тоже пяточку!»—на удивленіе.

— За комплиментъ благодарю, а деньги все-таки возьми.

И вотъ этотъ самый Степановъ подсмѣивался надъ теа ными «западниками».

— Михайлу Семенычу съ Шумскимъ Островскій подде не по плечу шьетъ, говорилъ Степановъ, да и смазные сапог дѣлаетъ: вотъ они оба и сердятся.

о въ то время, когда талантъ однихъ артистовъ находилъ себѣ
арнѣйшую пищу въ пьесахъ Островскаго, росъ и мужалъ
ѣ съ дарованіемъ драматурга,—таланты другихъ блѣднѣли и
уживали свое сравнительно мелкое поверхностное содержаніе.
вскій давалъ образцы глубокаго жизненнаго комизма, требо-
отъ исполнителей вдумчиваго психологическаго анализа, въ
есахъ нельзя было ограничиться смѣхотворными словечками
вными сценическими фокусами, — требовалось изучить на-
человѣка и воспроизвести ее разносторонне и художественно.
скій и нѣкоторые другіе оказались на высотѣ задачи, — дру-
комическимъ актерамъ пришлось невольно умалиться и даже
ти стушеваться предъ новымъ жанромъ «высокой комедіи».
акая участь постигла Живокини.
артистъ былъ неподражаемъ въ смѣхотворныхъ сценическихъ
кахъ, превосходно игралъ роль старинныхъ шутовъ, не стѣ-
ихся текстомъ пьесъ, свободно вставлявшихъ монологи и
ки собственнаго сочиненія, вступавшихъ даже въ непосред-
ный разговоръ съ публикой. Все это съ большимъ успѣхомъ
лывалъ Живокини, доходилъ даже до передразниванія инстру-
въ изъ оркестра, до укоризнъ музыкантамъ. И все это публика
ла и воспринимала съ благодарностью. У Живокини были и
жатели и соревнователи среди товарищей. Для нихъ пьесы
вскаго представляли часто непреодолимыя трудности. Во вся-
оли Живокини непремѣнно старался сыграть возможно забав-
во что бы то ни стало посмѣшить приказчиковъ изъ Ножовой
, выйти на сцену въ самомъ смѣхотворномъ костюмѣ и
ѣ... Все это совершенно не отвѣчало ни намѣреніямъ драма-
, ни характерамъ его героевъ,—и Живокини пришлось поми-
я съ своей неприспособленностью къ новому репертуару.
о всевозможныя актерскія недоразумѣнія не могли сами по
причинить большого ущерба ни таланту, ни славѣ Остров-
Драматургъ съ первыхъ же шаговъ нашелъ отзывчивую
ку,—и именно въ той средѣ, куда онъ направлялъ свое обли-
ьное и поучительное слово. Разсказанные нами эпизоды имѣли
ое общественное значеніе. Они показывали—чего можетъ до-
уть театръ дѣйствительно-художественными и жизненными
щами даже среди менѣе всего, повидимому, культурныхъ зри-
Островскій пріобрѣталъ въ полномъ смыслѣ народную и за-
ю славу, подъ вліяніемъ его таланта театръ выросталъ — въ
деніе просвѣтительное и идейное, первобытная публика начи-
понимать смыслъ писательской дѣятельности и смотрѣть на

театръ другими глазами, чѣмъ заставляли таланты, подобны вокини.

Не встрѣтилъ Островскій сильныхъ и упорныхъ враговъ критикѣ. Многіе московскіе «западники» съ самаго начала при его выдающееся дарованіе, вскорѣ — съ 1858 года — Остр сталъ сотрудникомъ главнаго западническаго журнала—*Совр никъ*, а нѣсколько лѣтъ спустя явились знаменитыя статьи любова: Островскій могъ считать себя признаннымъ писател во всѣхъ современныхъ литературныхъ лагеряхъ.

Больше всего огорченій драматургу пришлось претерпѣт оффиціальныхъ учрежденій — театральной дирекціи и цензур дирекціи—въ этомъ отношеніи слѣдуетъ даже отдать преимуп предъ цензурнымъ вѣдомствомъ.

IX.

Въ Москвѣ, гдѣ комедіи Островскаго пользовались непз шумнымъ успѣхомъ, репертуаромъ завѣдывалъ Верстовскій былъ человѣкъ несомнѣнно умный и образованный,—но образ его почерпнуто было исключительно изъ французскихъ ист ковъ. Послѣднимъ словомъ драмы Верстовскій считалъ франц классицизмъ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, чтобы ма и прочіе изящные господа въ пудрѣ и парикахъ уступили невоспитаннымъ купцамъ, мѣщанамъ и даже мужикамъ. Вер скій кратко и сильно выражалъ свое отношеніе къ новымъ пье «сцена провоняла отъ полушубковъ Островскаго». Естеств насколько зависѣло отъ дирекціи, — на сценѣ скорѣе могл явиться какая-нибудь французская мелодрама и водевиль, комедія изъ русской жизни.

Такъ это и происходило: Донъ Сезаръ де-Базанъ счастлив перничалъ съ героями Островскаго. Равнодушіе къ нимъ со сто театральнаго начальства доходило до такой степени, что дир отказывалась даже отъ самыхъ ничтожныхъ расходовъ на п новку новыхъ пьесъ Островскаго: актеры - бенефиціанты, с лось, на свой счетъ дѣлали декорацію садовой бесѣдки. Такъ въ Москвѣ. Не благопріятнѣе отнеслись къ московскому драма и петербургскіе театральные распорядители.

На петербургской сценѣ также процвѣтали мелодрамы и вили. Кукольникъ—авторъ трагедій въ классическомъ родѣ, нитель ходульныхъ раздирательныхъ мелодрамъ, считался ген

ртисты здѣсь гораздо холоднѣе встрѣтили новый талантъ, чѣмъ сквѣ. Здѣсь только весьма не многіе сочувствовали русскому ческому реализму, какой вводили восторженные поклонники зскаго. Садовскій старался до послѣднихъ мелочей жизненно о воспроизвести московскаго купеческаго пропойцу въ роли а Торцова, досталъ даже и надѣлъ на себя особый костюмъ, гный у московскихъ сидѣльцевъ подъ именемъ «срамъ». Васильевъ съ такой же тщательностью разучивалъ пріемы го щеголя, парня съ молодцовскими ухватками и ухорскими тами. Актрисы изъ водевильныхъ вертушекъ преображались омныхъ и бойкихъ замоскворѣцкихъ красавицъ, своеобразно тельныхъ и находчивыхъ.

вершенствоваться въ этомъ направленіи московскимъ арти- не представляло особенно трудной задачи: подлинники всегда на лицо. Въ Петербургѣ не было такой благодарной и типич- реды для изученія ролей Островскаго по самымъ явленіямъ , — и актеры сторонились отъ «новаго слова» московскаго . Только Мартыновъ сразу оцѣнилъ талантъ Островскаго. выхъ пьесахъ геніальный артистъ нашелъ широкое поприще оего самобытнаго и разносторонняго дарованія,—для тонкаго ественнаго юмора и для глубокаго жизненнаго трагизма. Онъ ъ роли Бальзаминова, Тихона въ «*Грозѣ*» и много другихъ. ѣдствіи дружескія отношенія связывали его съ Островскимъ. ртыновъ—на петербургской сценѣ—являлся единственнымъ одаровитымъ пророкомъ Островскаго.

нзура съ необыкновеннымъ усердіемъ помогала театральнымъ ымъ противникамъ драматурга. Ему пришлось перетерпѣть исленныя и тягостныя мытарства, — весьма часто совер- непостижимыя, такъ какъ придирчивость цензуры являлась ной или преднамѣренной жестокостью и противорѣчила отно- высшей власти къ пьесамъ Островскаго.

какой степени запрещеніе и разрѣшеніе пьесъ Островскаго алось произвольно и зависѣло отъ счастливаго стеченія об- льствъ, показываютъ разсказы артиста Бурдина — близкаго Островскаго. Напримѣръ,—любопытна исторія съ «*Карти- мейнаго счастья*»,—пьесой едва-ли не самой скромной изъ произведеній Островскаго.

рдинъ для одного изъ своихъ бенефисовъ представилъ въ у четыре пьесы. Изъ нихъ ни одна не была одобрена. Бур- тправился къ директору театра — Гедеонову, и разсказалъ ое горе.

— А зачѣмъ ты выбираешь такія пьесы? — спроси
деоновъ.

Бурдинъ отвѣтилъ, что у цензоровъ такіе особенные вз
къ которымъ невозможно приладиться, и ни за одну пьесу
поручиться, будетъ-ли она одобрена или запрещена?

— Что же я могу сдѣлать?—снова спросилъ Гедеоновъ.

— Вы, ваше превосходительство, отвѣчалъ Бурдинъ, оче
роши съ Леонтьемъ Васильевичемъ (Дуббельтъ, начальникъ
отдѣленія того времени, завѣдывавшій драматической ценз
вамъ достаточно черкнуть ему два слова, и онъ разрѣшит
одну пьесу.

И Гедеоновъ написалъ Дуббельту, по просьбѣ Бурдина
«*Картинѣ семейнаго счастья*». Бурдинъ отправился къ н
нику III-го отдѣленія, и между ними произошелъ слѣдующій
рическій разговоръ.

Дуббельтъ на пріемахъ былъ человѣкъ очень любезный и
ливый.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ, мой любезный дру
спросилъ онъ у артиста.

— У меня горе, ваше превосходительство: бенефисъ на
а всѣ представленныя мною пьесы не одобрены.

— Ай, ай, ай! Какъ это вы, господа, выбираете такія п
которыя мы не можемъ одобрить... все непремѣнно съ тенден

— Никакихъ тенденцій, ваше превосходительство; но
зура такъ требовательна, что положительно не знаешь, что
брать!

— Какую же пьесу вы желаете, чтобы я вамъ дозволилъ

— «*Семейную картину*» Островскаго.

— Въ ней нѣтъ ничего политическаго?

— Рѣшительно ничего; это — небольшая сценка изъ ку
скаго быта.

— А противъ религіи?

— Какъ это можно, ваше превосходительство?

— А противъ общества?

— Помилуйте, — это просто характерная бытовая карт
Дуббельтъ позвонилъ. «Позвать ко мнѣ Гедерштерна, и чтоб
принесъ съ собою пьесу «*Картина семейнаго счастья*» Ос
скаго».

Является высокая, сухая, безстрастная фигура камме
Гедерштерна съ пьесой и толстой книгой.

— Вотъ господинъ Бурдинъ проситъ разрѣшить ему дл

неодобренную вами пьесу Островскаго, — такъ я ее доз-

Но, ваше превосходительство, началъ было Гедерштернъ.
Дозволяю — слышите!
Но, ваше превосходительство, въ книгѣ экстрактовъ из-
прочесть...
А, Боже мой! Я сказалъ, что дозволяю! Подайте пьесу.
дерштернъ подалъ пьесу, и Дуббельтъ сверху написалъ: «Доз-
ся. Генералъ-лейтенантъ Дуббельтъ», — и не зачеркнулъ
написаннаго прежде: «Запрещается. Генералъ-лейтенантъ
ьтъ». Въ этомъ видѣ, прибавляетъ Бурдинъ, теперь хра-
эта пьеса въ театральной библіотекѣ.
добныя исторіи происходили безпрестанно и нѣкоторыя кон-
не менѣе любопытно.
примѣръ, комедія «*Воспитанница*» вызвала чрезвычайно
замѣчанія въ томъ же III отдѣленіи. Въ пьесѣ было от-
«вредное направленіе», ее признали совершенно недопусти-
сценѣ. По мнѣнію начальства, — авторъ издѣвался надъ
ствомъ, освобождавшимъ крестьянъ и приносившимъ огром-
ертвы. Начальнику III-го отдѣленія, генералу Потапову,
, что въ комедіи совсѣмъ не затрогивается крестьянскій
и авторъ вовсе не касается благородныхъ чувствъ дво-
ь.
ералъ отвѣтилъ:
Конечно, ничего прямо не говорится, но мы не такъ просты,
не умѣть читать между строкъ.
съ пьеса и осталась подъ запретомъ, — до счастливаго слу-
еменно исправляющимъ должность начальника III-го отдѣ-
ылъ назначенъ генералъ Анненковъ, братъ извѣстнаго пи-
—П. В. Анненкова.
Пьеса Тургенева «*Нахлѣбникъ*» была подъ запрещеніемъ.
нненковъ, какъ другъ Тургенева, просилъ брата разрѣшить
едію.
Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ,—и не только эту, а всѣ
рыя ты признаешь нужными, только присылай поскорѣе,
что на этомъ мѣстѣ я останусь очень недолго.
В. Анненковъ послалъ ему нѣсколько пьесъ, въ числѣ ихъ
ась и «*Воспитанница*». И вотъ такимъ путемъ она попала
.
удивительнѣе приключеніе съ «*Козьмой Мининымъ*». Ми-
народнаго просвѣщенія Головнинъ призналъ драму «прево-

сходной» и рѣшилъ обратить на нее вниманіе император ксандра II. Государь пожаловалъ Островскому брилліантові стень — за благородныя патріотическія чувства, вдохно пьесу.

Но III отдѣленіе осталось при своемъ мнѣніи. Не патріотическаго содержанія драмы, оно нашло представлені сценѣ несвоевременнымъ,— и пьеса нѣсколько лѣтъ пролеж архивѣ отдѣленія.

Такая же участь постигла «*Доходное мѣсто*». По не нымъ причинамъ пьеса была запрещена уже послѣ разрѣш наканунѣ представленія на сценѣ.

И замѣчательно,—эти запрещенія или отмѣнялись такъ ожиданно и загадочно, какъ и налагались, или уничтожались по чьему-либо ходатайству.

Напримѣръ, комедія «*Свои люди—сочтемся*» находила запретомъ до 1860 года. Послѣ представленія «*Грозы*» въ ствіи государя директоръ театровъ—Сабуровъ—рѣшился на письмо шефу жандармовъ князю Долгорукову; пьеса была гнута вторичному цензурному разсмотрѣнію. Цензура на разъ ничего не имѣла противъ допущенія пьесы на сцену,— потребовала отъ автора—измѣнить конецъ. Порокъ, по соо ніямъ цензуры, необходимо было подвергнуть карѣ въ лицѣ люзина. И автору пришлось закончить пьесу появленіемъ тальнаго, разсѣвающаго мечты плута о безнаказанности продѣлокъ.

Только впослѣдствіи, уже при новыхъ судахъ, оказало можнымъ убрать квартальнаго со сцены.

Цензурныя притѣсненія и вражда театральнаго нача ставили Островскаго въ крайне печальное положеніе. Автор матическихъ произведеній не получали съ театровъ платы за новку своихъ пьесъ. И казенныя сцены платили очень ма исключеніями: именно пьесы, шедшія въ бенефисы артистов возмездно становились собственностью театра.

Такъ, напримѣръ, Островскій ничего не получилъ за к «*Не въ свои сани не садись*», хотя она прошла сотни разъ тербургѣ и въ Москвѣ. Въ первый разъ посиектакльную плату (скій получилъ за «*Бѣдность не порокъ*»—плату чрезв скромную: изъ $^2/_3$ сбора двадцатую часть. Если при этомъ п во вниманіе, съ какими затрудненіями пьесы Островскаго по на сцену, какъ недружелюбно встрѣчала ихъ дирекція,—ле детъ представить стѣсненное матеріальное положеніе Остро

сей популярности его имени. Впослѣдствіи онъ употребитъ силія—создать учрежденіе, обезпечивающее авторскія права тическихъ писателей. Но пока ему самому приходится сильно ться и по временамъ даже впадать въ отчаяніе. Нуждой от- вызвано и желаніе Островскаго — принять участіе въ такъ емой «литературной экспедиціи».

X.

равительственная командировка литераторовъ для изученія остей Россіи въ бытовомъ и промышленномъ отношеніи—фактъ сшей степени замѣчательный въ исторіи русскаго общества. овпалъ съ началомъ царствованія Александра II и былъ соз- великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

ликій князь былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ сторон- ь преобразовательнаго движенія. Второй сынъ императора ая, онъ былъ предназначенъ для морской службы. На этомъ щѣ великій князь успѣлъ развить дѣятельность, совершенно данную и, повидимому, не входившую въ кругъ обязанностей тъ *генералъ-адмирала.*

режде всего онъ наложилъ руку на жестокую язву стараго ли, — на невѣжество, обманы и всевозможныя тайныя пре- ыя продѣлки чиновниковъ. Онъ потребовалъ безусловной *ы* во всѣхъ служебныхъ отчетахъ, какіе представлялись ему, ритомъ правда не должна была оставаться тайной канцеляріи. ій князь желалъ знать подробно внутреннее состояніе Россіи и ученія его были призваны не чиновники, а лучшіе современ- исатели и знатоки народнаго быта — Писемскій, Гончаровъ, ровичъ, Потѣхинъ, Аѳанасьевъ - Чужбинскій, Максимовъ. вскій самъ вызвался принять участіе въ изслѣдованіяхъ. Онъ ъ въ соглашеніе съ Потѣхинымъ и подѣлилъ съ нимъ Волгу. инъ взялъ себѣ мѣстность отъ устьевъ Оки до Саратова, вскому достались верховья Волги.

ри морскомъ вѣдомствѣ издавался журналъ *Морской Сбор-* Великій князь расширилъ содержаніе журнала и допустилъ по самыхъ жгучимъ современнымъ общественнымъ вопро- —о гласномъ судопроизводствѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ нака- Въ журналѣ появились сочиненія, не имѣвшія ничего общаго рскимъ дѣломъ. Геніальный врачъ и знаменитый педагогъ овъ помѣстилъ здѣсь свои статьи — *Вопросы жизни*, воз-

стававшія противъ жестокости и бездушія старыхъ педаг учителей. Газеты только и жили перепечатками изъ морско нала.

Здѣсь же предполагалось печатать и отчеты писателей, лявшихся изслѣдовать русскую землю.

Задача предстояла трудная и требовала отъ путешествен особеннаго умѣнья—говорить съ простыми русскими людьм зывать ихъ на откровенность. Все, сколько-нибудь напоми власть и начальника, отпугивало самыхъ смѣлыхъ и связыва языкъ. Такъ происходило особенно въ глухихъ мѣстностяхъ ставлявшихъ именно больше всего интереса для изслѣдов Нужна была большая сноровка, простота и находчивость, даромъ не прогуляться среди повально молчаливыхъ и загадо людей.

Выгодъ за всѣ труды большихъ не представлялось. Соде было положено очень скромное—по сту рублей въ мѣсяцъ ка изслѣдователю. Впослѣдствіи оно было увеличено,—но и сам являлось весьма сложнымъ, безпрестанно требовало неожида расходовъ,—и писателей могла привлекать преимущественно мательность самой работы. Наконецъ, — вопросъ о печатаніи товъ въ *Морскомъ Сборникѣ* съ теченіемъ времени приня благопріятный оборотъ. Рѣшать его досталось морскому уч комитету. Во главѣ комитета стоялъ адмиралъ Рейнеке, мало понимавшій и цѣнившій вообще литературу и совер равнодушный ко всему — за предѣлами спеціальной морской дяной службы. Онъ рѣшилъ искать въ статьяхъ изслѣдовате принимать только то, что имѣло непосредственное отношен водѣ и представляло простой служебный докладъ.

Въ результатѣ комитетъ сталъ отвергать статьи «по ли турному достоинству», устранять разсказъ о личныхъ впеч ніяхъ, вызванныхъ у автора природой, самобытными чертами Художественная и просто свободная литературная форма изло не допускалась, — и авторы должны были искать мѣста св статьямъ въ другихъ изданіяхъ.

Островскій подвергся общей участи. Его отчетъ, *«Путеше по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго-Новгорода»* напечатан *Морскомъ Сборникѣ*, но авторъ былъ слишкомъ художникъ, удовлетворить канцелярскую редакцію. Отчетъ подвергся изм ніямъ и сокращеніямъ, вычеркнуто немало художественныхъ по ностей,—а въ нихъ именно и заключалась высшая цѣнность ст

Островскій собралъ громадное количество матерьяла. Онъ о

ъ обработки, благодаря ученому морскому комитету, — но
ыромъ видѣ онъ представлялъ поучительный и богатый источ-
свѣдѣній о верховьяхъ Волги.

тровскій приступилъ къ изученію края прежде всего
удожникъ, отзывчивый на все оригинальное и яркое въ при-
въ человѣческомъ быту. Даже въ напечатанномъ отчетѣ
вить окончательно художественные пріемы судить о предме-
людяхъ—не удалось редакторамъ. Постоянно встрѣчаются
сцены, жизненные бытовые факты, мѣткія вдохновенныя
еристики, летучія острыя слова.

бопытно, напримѣръ, свѣдѣніе о нравахъ города Торжка: оно
дствіи пригодилось Островскому и какъ драматургу. У торж-
хъ дѣвушекъ искони ведется обычай — имѣть «предметъ».
сколько не считается зазорнымъ, напротивъ—свобода моло-
признается вполнѣ общественнымъ мнѣніемъ торжковскихъ
елей. Другой обычай — тайный увозъ невѣстъ — не менѣе
теленъ, — и его отмѣтилъ Островскій. Варвара и Кудряшъ
ся несомнѣнными отголосками торжковскихъ впечатлѣній.

мимо нравовъ, — Островскій подмѣчаетъ особенности мѣст-
говоровъ, записываетъ оригинальныя выраженія и даже со-
ъ матеріалы для словаря нарѣчія приволжскаго населенія.
атеріалы наслѣдники Островскаго передадутъ потомъ въ
ію Наукъ. Не забываетъ путешественникъ и красотъ при-
— пользуется каждымъ шагомъ своего пути, какъ глубокій
ь русской народной психологіи, какъ страстный любитель
старины.

ко представить, какую великую пользу принесло путе-
е художественному таланту Островскаго! Лучшей школы
го нельзя было и представить. Онъ видѣлъ одну изъ са-
амобытныхъ историческихъ мѣстностей Россіи — съ древ-
городами, съ исконно-старинными обычаями и нравами, съ
азнымъ прадѣдовскимъ языкомъ. Его поражала безпросвѣт-
холустная глушь, въ срединѣ Россіи, въ какихъ-нибудь
есяти верстахъ отъ древняго города Твери. Онъ невольно
налъ не только историческія были давнихъ временъ, но даже
до такой степени кругомъ жизнь была первобытна и не-
на, — и теперь еще можно кстати повторить выраженіе
сказки про Ивана Царевича: «Ѣдетъ онъ день до вечера—
сить ему нечего».

русскій путникъ въ срединѣ XIX вѣка едва достаетъ въ
омъ селѣ нѣсколько яицъ—утолить свой голодъ.

Дальше, его поражаетъ полное отсутствіе мужиковъ в деревнѣ, даже десятскимъ — баба,— и на вопросъ, гдѣ мужі отвѣчаетъ на неслыханномъ языкѣ:

— Которы ушли у камотесы, которы дорогу циня.

А рядомъ вечевые города съ былой, безвозвратно исчезн вольностью, широкая Волга, видавшая виды на своихъ тихи дахъ, Нижній-Новгородъ — съ величавой исторіей Козьмы М захудалый Угличъ съ кровавымъ трагическимъ преданіемъ о убійствѣ... Всѣ эти событія и образы прошлаго всплывали мяти Островскаго и не могли исчезнуть безслѣдно. Нѣкоторы чайныя встрѣчи еще глубже внѣдряли впечатлѣнія повол путешествія.

По пути изъ Осташкова во Ржевъ Островскій заѣхалъ въ постоялый дворъ и попросилъ ночлега. Хозяинъ встрѣтилъ непривѣтливо, поразилъ его своимъ разбойничьимъ видомъ и залъ въ ночлегѣ. Послѣ оказалось,—онъ торговалъ своими дочерями. Островскій твердо запомнилъ встрѣчу,—и воси вался ею для комедіи «*На бойкомъ мѣстѣ*».

Но еще раньше возникла «*Гроза*». Она писалась одновре съ отчетомъ о путешествіи: отчетъ появился въ *Морскомъ никѣ* въ 1859 году, «*Гроза*» въ первой книгѣ *Библіотек чтенія* за 1860 годъ. Оба произведенія — плодъ живыхъ впеч ній путешествія. Участь «*Грозы*» оказалась счастливѣе стат драму обратила вниманіе Академія и поручила проф. Плетневу ставить отзывъ о пьесѣ. Критикъ восхищался характеромъ рины, вѣрнымъ изображеніемъ провинціальнаго городского б находилъ произведеніе достойнымъ Уваровской преміи. Акаде присудила эту премію 29 декабря 1860 года.

Но воспоминанія о поѣздкѣ не ограничились «*Грозой*». Ос скій начинаетъ дѣятельно заниматься русской стариной. По Кузьмы Минина представлялъ благодарную задачу для драмы. скія впечатлѣнія ярко возставали въ памяти драматурга, даже вложилъ въ уста своего героя описаніе одной изъ са краснорѣчивыхъ картинъ Поволжья.

Мининъ ободряетъ себя мыслью, что не погибнетъ царств селенное народомъ упорнаго и терпѣливаго труда. Глядя на р рѣку, Мининъ говоритъ:

Вонъ огоньки зажглись по берегамъ...
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули... Пѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,

Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега...
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новогородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы...
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ...

Драма появилась въ январьской книгѣ *Современника* за 2 годъ. Ровно три года спустя въ томъ же журналѣ Остров- напечаталъ «*Воеводу или сонъ на Волгѣ*». Вся пьеса одушев- удалью старинныхъ волжскихъ молодцовъ, жившихъ «матуш- Волгой», дѣлившихъ съ ней свои радости и горе. Одна изъ лхъ лирическихъ пьесъ написана, повидимому, исключительно славу Волги. Открывается она настоящимъ гимномъ въ честь кой рѣки: стихи эти, по разсказу очевидца, производили силь- шее впечатлѣніе на замоскворѣцкихъ пріятелей автора, они не ли равнодушно слушать ихъ даже въ чтеніи. Это—дѣйстви- но очень красивое и прочувствованное обращеніе къ Волгѣ, ритъ его одинъ изъ удалыхъ молодцовъ, которому нѣтъ про- а въ избѣ и гулять охота въ лодкѣ по широкому волжскому долью:

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до синя моря,
Крутымъ ярамъ, да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье, какъ на погулянье!
Не даромъ слово про тебя ведется;
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй—«По матушкѣ по Волгѣ».

И дальше начинается пѣсня...

Островскій не ограничился лирическимъ воспроизведеніемъ риннаго русскаго быта, онъ занялся обработкой наиболѣе дра- ическихъ сюжетовъ, какіе только можно отыскать въ русской оріи. Эпоха междуцарствія, конечно, стояла здѣсь на первомъ нѣ, «*Козьма Мининъ*»—только вступленіе. Въ 1867 г. яви- ъ въ печати драматическая хроника—«*Дмитрій Самозва- ъ и Василій Шуйскій*», въ томъ же году напечатано «*Тушино*» ъ слѣдующемъ драма «*Василиса Мелентьева*».

Она возникла, несомнѣнно, ради личности Ивана Грознаго. Мысль этой пьесѣ не принадлежала Островскому. Сотрудникомъ зна-

менитаго драматурга былъ директоръ театровъ Гедеоновъ. сколько обширно это сотрудничество—у насъ нѣтъ вполнѣ о дѣленнаго извѣстія. Одни говорятъ, что Гедеоновъ успѣлъ подр разработать весь планъ пьесы, составилъ ея конспектъ и пере свои матеріалы Островскому. По словамъ другихъ,—Гедеоновъ общилъ Островскому только сюжетъ драмы, и собственная его бота ограничилась прологомъ. Наконецъ Горбуновъ утвержд совершенно другое: Гедеоновъ будто вручилъ Островскому *написанную* пьесу. Островскій взялъ только сюжетъ, «напис собственную свою пьесу, не воспользовавшись ни одною сце ни однимъ стихомъ изъ творенія Гедеонова».

Изъ всѣхъ свидѣтелей Горбуновъ стоялъ къ Островскому, сомнѣнно, ближе другихъ, и его свидѣтельству слѣдуетъ отд предпочтеніе.

Раньше чѣмъ творчество Островскаго развилось на нов пути, къ его волжскимъ воспоминаніямъ прибавились другія, столь сильныя и глубокія, но имѣвшія свое значеніе въ худо ственномъ развитіи драматурга. Можетъ быть,—и мысль драма зировать самую живую эпоху русской исторіи была подсказ Островскому отчасти ближайшимъ знакомствомъ съ западно-ев пейской драматической литературой.

Знакомство это находится въ связи съ заграничнымъ путеш ствіемъ нашего писателя.

XI.

Главная цѣль, руководившая Островскимъ въ далекой поѣзд заключалась въ желаніи—отдохнуть. Врядъ-ли онъ чувствова особенный интересъ къ порядкамъ чужихъ краевъ и врядъ-ли мо питать намѣреніе изучать западную жизнь и западныхъ люд Островскій и его спутники—между ними находился Горбуновъ запаслись записными книжками, готовились вносить всѣ наибол выдающіяся впечатлѣнія и происшествія. Въ дѣйствительности, впечатлѣнія оказались довольно незначительныя, а происшеств сколько-нибудь замѣчательныхъ не случилось — и записи Остро скаго ничѣмъ не отличаются отъ дневника всякаго обыкновенна русскаго странствователя по Европѣ, ищущаго отдыха и освѣже силъ.

Островскій, разумѣется, по своей художественной природѣ не могъ оставаться равнодушнымъ къ чудесамъ итальянскаго иску

Напримѣръ, въ Соборѣ св. Петра у него два раза готовы были
рнуться слезы,—но здѣсь же стоитъ рядомъ замѣчаніе: «осмо-
и соборъ мелькомъ». Величія Колизея, по словамъ Островскаго,
сать невозможно», а «чудеса Ватикана» онъ описывать «не
тъ». Это звучитъ не особенно горячо и въ этихъ заявле-
ь нельзя открыть сильныхъ впечатлѣній, невольно льющихся
подъ пера восхищеннаго созерцателя художественныхъ красотъ.
Но рѣчь Островскаго остается холодной и довольно прозаичной,
когда заявляетъ о высшей степени своего наслажденія. О Фло-
и онъ пишетъ: «несказанное богатство художественныхъ про-
еній подѣйствовало на меня такъ сильно, что я не нахожу
для выраженія того душевнаго счастія, которое я чувство-
всѣмъ существомъ моимъ, проходя эти залы. Чего тутъ нѣтъ:
фаэль, и сокровища Тиціановой кисти, и Дель-Сарто, и древняя
ьптура».

лышится что-то обязательное, общепринятое въ этомъ добро-
тномъ перечисленіи «чудесъ». Въ такомъ же тонѣ дается от-
и о «дворцѣ Дожей», о Canale Grande, о Ріальто, объ «отлич-
утрѣ»—и, здѣсь же оговорки: «забылъ записать, что въ Ве-
превосходныя груши».

Вообще гастрономическая часть занимаетъ очень почтенное
въ записяхъ нашего путешественника, говорится о земля-
съ грецкій орѣхъ, объ апельсинахъ съ дыню, записываются
цѣлыя меню, если они особенно дешевы и обильны. Горбу-
на этихъ записяхъ сосредоточиваетъ даже главное вниманіе.
ъ результатѣ, нельзя сказать, чтобы Европа вызвала у русскаго
турга живой интересъ. Онъ не касается ея общественныхъ
ій, о политическихъ вопросахъ нечего и толковать, населеніе
анимаетъ преимущественно или даже исключительно внѣш-
ю и костюмами. Единственно, на чемъ остановилось вниманіе
вскаго—итальянская драматическая литература.

о возвращеніи въ Россію онъ принялся за изученіе итальян-
драматурговъ и впослѣдствіи перевелъ четыре пьесы—три
іи—«*Великій банкиръ*», «*Заблудшія овцы*», «*Кофейня*»
сьма популярную драму Джакометти—«*Семья преступ-*
». Еще раньше этихъ пьесъ—Островскій въ 1865 году, въ
еменникѣ напечаталъ переводъ шекспировской комедіи—
иреніе своенравной».

о не смотря на всю разнообразную и плодовитую литератур-
дѣятельность, Островскій не выходилъ изъ нужды. Театраль-
начальство не думало образумиться и смягчиться. Оно наносило

драматургу кровныя обиды, или совсѣмъ на допуская его пье сцену, или обставляя ихъ до послѣдней степени небрежно и ни ски. Случалось,—для спектакля не хватало самой обыкнове сколько-нибудь приличной мебели. Все это не могло не волно Островскаго крайне болѣзненно и въ періодѣ полнаго раз своего таланта—онъ впадаетъ въ мучительное нервное разст ство.

Нужда преслѣдуетъ его неотступно. Сцена не признаетъ заслугъ, онъ—авторъ первостепенныхъ драматическихъ про деній, одинъ изъ самыхъ блестящихъ писателей своего времен не видитъ ни утѣшенія, ни просвѣта въ своемъ настоящемъ и дущемъ. Недуги начинаютъ подтачивать его отъ природы нек кое здоровье. Островскій страдаетъ сердцебіеніемъ, безотче пугливостью. Его изводитъ постоянно тревожное состояніе д отсутствіе сна и аппетита. И все это въ половинѣ шестидесяти годовъ, въ самый расцвѣтъ лѣтъ и силъ!

Островскій по временамъ доходитъ до отчаянія. Онъ не зна какъ ему жить съ семьей, на что воспитывать дѣтей, онъ го даже совсѣмъ отказаться отъ театра. Намѣреніе это станов особенно настойчивымъ послѣ того, какъ театральныя власти за жали постановку на Московской сценѣ драмы—«*Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій*». Артистъ Бурдинъ посовѣто Островскому—написать письмо министру. Островскій пересы этотъ документъ Бурдину для дальнѣйшей передачи, сопрово его слѣдующими печальными признаніями:

«Любезный другъ, я едва держу перо въ рукахъ; постоя сидѣніе за работой, безсонныя ночи совершенно разстроили нервы. Извѣстіе, которое я получилъ отъ тебя, добило меня со шенно, хотя оно было для меня не новостью. Поутру я был конторѣ (императорскихъ театровъ), видѣлъ тамъ Чаева, слы отъ него о постановкѣ его «*Дмитрія Самозванца*» въ Москвѣ вечеромъ, когда получилъ твое письмо, со мной сдѣлалось ду сегодня я весь разбитъ и, вѣроятно, слягу. Письмо (къ минис теперь у тебя въ рукахъ,—посылай его или разорви; дѣлай т какъ укажетъ тебѣ твоя любовь ко мнѣ».

Въ другомъ письмѣ Островскій кратко, но внушительно и жилъ свои многообразныя мытарства. Письмо дышетъ скорбью; сатель, очевидно, достигъ предѣловъ своего терпѣнія и больш чувствуетъ силъ продолжать прежній тернистый путь. Пи адресовано тому же Бурдину—27 сентября 1866 года.

«Объявляю тебѣ по секрету, что я совсѣмъ оставляю театр

поприще. Причины вотъ какія: выгодъ отъ театра я почти не ю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. альство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ уже пора ѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хло- ъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, ы самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству; при моемъ оженіи въ литературѣ играть роль вѣчно кланяющагося проси- я тяжело и унизительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездо- ъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить по высокимъ лѣстни- ъ—мнѣ ужъ нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше женія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь театромъ.

«Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы я хоть мало отличили отъ какого-нибудь плохого переводчика. крайней мѣрѣ, я пріобрѣту себѣ спокойствіе и независимость ѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ больше писать стану; я уже давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвя- ъ себя исключительно ей; буду писать хроники, но не для тра. На вопросъ, отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду от- ать, что онѣ неудачны. Я беру форму *Бориса Годунова*, имъ образомъ постепенно и незамѣтно я отстану отъ театра».

Такъ писалъ драматургъ, уже давно признанный въ русской тикѣ «писателемъ необычайно-талантливымъ, лучшимъ послѣ оля представителемъ драматическаго искусства въ русской лите- урѣ». Это признаніе, по свидѣтельству Добролюбова, было вы- зано въ печати еще послѣ комедіи «*Свои люди—сочтемся*». За ь лѣтъ до трагическаго письма о полномъ разрывѣ съ театромъ ъ Добролюбовъ посвятилъ Островскому рядъ статей, въ высшей пени лестныхъ, подробно исчерпывавшихъ содержаніе и смыслъ изведеній драматурга. Талантъ Островскаго являлся, слѣдова- ьно, вдохновителемъ для даровитѣйшей и благороднѣйшей со- еменной общественной мысли. Критикъ, стоявшій во главѣ по- упательнаго литературнаго движенія, признанный руководитель одого поколѣнія,—увѣнчалъ Островскаго роскошнымъ вѣнкомъ дожника-гражданина.

И все это не помогло самымъ, повидимому, естественнымъ ѣхамъ пьесъ Островскаго. Публика усердно смотрѣла его драмы омедіи,—но театръ не желалъ показывать ихъ публикѣ, и пер- й современный драматургъ очутился въ самомъ обидномъ и без- ысленномъ положеніи, какое только можно представить.

Островскій не осуществилъ сполна своего намѣренія, подска-

заннаго отчаяніемъ,—и не могъ осуществить, т. е. перестать сать пьесы изъ современной жизни, окончательно разстаться театромъ. Драматургъ переживалъ то самое настроеніе, какое однократно посѣщало Тургенева среди ожесточенныхъ напад критики на его романы. Онъ говорилъ тогда—*Довольно* и шалъ—положить перо. Рѣшеніе оставалось мечтой, художн снова принимался за творческій трудъ,—являясь невольник своего генія, стихіи, но подчиняясь неумирающему и повелите ному вдохновенію. То же и съ Островскимъ.

Онъ дѣйствительно удѣлилъ много работы историческимъ х никамъ, но и современная жизнь не утратила для него интереса и непосредственно послѣ письма не проходитъ года безъ но комедіи. Съ теченіемъ времени кругъ драматическаго творчес даже расширяется: Островскій отъ бытовыхъ пьесъ переходитъ воспроизведенію нравовъ и типовъ интеллигентной среды. Это третья полоса его дѣятельности, столь же плодовитая и ярк какъ бытовая и историческая.

Но эта производительность не свидѣтельствовала, что пи тельскій путь Островскаго сталъ легче и благодарнѣе. Напроти къ концу шестидесятыхъ годовъ драматургъ встрѣтилъ нов врага и очень сильнаго соперника. Русскія сцены набросились оперетку, публика привѣтствовала новое повѣтріе,—и комедіи драмы должны были отступить предъ наплывомъ пикантны пошлостей и шутовского комизма.

Островскій не могъ не чувствовать глубокаго отвращенія модному театральному жанру. Это было отвращеніе даровита писателя, уважающаго личность и талантъ литератора. Много лѣ позже, когда Островскій стоялъ во главѣ московскихъ театров онъ въ письмѣ къ переводчицѣ драматическихъ произведен высказалъ въ высшей степени краснорѣчивый взглядъ на совр менную драму и объяснилъ, почему оперетка—явленіе безуслов отрицательное и нежелательное.

Островскій писалъ:

«Судя по вашему письму, въ которомъ вы разбирали какую-т оперетку, я думалъ, что вы къ этому фальшивому роду сценич скихъ произведеній питаете такое же отвращеніе, какое къ нем питаю и я, и какое долженъ питать всякій литераторъ-художник Мы теперь стараемся всѣ наши идеалы и типы, взятые изъ жизн какъ можно рельефнѣе и правдивѣе изобразить до самыхъ мельчай шихъ бытовыхъ подробностей, а главное мы считаемъ первым условіемъ художественности въ изображеніи даннаго типа вѣрну

дачу его образа выраженія, т. е. языка и даже склада рѣчи, рымъ опредѣляется самый тонъ роли. Теперь и сценическая ановка (декораціи, костюмы, гриммировка и пр.) въ бытовыхъ ахъ сдѣлала большіе успѣхи и далеко ушла въ постепенномъ ближеніи къ правдѣ. Оперетка же съ безпрестаннымъ шаржемъ, рый составляетъ ея достоинство и безъ котораго она немыслима, отрицаніе реальности и правды».

Но царство оперетки въ шестидесятыхъ годахъ только-что на-ало, и на первыхъ порахъ борьба съ ней не могла быть успѣш-

Новый источникъ огорченій для Островскаго! Они оказались ь глубже, что театральная критика подчинялась господствую-у теченію. Рецензенты по поводу каждой пьесы укоряли овскаго въ слабости и блѣдности таланта, говорили, что драма-ъ исписался, и съ обычной для театральной критики выдер-ностью и послѣдовательностью именно раньше уничтоженныя изведенія ставились въ образецъ позднѣйшимъ. Все это не могло лѣдно проходить для нервно-впечатлительнаго писателя,—но одь не лишало его энергіи.

Неурядицы въ русскомъ сценическомъ искусствѣ, въ драмати-ой литературѣ и въ театральной критикѣ внушили Остров-у обширную идею — преобразовать художественный вкусъ истовъ, публики, создать театръ-школу, одинаково полезную эстетическаго воспитанія общества и для приготовленія достой-ъ дѣятелей сцены. Замыселъ зрѣлъ въ умѣ Островскаго одно-менно съ многочисленными невзгодами и разочарованіями.

Четырнадцатое ноября 1866 года Островскій называлъ однимъ лучшихъ дней своей жизни. Въ этотъ день открылся москов-артистическій кружокъ, въ сильной степени обязанный своимъ никновеніямъ планамъ и хлопотамъ Островскаго.

Въ чемъ преимущественно состояли эти планы—Островскій снилъ обстоятельно въ запискѣ, представленной позже уже ффиціальное учрежденіе, въ комиссію, учрежденную въ 1881 году ля пересмотра законоположеній по всѣмъ частямъ театральнаго мства».

XII.

Мы знаемъ, сколько огорченій встрѣтилъ Островскій даже отъ ей, повидимому—прежде всего обязанныхъ благодарностью ве-ому драматическому дарованію. Артисты лучшей русской сцены плохо понимали произведенія новаго драматурга или не же-

лали ихъ понимать. Причина заключалась въ косности театр ныхъ талантовъ, а часто и въ недостаточномъ художественно литературномъ развитіи артистовъ и артистокъ.

Островскій рѣзко возставалъ противъ легкомысленнаго шенія сценическихъ дѣятелей къ своему искусству. Записка стоко критикуетъ клубныя, любительскія и провинціальныя сп Авторъ возмущается взглядомъ на искусство, какъ на забаву какъ на легкое ремесло. Островскій чрезвычайно остроумно изо жаетъ театральный зудъ актеровъ-любителей, заинтересоване исключительно переодѣваньемъ, фотографическими снимками ихъ особъ въ живописныхъ костюмахъ. И само любительство с вано на совершенно ложномъ мнѣніи, будто актеромъ можно б не учась—достаточно врожденныхъ способностей. Актеръ худ никъ, а всякій художникъ долженъ основательно изучить техн своего искусства: «мало знать, помнить и воображать,—над умѣть» Актеръ долженъ жить на сценѣ полной жизнью изображ маго лица, не только усвоить его нравственный міръ, его ощу нія, его душу,—но умѣть — «мгновенно, безъ задержки, чи рефлективно» выражать все это соотвѣтственными жестами и отвѣтственнымъ тономъ. Только при такихъ условіяхъ возмо произвести на публику живое художественное впечатлѣніе, а патетическихъ моментахъ вызвать единодушный восторгъ.

Актеръ прежде всего долженъ *жить на сценѣ*,—а эта с собность дается продолжительнымъ изученіемъ сценическаго иск ства,—и его не можетъ обходить актеръ-любитель, играющій р развлеченія, и даже профессіональный актеръ, плохо подготовл ный или не понимающій отвѣтственности своего дѣла.

Но въ Россіи даже и такіе исполнители находятъ благодар публику: это стоитъ въ тѣсной связи съ низкимъ уровнемъ воо сценическаго искусства, потому что артисты-художники и худо ственные критики—явленія однородныя по самой сущности с ихъ натуръ,—и естественно, гдѣ само искусство представляет дѣятелями крайне заурядными, тамъ и цѣнители отличаются г бостью и нетребовательностью вкуса. Общій выводъ совершен ясенъ: «при неумѣлыхъ исполнителяхъ, сцены не имѣютъ смысла, ни значенія,—это не храмы, даже не балаганы для забл потому что въ нихъ ничего забавнаго нѣтъ, кромѣ претензі смѣлости людей, берущихся не за свое дѣло. Это просто боль залы, устроенныя для пустой и безсмысленной траты време какъ зрителями, такъ и исполнителями».

Именно, въ такомъ положеніи, по мнѣнію Островскаго, на

а русскія частныя сцены. Онѣ не только не способствуютъ итію драматическаго искусства, — онѣ мѣшаютъ ему, понитъ вкусъ публики и понижаютъ такъ послѣдовательно, такъ ительно, что становится страшно за будущность русской сцены. Предотвратить это бѣдствіе и желалъ Островскій. Цѣль артиескаго кружка опредѣлялась вполнѣ ясно и въ соотвѣтствіи съ еменнымъ положеніемъ русской сцены: кружокъ долженъ расстранить въ публикѣ правильныя понятія о всѣхъ отрасляхъ цныхъ искусствъ, развить ея художественный вкусъ, доставить жникамъ возможность сдѣлаться извѣстными публикѣ. Кругъ предполагалъ ставить пьесы, исполнителями предназначались ны кружка, артисты-любители. Сценѣ кружка предстояло замѣь театральную школу. И впослѣдствіи Островскій могъ удостоить, что цѣль эта осуществилась: кружокъ далъ московской нѣ многихъ талантливыхъ артистовъ, и на его подмосткахъ вые предъ московской публикой появлялись уже готовые блеціе исполнители.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія кружокъ подъ руодствомъ Островскаго принялъ участіе въ крупномъ обществень событіи Москвы. Въ маѣ состоялся славянскій съѣздъ, и открыь Всероссійская этнографическая выставка. Кружокъ устроилъ честь славянскихъ гостей литературно-музыкальный вечеръ. ровскій говорилъ привѣтствіе, какъ первенствующій московскій ераторъ.

Это стремленіе Островскаго—дѣятельность писателя соединить общественными интересами—является большой исторической пугой. Островскій очень широко понималъ обязанности драмага-художника, въ ихъ кругъ входила вообще вся область художственнаго вкуса, насколько онъ отражается на духовномъ разіи общества. Сцена и публика непосредственно вліяютъ на ьбу драматической литературы. Эти три силы стоятъ въ тѣсшей взаимной связи,—и Островскій понималъ ее въ совершенѣ. Писатель, чьи произведенія Добролюбовъ призналъ идейными высшей степени, чье имя являлось блестящимъ украшеніемъ свѣтительной русской литературы,—не уклонился и отъ праческаго дѣла ради все той же идеи, распространяемой путемъ кусства и художественнаго творчества.

Вскорѣ послѣ основанія артистическаго кружка Островскій заалъ осуществить еще болѣе значительную практическую сль, давно подсказываемую жизнью. Личные опыты самого матурга какъ нельзя настойчивѣе внушали ему планъ новаго

учрежденія. Знаменитый, неутомимо трудолюбивый—Остров никакъ не могъ выбиться изъ тисковъ нужды. Театры обога лись благодаря его пьесамъ, а онъ самъ приходилъ въ отчаяніе всякаго исключительнаго расхода, — напримѣръ передъ праз ками.

Во что бы то ни стало слѣдовало обезпечить трудъ драмат скаго писателя. На западѣ это давно было достигнуто, во Фра съ конца XVIII-го вѣка, благодаря усиліямъ Бомарше, — и тѣхъ поръ французскіе драматурги нерѣдко наживали цѣлые ка талы на нѣсколькихъ пьесахъ, стяжавшихъ любовь публи Островскій рѣшился дѣятельно заняться давно наболѣвшимъ просомъ, нашелъ горячее сочувствіе среди драматурговъ и у в шей администраціи. Сначала возникло въ Москвѣ собраніе дра тическихъ писателей. Островскій былъ его вдохновителемъ и ру водителемъ. Но на первыхъ порахъ большихъ результатовъ не лучилось: антрепренеры упорно отклонялись отъ платы авторамъ представленія пьесъ, возникло множество процессовъ, и всѣ бла цѣли собранія, вѣроятно, долго не осуществились бы, если бъ помощь не пришла судебная власть и правительство.

Суды стали карать антрепренеровъ за самовольную постанов пьесъ,—антрепренеры начали входить въ личныя сдѣлки съ авт рами, но размѣръ платы зависѣлъ отъ случайностей, отъ ловко той и другой стороны. Дѣло окончательно укрѣпилось, когда С браніе драматическихъ писателей было признано закономъ и пр вратилось въ оффиціальное учрежденіе подъ именемъ Общест русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

Островскаго единогласно избрали предсѣдателемъ Общества, онъ оставался несмѣняемымъ предсѣдателемъ съ 21 октября 1874 до самой смерти. Не забывая обширныхъ заботъ о судьбахъ русск драмы и сцены, Островскій и только-что созданное Общест желалъ сдѣлать орудіемъ нравственнаго и художественнаго восп танія русскихъ дѣятелей драмы и оперы.

Онъ предполагалъ учредить при Обществѣ центральную библі теку по драматической литературѣ и оперѣ, снабдить её класс ческими произведеніями — русскими и иностранными, и издава при библіотекѣ пьесы для театровъ. Островскій намѣревался п жертвовать Обществу собственную библіотеку. Не упустилъ он изъ виду и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій: чтенія пр Обществѣ о сценическомъ искусствѣ, устройство образцовой сцены для классическихъ произведеній, и руководить этой сценой должн были сами драматурги и знатоки театральнаго дѣла. Наконец

овскій желалъ образовать при Обществѣ капиталъ для выдачи оянныхъ и временныхъ премій за лучшія драматическія проденія и для конкурсовъ на соисканіе премій за сочиненія по ическому искусству,—причемъ темы предоставлялось предла- Обществу.

е всѣмъ этимъ планамъ и не вполнѣ суждено было выполниться. ѣкоторые легли въ основу до сихъ поръ существующихъ учреж- ій. Напримѣръ,—Московское филармоническое общество и со- щее при немъ музыкально-драматическое училище возникли одаря Обществу любителей музыкальнаго и драматическаго ества, создавшему на нѣкоторое время образцовую сцену. Ост- кій съ самаго основанія состоялъ почетнымъ членомъ Общества, , открывая сцену, несомнѣнно пользовалось его идеей.

питалъ для премій за лучшія драматическія произведенія об- вался по подпискѣ. Она была разрѣшена въ память пятидесяти- ей годовщины смерти Грибоѣдова, и собранные около 7.000 р. авили капиталъ для выдачи «грибоѣдовской» преміи.

Островскій силой вещей становился во главѣ русскаго сцени- го искусства и русской драмы. Художественныя и практическія нанія непремѣнно связывались съ его именемъ, даже возникали его непосредственномъ участіи. Несомнѣнно,—такое исключи- ное положеніе создалось прежде всего благодаря литературному нту Островскаго,—но не малое значеніе имѣла и личность Ост- каго.

Это былъ искренно добрый и въ высшей степени деликатный че- къ. Едва ли не самой отрицательной чертой его характера явля- именно преувеличенная, пристрастная доброта. Онъ не просто лъ дорогихъ ему людей, — онъ непремѣнно идеализировалъ увлекался какимъ-то настойчиво-длящимся увлеченіемъ. атичный для него человѣкъ непремѣнно былъ во всемъ без- ченъ, понравившійся ему актеръ—всеобъемлющій талантъ. Такъ даетъ очевидецъ, и это свидѣтельство подтверждается всѣми стными намъ данными.

ывести Островскаго изъ терпѣнія даже самыми докучливыми смысленными просьбами было очень трудно. Особенно много лъ онъ отъ молодыхъ драматургическихъ талантовъ. Они не и ему покоя со своими пьесами, просили его совѣтовъ, попра- сотрудничества. И Островскій умѣлъ щадить даже самолюбіе рностей, тратилъ время и находчивость на бесѣды съ ними, а ко дѣйствительно вступалъ въ литературную компанію съ на- щимъ драматургомъ и отдавалъ свой трудъ и свое имя. Легко

представить, съ какой охотой и любовью онъ поощрялъ насто таланты. Поучительны напримѣръ отношенія къ переводчицѣ А. совской.

Переводчица вздумала передѣлать «*Снѣгурочку*» Острове въ оперное либретто. Передѣлка вышла очень удачной,—но никло сомнѣніе, можно ли будетъ воспользоваться передѣлкой разрѣшенія Островскаго. А. Мысовская написала драматург просъ,—и между ними возникла переписка, дающая нѣско любопытныхъ чертъ для характеристики нашего писателя.

Островскій, управлявшій въ то время московскимъ театр заваленный работой, безконечными и разнообразными хлопот съ надорваннымъ здоровьемъ,—обращаетъ пристальное вним на талантливую поэтессу. Въ его умѣ возникаетъ цѣлый рядъ ботъ для нея: она прежде всего должна заняться драматическої работкой иностранныхъ сказокъ. Эти переработки дадутъ на с увлекательныя феерическія зрѣлища, окончательно затмятъ ретку и балетъ. Это будетъ прекраснымъ развлеченіемъ и для тей. Потомъ переводчицѣ можно поручить Мольера: она переве его стихотворныя пьесы, а самъ Островскій — прозаическі и все это можно издать роскошно. Въ заключеніе онъ жел лично видѣть свою корреспондентку: «Мы съ вами дописалис того, что пора ужъ и по душѣ поговорить».

Письма Александра Николаевича неизмѣнно полны задуш ности, онъ безпрестанно впадаетъ въ искренній откровенный т принимается дружески бесѣдовать о всецѣло захватившихъ его з тахъ, пространно сообщаетъ свои мечты и планы, дѣлится своей—лично ему незнакомой корреспонденткой—опасеніями, мнѣніями и многочисленными неотвязными тревогами о судьбѣ д гого дѣла. Наконецъ, онъ готовъ сознаться, что, можетъ быть, личномъ свиданіи произвелъ на поэтессу-переводчицу непрія или смутное впечатлѣніе: она захватила его въ самый разгаръ посильныхъ, по его мнѣнію, обязанностей, въ глубоко трагичесв положеніи, когда человѣкъ страстно стремится къ завѣтной и и чувствуетъ невозможность достигнуть ея.

Такъ могъ говорить только по природѣ добрый и душевный ловѣкъ, какимъ всю жизнь оставался Островскій.

Эта мягкость натуры нерѣдко приносила ему самый ощутит ный ущербъ,—гораздо болѣе важный, чѣмъ безплодныя поучитель бесѣды съ бездарными драматургами, пристрастное покровитель излюбленнымъ актерамъ.

Мы видѣли, какъ безпощадно относились къ нему люди, за

шіе русской казенной сценой. Не меньше терпѣлъ Островскій ъ издателей. Онъ обнаружилъ совершенную безпомощность въ ктическихъ вопросахъ. Онъ прежде всего съ трудомъ доходитъ ысли, что слѣдуетъ издать отдѣльно свои пьесы. Онъ видитъ успѣхъ, знаетъ спросъ публики, но затрудняется, какъ при-ся за дѣло. Сначала у него является намѣреніе—быть самому телемъ своихъ пьесъ,—но вскорѣ онъ оставляетъ эту идею изъ ха—запутаться въ мелкихъ и крупныхъ разсчетахъ по изда- Ему даже становилось горько отъ сознанія своей непрактич-ти.

«Вѣрите-ли, писалъ онъ своему пріятелю,—какъ мнѣ иногда аетъ прискорбно, что я такъ дурно веду свои денежныя дѣла. я четверыхъ дѣтей, это непростительно. Некрасовъ нѣсколько мнѣ въ глаза смѣялся и называлъ меня безсребреникомъ. говорилъ, что никто изъ литераторовъ не продаетъ своихъ ній такъ дешево, какъ я».

И Островскій боялся, какъ бы Некрасовъ не разгласилъ его ость и не поощрялъ издателей еще больше прижимать его.

На этотъ разъ опасенія были напрасны. Некрасовъ, безъ вѣ-а Островскаго, заботился объ его интересахъ, издатель являлся ставнымъ лицомъ, изданіе предпринималъ самъ Некрасовъ, не-зно владѣвшій книжнымъ магазиномъ.

Но такая удача выпадала на долю Островскаго только въ исклю-ельныхъ случаяхъ. Чаще онъ рисковалъ подвергнуться продѣлкѣ дѣ той, какая постигла его съ издателемъ *Русскаго Слова*, Кушелевымъ-Безбородко.

Собственно самъ издатель былъ ни при чемъ,—вся вина па-а на его распорядителей и приказчиковъ. По словесному дого-у, они имѣли право выпустить первое изданіе сочиненій ровскаго въ 1858 году въ 3000 экземплярахъ. На самомъ дѣлѣ о напечатано пять тысячъ. Какъ же поступилъ Островскій?

Отвѣтъ онъ далъ самъ въ слѣдующемъ признаніи:

«Я могъ тогда же остановить печатаніе лишнихъ экземпляровъ, не сдѣлалъ этого изъ деликатности во избѣжаніе скандала. фъ предлагалъ мнѣ запечатать своей печатью лишнія книги, я того не сдѣлалъ тоже изъ деликатности, желая показать ему ное довѣріе. Что же вышло? Если бъ я тогда уничтожилъ экзем-ры, я бы черезъ два года (а теперь прошло почти четыре) имѣлъ во продать второе изданіе и былъ бы съ деньгами, а теперь ни егъ, ни возможности даже получить какія либо свѣдѣнія о своемъ рѣ. Если даже первое изданіе (т. е. 3000 экз.) еще не продано,

то чѣмъ же я виноватъ? При небрежности продажу можно ра
нуть на десять лѣтъ. Мои дѣла теперь плохи. Не сыщется ли
желающій издать третій томъ, я взялъ бы теперь дешево. На
тій томъ наберется произведеній и безъ «*Минина*» («*Мининъ*»
зойдется отдѣльнымъ изданіемъ). Тому, кто купилъ бы у меня тр
томъ за двѣ тысячи, я уступилъ бы изданіе «*Минина*» даромъ

И такъ продолжалось вплоть до учрежденія Общества драма
ческихъ писателей, т. е. до конца 1874 года. А за это время пь
Островскаго не сходили съ провинціальныхъ и столичныхъ сце
До какой степени онѣ были популярны, показываетъ цифра пр
ставленій за девятнадцать лѣтъ—съ 1853 года по 1872 годъ: во
766 разъ прошли пьесы Островскаго только на казенныхъ сцена
Дирекція императорскихъ театровъ получила за это время со сп
таклей Островскаго около двухъ милліоновъ дохода.

И послѣдній сезонъ за означенный періодъ оказался особен
благопріятнымъ для произведеній нашего драматурга—были
ставлены въ первый разъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ—двѣ пье
«*Лѣсъ*» и «*Не все коту масляница*». Кромѣ того, самъ авт
завѣдывалъ постановкой «*Дмитрія Самозванца*» на петербу
ской сценѣ.

Много труда стоило ему выхлопотать постановку,—но и по
того, когда хлопоты пришли къ желанному концу, обычныя тер
не исчезли съ тяжелаго писательскаго пути Островскаго.

На постановку, по обыкновенію, поскупились до послѣдней с
пени: старые костюмы, ветхія декораціи,—по словамъ очевидца,
«все пахло презрѣніемъ, неумолимымъ презрѣніемъ къ русско
театру и къ русскимъ талантамъ». Исполненіе соотвѣтствовало обс
новкѣ, и только яркая талантливость пьесы спасла ее отъ провал

Но этотъ именно спектакль получилъ для Островскаго осо
значеніе, заставившее его—хотя на время забыть недочеты пр
ставленія и свои личныя огорченія.

XIII.

Наивно устраивая денежныя дѣла, Островскій столь же прос
душно относился къ своей писательской силѣ и извѣстности.

Онъ, разумѣется, не могъ не сознавать своего вліянія на пу
лику, не понимать своего исключительнаго положенія въ сов
менной драматической литературѣ. На помощь его авторскому
знанью пришла въ высшей степени внушительная критика—

ъ Добролюбова. Произведенія его охотно печатались журналами
янофильскаго и западническаго направленія, и западники даже
яли московскую партію, что она не съумѣла вполнѣ оцѣнить
окій общественный смыслъ творчества Островскаго.

Для русской критики, никогда не страдавшей однородностью
совъ и единодушіемъ идей, — явленіе почти исключительное.
не могло не бросаться въ глаза самому Островскому, — и у дру-
писателя, несомнѣнно, вызвало бы соотвѣтствующее настрое-
т. е. самоувѣренное и даже болѣе или менѣе преувеличенное
ставленіе о своемъ талантѣ и значеніи.

Съ Островскимъ этого не случилось.

Скромность лежала въ его природѣ, слишкомъ добродушной для
, чтобы страдать честолюбіемъ и тщеславіемъ. По словамъ
ко знавшаго его наблюдателя, заслуживающаго безусловнаго
рія, онъ иногда обнаруживалъ простодушныя и даже отчасти
вныя притязанія. Островскій вдругъ впадалъ въ нѣкоторое хва-
ство и самохвальство.

Вызывалось оно не чванствомъ, не надменнымъ самообожаніемъ,
виннымъ задоромъ — не оказаться ниже другихъ. Если кого-
хвалили въ его присутствіи, онъ желалъ напомнить и свои
твенныя заслуги. Онъ будто опасался несправедливости со сто-
ı людей, способныхъ, пожалуй, унизить его талантъ.

Это настроеніе отнюдь не свидѣтельствовало объ авторскомъ
любіи: Островскій никому не завидовалъ, ничьего дарованія не
калъ. Напротивъ, — готовъ былъ вѣчно покровительствовать
ддерживать. И эта добродѣтель была извѣстна и писателямъ и
стамъ и всѣми оцѣнена по достоинству.

У Островскаго не оказывалось литературныхъ враговъ. Онъ
ственный изъ первостепенныхъ русскихъ писателей художни-
не испыталъ ожесточенныхъ партійныхъ нападокъ, какимъ под-
ались его даровитѣйшіе современники — Тургеневъ, Достоев-
Писемскій, — и раньше ихъ Пушкинъ и Гоголь. И Тургеневъ,
домый западникъ и геніальный *художникъ*, привѣтствовалъ
нтъ Островскаго съ не менѣе искреннимъ доброжелательствомъ,
западническая *критика*.

Естественно, — литература и сцена воспользовались первымъ
билеемъ драматурга, чтобы выразить ему мои сердечныя чув-
— ему, какъ автору и какъ человѣку.

Шумныя и многолюдныя юбилейныя празднества еще въ семи-
ыхъ годахъ еще не успѣли войти въ нравы русской литера-
, — и юбилей Островскаго былъ отпразднованъ скромно, можно

сказать—по-семейному,—но скромность не помѣшала задуше сти привѣтствій.

Въ Петербургѣ послѣ представленія «*Дмитрія Самозван* артисты за кулисами поднесли Островскому адресъ и серебря вѣнокъ. Около мѣсяца спустя и литераторы устроили юбилей обѣдъ. Но самъ юбиляръ въ это время былъ въ Москвѣ, гдѣ та праздновалось двадцатипятилѣтіе его дѣятельности. Въ Арти ческомъ кружкѣ состоялся литературный вечеръ, между проч Садовскій читалъ конецъ перваго акта комедіи «*Свои люди— чтемся*», автору устроили восторженныя оваціи, за ужиномъ пр носили рѣчи, тотъ же Садовскій говорилъ о народномъ теат объ Островскомъ, какъ первомъ его представителѣ. Наконец Общество Любительской Россійской словесности устроило 9-го апр засѣданіе и почтило драматурга рѣчами объ его литературн заслугахъ. Самъ онъ прочиталъ сцену изъ пьесы «*Комикъ XVI вѣка*».

Это — одно изъ слабыхъ произведеній Островскаго, но любопытно какъ юбилейное—не для праздника самого автора для двухсотлѣтней годовщины русскаго театра. Въ 1672 уже Алексѣй Михайловичъ по случаю рожденія сына Петра при залъ пастору Московской лютеранской церкви—магистру Яг Готфриду Грегори—«учинить комедію, а на комедіи дѣйство изъ библіи книгу Эсѳирь и для того дѣйства устроить хором вновь».

Всѣ эти свѣдѣнія собралъ проф. Тихонравовъ для актовой у верситетской рѣчи—12 января 1873 года. Они стали извѣс Островскому, и онъ на основаніи ихъ написалъ свою пьесу— цѣлью изобразить отношенія старой Москвы къ театральнымъ з лищамъ.

Цѣли драматургъ достигъ: его герои въ точности переда ужасы москвичей XVII вѣка предъ неслыханной бусурманс затѣей. Но эти сцены — только вспомогательная баллетристи ская иллюстрація къ ученому изслѣдованію. Вполнѣ жизненн лицъ на истинной исторической почвѣ автору не удалось создать и авторское творчество становится сильнымъ и яркимъ только изображеніи давно знакомыхъ ему бытовыхъ чертъ московскаго т наго царства,—измывательства родителей надъ дѣтьми—только тому, что они—отцы, а тѣ ихъ дѣти, взяточничества подъячихъ, варварскихъ религіозныхъ воззрѣній на искупленіе всѣхъ грѣх внѣшними обрядами, особенно тысячами поклоновъ. Всѣ эти мо логи и сцены—живая страница русской жизни, очевидно—пот

авторъ могъ читать ихъ еще въ половинѣ XIX-го вѣка во всей рикосновенности и полнотѣ.

Одновременно съ «*Комикомъ XVII вѣка*» Островскій написалъ изъ поэтичнѣйшихъ произведеній русской художественной зіи, основанныхъ на русскихъ народныхъ сказкахъ—«*Снѣгу-ку*». Она вдохновила двухъ композиторовъ—Чайковскаго и скаго-Корсакова,—и вполнѣ естественно. Драматургъ обнаруъ изумительную способность писать необыкновенно звучными ь то же время характерными стихами. Сцена Купалы съ царемъ ендеемъ—одно изъ первостепенныхъ украшеній русской лирикой поэзіи. И лирическая красота нисколько не повредила ярко- психологіи. Поэтъ съумѣлъ въ высшей степени тонко и осязаьно въ самыхъ рѣчахъ передать характеры—царя-старца, пронутаго религіозной любовью къ жизни и ея радостямъ и моой дѣвицы, наивно, но глубоко тоскующей по утраченному стью. И вся сцена обвѣяна едва уловимымъ юморомъ,—истинноіональнымъ духомъ русской народной поэзіи. Уже въ самихъ хахъ, въ ихъ изящномъ пѣсенномъ строѣ заключена музыка—ъ же какъ и въ пѣснѣ гусляровъ,—превосходномъ подражаніи *лову о полку Игоревѣ*».

Сказка создана для музыки и, какъ исключительно драматикое представленіе,—она сравнительно блѣдна, потому что слишъ тонка и воздушна—для простой сценической декламаціи, не таточно *матеріяльна* для актерской игры. По «*Снѣгурочкѣ*» кно судить, съ какимъ успѣхомъ Островскій могъ бы выполнить й предсмертный планъ—замѣнить балетъ сказками и драмамиріями.

«*Снѣгурочка*» осталась единственнымъ образцомъ этого творвавъ литературной дѣятельности Островскаго. Онъ снова сосреочился исключительно на воспроизведеніи современной русской іствительности, перемѣнивъ только предметы наблюденія.

Собственно перемѣна произошла давно,—точнѣе ея никогда было въ рѣшительной рѣзкой формѣ. Островскій началъ свое ательство изслѣдованіемъ вновь открытой страны—замоскворья. Этому открытію драматургъ обязанъ своей первой славой. небывало-блестящее начало,—такой комедіи какъ «*Свои люди—емся*»—не значило, будто авторъ сосредоточился исключительно герояхъ и дѣлахъ темнаго царства. Два года спустя въ печати вилась «*Бѣдная невѣста*», и именно героини этой комедіи выли особенный восторгъ въ московской критикѣ. И онѣ не приежали Замоскворѣчью—по своей психологіи и по своему быту.

Марья Леонтьевна—дочь бѣднаго чиновника, скромная, смирен
своего рода Татьяна изъ средняго сословія, даже болѣе вдумч
и разумная, чѣмъ пушкинская воспитанница иноземныхъ чувс
тельныхъ романовъ. Только сцена ея тѣснѣе и темнѣе, герои—ме
и тусклѣе,—но тѣмъ симпатичнѣе выдѣляется на общемъ мѣп
скомъ фонѣ—ея чистый сердечный образъ. Другая героиня—Д
еще любопытнѣе. Она всего на нѣсколько минутъ появляетс
сцену,—но успѣваетъ оставить послѣ себя у главнаго героя пе
и у зрителей впечатлѣніе—непосредственной, но великой нравст
ной силы, доходящей до самоотверженія—во имя *прошлой* лю
Именно эта личность особенно восхитила славянофильскую крит
на этотъ разъ—совершенно правую въ своихъ восторгахъ.

Замоскворѣцкое царство только отчасти даетъ матеріалъ «*Бѣдной невѣсты*»,—въ лицѣ чиновниковъ—обычнаго типа н
точниковъ и «моветоновъ въ высшей степени». То же самое пов
ряется въ цѣломъ рядѣ пьесъ—«*Въ чужомъ пиру похмѣлье*» (1856) «*Доходное мѣсто*» (1856), «*Пучина*» (1866): сцена д
ствія дѣлится между образованными тружениками,—можно с
зать интеллигентнымъ пролетаріатомъ и представителями тем
силы капитала—и преступныхъ каверзъ въ рукахъ купцовъ-
чиновничества. Драматургъ заинтересованъ взаимными отношенія
двухъ общественныхъ слоевъ. Предъ нами или бѣдная дѣвуш
ставшая предметомъ любви купеческаго сына и вызвавшая жесто
раздоръ въ его чванной самодурной семьѣ, или бѣдный молодой
ловѣкъ, просвѣщенный, преисполненный даже благородными
лями, искренній и сердечный, а рядомъ съ нимъ соблазны «доходн
мѣста», торговля правосудіемъ и закономъ, вошедшая въ нрав
умѣвшая подчинить себѣ даже матерей и дочерей, считающихъ с
созданными для «благородной» жизни. Наконецъ, — совершен
безпомощныя жертвы непроглядной тьмы и безпощадной жесто
сти, царствующихъ среди полузверговъ, борцовъ за существова
въ самомъ первобытномъ смыслѣ слова, т. е. за «сладкую» пи
и удовлетвореніе грубѣйшихъ инстинктовъ.

Авторъ не стремится рѣшить драматическій вопросъ непремѣн
въ успокоительномъ направленіи. Онъ, какъ художникъ, не ста
вится преднамѣренно на сторону лицъ положительныхъ и сим
тичныхъ. Онъ предоставляетъ борьбѣ развиваться и на сценѣ ст
же послѣдовательно и искренно-правдиво, какъ она совершаетс
въ самой дѣйствительности. Можетъ случиться,—Титъ Тит
растрогается честностью бѣднаго учителя и признаетъ его д
достойной своего сына,—но чаще бываетъ, что «пучина» заса

гъ честныхъ людей, что Бѣлогубовы и Юсовы одолѣваютъ Жадо-
къ, что Боровцовы—дикари и животныя—въ конецъ лишаютъ
овѣческаго образа прекрасныхъ молодыхъ людей. Въ основѣ ихъ
кества лежитъ вопіющее извращеніе законовъ нравственности
праведливости,—и логика жизни нерѣдко несетъ возмездіе са-
мъ ловкимъ преступникамъ,—но и добродѣтельнымъ отъ этого
легче: врядъ-ли позоръ стараго плута и кляузника можетъ утѣ-
ть Жадова въ его измѣнѣ задушевнѣйшимъ мечтамъ молодости и
злоключенія Пуда Кузьмича не въ состояніи вернуть Кисель-
ову его разумъ и человѣческое достоинство.

Съ большинствомъ «стрекулистовъ» не происходитъ даже вовсе
акой борьбы: «капиталы» ихъ прямо гипнотизируютъ, они счаст-
ы пойти въ какое угодно рабство, лишь бы дать просторъ
имъ «благороднымъ чувствамъ». На эту тему написана трилогія
альзаминовѣ «*Праздничный сонъ до обѣда*» (1857), «*Свои со-
и грызутся—чужая не приставай*» и «*Зачѣмъ пойдешь,
и найдешь*» (1861).

Герой Бальзаминовъ—не лишенъ нѣкоторой каррикатурности:
, можетъ быть, гораздо глупѣе, чѣмъ весьма многіе «благород-
» женихи купеческихъ дочерей,—но глупость только дѣлаетъ
откровеннѣй, и онъ безъ всякихъ стѣсненій выбалтываетъ за-
нныя вожделѣнія цѣлой породы московскихъ людей.

Бальзаминовъ говоритъ о себѣ: «я человѣкъ съ большимъ вку-
ъ-съ, ну а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдственно, я долженъ
искать... Развѣ можно съ благородными понятіями въ бѣдности
ть? А коли я не могу никакими средствами достать себѣ денегъ,
чить—я долженъ жениться на богатой».

Что можно возразить противъ этой логики? И ее исповѣдуетъ
дѣло и сослуживецъ Бальзаминова, несравненно болѣе умный,
къ онъ, и менѣе откровенный,—но тождественный съ нимъ по
имъ практическимъ и нравственнымъ идеаламъ.

И Бальзаминову незачѣмъ отказываться отъ своего счастья:
«пучинѣ» найдется и для него добыча и въ свою очередь та же
ина вполнѣ удовлетворитъ его стремленіе — превратиться въ
лечнаго тунеядца одновременно раба и деспота «капитала».

Съ конца шестидесятыхъ годовъ Островскій начинаетъ удѣлять
льше вниманія просвѣщенному обществу. Происходитъ это подъ
видимъ вліяніемъ современныхъ общественныхъ явленій, воз-
шихъ на почвѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ.

XIV.

Великое просвѣтительное и преобразовательное движеніе м
отразилось на литературной дѣятельности Островскаго. Въ эт
отношеніи онъ стоитъ рядомъ съ другимъ современнымъ перво
иеннымъ художникомъ—съ Писемскимъ. Авторъ «*Горькой с*
бины» и многочисленныхъ произведеній изъ народной жизни, за
мающихъ первыя мѣста въ русской народнической литературѣ
не обнаружилъ горячей отзывчивости на самый жгучій вопр
времени — объ освобожденіи крестьянъ. Правда,—смыслъ дра
краснорѣчиво доказывалъ всю тлетворность вѣкового недуга,
но такой выводъ получался такъ сказать безъ вѣдома автора.
семскій не помышлялъ исцѣлить недугъ—рѣшительнымъ средств
отмѣной—крѣпостного права,—онъ удовлетворился бы—*добры*
помѣщиками и *благоразумной* властью господъ надъ подданны

Островскій, болѣе доступный новымъ идейнымъ вѣяніямъ,
несомнѣнно воспріимчивѣе относился къ величайшей правите
ственной реформѣ. Но и у него она встрѣтила сравнительно ог
ниченное отраженіе—въ художественныхъ произведеніяхъ. Тол
въ одной пьесѣ—«*Воспитанница*» поставленъ вопросъ о помѣ
кахъ крѣпостникахъ,—и то въ неопредѣленной и крайне сдерж
ной формѣ. Героиня-крѣпостница—съ нерусской внѣшностью и
полуазіятской фамиліей—могла на публику произвести впечат
ніе исключительнаго явленія. А потомъ—ея власть создаетъ несча
ныхъ только среди «воспитанницъ», въ ея особомъ придворн
штатѣ,—о положеніи ея крестьянъ мы ничего не слышимъ. Лю
пытнѣйшей чертой крѣпостныхъ порядковъ—остается Потапы
прирожденный рабъ, усвоившій чисто-религіозный взглядъ на г
подскую волю: «я долженъ потрафлять во всемъ, потому я долже
раболѣпствовать»,—этотъ *долгъ* оправдываетъ въ его глазахъ
его дѣйствія и всѣ отношенія къ людямъ. Даже на вопросъ На
воспитанницы,—не убилъ-ли бы онъ ея, если бы ему приказали,
Потапычъ отвѣчаетъ: «Ужъ это не наше дѣло, мы этого разсужд
не можемъ».

Вполнѣ жизненный историческій типъ,—двойникъ героя П
семскаго въ разсказѣ «*Старая барыня*» и одной породы съ бур
стромъ въ «*Горькой судьбинѣ*».

Разумѣется,—подобныя нравственныя явленія рядомъ съ б
смысленнымъ страданіемъ «воспитанницъ» рисовало въ должно
свѣтѣ крѣпостническій міръ,—но не *вообще*, а въ частности,
подъ властью Уланбековыхъ. Дѣлая эту оговорку, мы должны вспо

ть о судьбѣ даже такой скромной пьесы съ идеями: «*Воспитан-*
ица» встрѣтила цензурный гнѣвъ,—и, можетъ быть,—это обстоя-
льство помѣшало Островскому пристальнѣе заняться другимъ
емнымъ царствомъ своего отечества.

Послѣ реформъ — народились новые дѣятели, открылись новые
ти для практическихъ талантовъ. Судьба помѣщиковъ круто из-
нилась, въ ихъ средѣ появился свой пролетаріатъ, благородные
здѣльники, успѣвшіе прожить наслѣдственное, неспособные на-
ить своего и совершенно безпомощные безъ чужого дарового
уда. Съ другой стороны—выросъ новый типъ дѣльца—темнаго
всякомъ случаѣ скромнаго происхожденія, но съ большимъ за-
сомъ житейскаго опыта, энергіи и смѣтливости.

При совмѣстномъ развитіи этихъ новыхъ породъ людей есте-
венно возникали новыя драматическія и комическія столкно-
нія, — отчасти похожія на дореформенныя исторіи въ темномъ
рствѣ.

И теперь также на одной сторонѣ было «благородство», а на
угой капиталъ;—но съ одной весьма существенной разницей.
агородство разорившихся дворянъ только и ограничивалось «по-
дой», родословнымъ деревомъ. О принципахъ, идеальныхъ зада-
хъ не могло быть и рѣчи предъ страшной дилеммой: или отка-
ться отъ прирожденныхъ «благородныхъ вкусовъ» и взяться за
рную работу, или войти въ сдѣлки съ обладателями капитала,
кориться имъ—какъ мужьямъ, зятьямъ, вообще родственникамъ
въ то же время какъ побѣдоноснымъ представителямъ новыхъ
зрѣній на личное благородство и личный трудъ и умъ.

Первая пьеса, написанная Островскимъ на этотъ мотивъ—«*Бѣ-*
ныя деньги» (1870). Здѣсь два лагеря: одинъ—населенъ госпо-
ми съ громкими фамиліями и «титулованной родней»—Телятевъ,
учумовъ, Чебоксарова, ея дочь. Всѣ они съ самыми внушитель-
ми «традиціями» и самымъ жалкимъ настоящимъ. Кавалеры
крыто являются паразитами у купцовъ, дамы только и мечтаютъ
ой дворянскій гербъ пристроить къ хорошей коммерческой фирмѣ.
а противоположной сторонѣ—человѣкъ ума, таланта и дѣла. Онъ
же по-русски объясняется не вполнѣ литературно,—но онъ испол-
нъ силы и энергіи, рядомъ съ выродившимся и обѣднѣвшимъ дво-
нствомъ; онъ носитель будущаго общественнаго и экономическаго
роя, какъ представитель личной дѣятельности и демократиче-
скаго труда.

Не можетъ быть и вопроса, кто долженъ остаться побѣдите-
мъ: господамъ съ тонкими вкусами и духовной немощью прихо-

дится окончательно отойти въ сторону или войти въ теченіе «дѣ
выхъ людей».

Втеченіи семидесятыхъ годовъ Островскій все присталь
сосредоточивается на просвѣщенномъ русскомъ обществѣ—вс
слоевъ. Разнообразіе типовъ, воспроизведенныхъд раматургомъ в
ченіи десяти лѣтъ, поразительно: цѣлая историческая и до сі
поръ не полинявшая галлерея!

На слѣдующій годъ послѣ «*Бѣшеныхъ денегъ*»—появляе
одна изъ популярнѣйшихъ пьесъ Островскаго—«*Лѣсъ*». Два гл
ныхъ героя—комикъ и трагикъ навсегда останутся классически
фигурами въ русскомъ репертуарѣ. Вообще, — глубокое зна
актерской жизни и психологіи—такая же блестящая черта въ
лантѣ Островскаго, какъ и открытіе темнаго царства. И драматур
видимо, съ любовью обращался къ этой области, посвятилъ
исключительно—двѣ пьесы — «*Безъ вины виноватые*» и «*Т
ланты и поклонники*». Онъ съумѣлъ и здѣсь сохранить пол
безпристрастіе и полноту художественнаго возсозданія жизни.
двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ онъ говорилъ о своей неизмѣн
любви къ русскимъ артистамъ—наравнѣ съ любовью къ русско
театру и привѣтствіе и вѣнокъ съ ихъ стороны онъ считалъ д
себя высокой честью. И рѣчь писателя была искренняя,—но у
женіе къ истиннымъ художникамъ сцены не помѣшало ему разг
дѣть и ярконарисовать многочисленныя тѣни закулиснаго міра.

Здѣсь, повидимому, и благородство и рыцарственность хара
теровъ проявляются по-особенному,—непремѣнно на манеръ ш
леровскаго Карла Моора или испанскаго витязя печальнаго обра
Несчастливцевъ, несомнѣнно, благороденъ,—но было бы несравнен
цѣлесообразнѣе и для самого героя и для покровительствуемы
имъ лицъ, если бы его искреннія чувства поменьше украшали
лицедѣйствомъ и всякими другими театральными лаврами. Хо
шій, вѣроятно, человѣкъ и трагикъ въ пьесѣ «*Таланты и п
клонники*»,—но на этотъ разъ весь героизмъ ограничивается
помѣрнымъ истребленіемъ крѣпкихъ напитковъ на счетъ купе
скаго сына.

Рядомъ съ такими «благородными» личностями—Счастливцев
Робинзонъ, Шмага—откровенные прихлебатели и плуты. Что
сается артистокъ—среди нихъ драматургъ, надо думать, наше
еще меньше героинь. Самая доблестная, несомнѣнно, Кручинина,
но за то она и вызываетъ повальную противъ себя ненависть
среди своихъ сподвижниковъ по сценѣ. Они даже даютъ другъ дру
«благородное, самое благородное» слово, замышляя подлую интри

гивъ «институтки» и «отшельницы». Въ другой пьесѣ—Нѣ-а, артистка то же изъ добродѣтельныхъ, по болѣе падкихъ на лазны,—очень опредѣленно объясняетъ это явленіе. Она оправ-аетъ свою слабость, она не можетъ оставаться добродѣтельной, . честной женщиной: на сценѣ это значилобы явиться героиней, .—поясняетъ Нѣгина—«укоромъ для другихъ».

Рядомъ съ актерскимъ міромъ—идетъ длинный рядъ болѣе стыхъ интеллигентныхъ лицъ. Ихъ удобно можно распредѣлить двумъ типамъ: вполнѣ мѣткія наименованія даетъ одна изъ съ Островскаго «*Волки и овцы*» (1875). Взаимнымъ нравственнымъ и житейскимъ отношеніямъ этихъ двухъ человѣческихъ одъ посвящены почти всѣ пьесы семидесятыхъ годовъ—«*Позд-любовь*» (1874), «*Трудовой хлѣбъ*» (1874), «*Богатыя не-ты*» (1876), «*Безприданница*» (1879), отчасти—«*Послѣд-жертва*» (1878). Самая талантливая изъ Этихъ пьесъ, несо-нно—«*Волки и овцы*», и именно она—наравнѣ съ «*Лѣсомъ розой*»—является чаще всего на русскихъ столичныхъ и про-діальныхъ сценахъ.

Дѣйствующія лица здѣсь особенно любопытны: они показы-тъ, какія разнообразныя натуры выработало наше крѣпостное во — съ волчьей и овечьей психологіей. Въ первомъ ряду вол-ь красуется Миропа Мурзавецкая — ханжа и деспотка. Вся ея ть и кровь пропитана крѣпостническими преданіями и инстинк-и. Она ни во что цѣнитъ чужую личность, особенно мужицкую, одный чужой трудъ продолжаетъ считать чуть не барщиной, суду и властямъ относится по-старому, т. е. всецѣло полагаясь зятку, мошенничество,—тайное и явное насиліе надъ «овцами». Мурзавецкая — *русскій* волкъ — дворянинъ, т. е. съ большой мѣсью малодушія и даже простодушія. У этого волка не выдер-ная политика и короткая душа. Онъ смѣлъ и самоувѣренъ до аго столкновенія съ человѣкомъ—болѣе ловкимъ и сильнымъ. все время дрожитъ при мысли быть пойманнымъ съ поличъ, и разъ это несчастье обрушивается на него—волкъ мгновенно вращается въ зайца.

Эта психологія очень тонко проведена авторомъ. Сцена Мурзавец-съ Беркутовымъ—умницей и законникомъ—одна изъ самыхъ тящихъ по художественному и реальному сліянію трагизма съ изомъ. Мурзавецкая при первомъ же намекѣ на незаконность ея твій, — начинаетъ проговариваться, минуту спустя во всемъ ается и умоляетъ Беркутова — спасти ее: «Батюшка, не по-!» И дальше—«ничѣмъ, батюшка», «ужъ не упомню, батюш-

ка»—все это подлинныя страданія заячьей души. А фраза на сч
окружнаго суда—верхъ совершенства: «боюсь я, голубчикъ, окр
наго суда; страсть какъ боюсь»!.. Правдивѣе не могла высказат
дореформенная оторопь русской помѣщицы.

Среди овецъ—самая привлекательная и породистая — бога
баринъ Лыняевъ. Въ его природѣ таится нѣчто Обломовское, —
онъ не байбакъ, онъ даже дѣятель и съ благороднымъ напра
ніемъ. Но въ немъ много пассивности, безотчетнаго добродуш
отчасти барской лѣни и неохоты — всегда и во всемъ проявл
свою личность. И, разумѣется, онъ цѣликомъ попадаетъ въ л
красиваго волка—дѣвицы, берущей на себя обязанность — дум
и рѣшать за свою жертву.

Развязка пьесы, не смотря на очень яркое названіе, впо
благополучна. Но это — не общій законъ: овцамъ далеко не все
приходится находить такихъ искусныхъ и въ то же время бла
родныхъ защитниковъ, какъ Беркутовъ. Человѣческая наивно
и склонность къ искреннимъ безкорыстнымъ чувствамъ—благод
нѣйшій матеріалъ въ рукахъ эгоистовъ и стяжателей. Требую
большія усилія и тяжелыя страданія, чтобы овцѣ спастись отъ н
чьихъ зубовъ — все равно мужчина или женщина обладаетъ эт
зубами.

XV.

Волки мужской породы — разнообразнѣе и опаснѣе. Даже в
чата весьма часто являются истинной карой для дѣвушекъ-ове
Еще въ «*Бѣдной невѣстѣ*» Островскій изобразилъ совсѣмъ
чтожнаго волченка. Меричъ — и пошлъ, и неуменъ, повидимому
совсѣмъ безъ зубовъ и когтей, — но для Маши Незабудкиной и
герой — просто потому, что знаетъ чувствительныя слова, чи
одѣвается, обладаетъ симпатичной внѣшностью, главное — у
ренъ въ своей неотразимости и ловко умѣетъ представить ее въ
момъ ослѣпительномъ свѣтѣ.

Это—самый распространенный типъ волка, долговѣчное нас
діе московскаго чайльдъ-гарольдства и негарольства. Въ пь
«*Трудовой хлѣбъ*» геройствуетъ второе изданіе Мерича—Копро
«молодой человѣкъ, очень приличенъ и красивъ, одѣтъ безукор
ненно, манеры изящны». Только нѣкоторыя отдѣльныя черты
этомъ изданіи подчеркнуты рѣзче, повышено нахальство, расп
рена жажда дешевыхъ удовольствій съ примѣсью сильныхъ оп
щеній,—въ основѣ то же духовное тщедушіе и безличіе. Но и зд

ію не обходится безъ страдающей овцы — красивой дѣвушки — гательной по своей искренности и истинно-драматической въ немъ заблужденіи.

Въ «*Послѣдней жертвѣ*» — однородное явленіе: Дульчинъ же къ Копрову, чѣмъ къ Меричу, въ немъ больше хищности и аги—но только потому, что жертва его ужъ слишкомъ безобидна считаетъ за счастье отдаться ему въ руки. А на самомъ дѣлѣ ь — жалокъ и смѣшенъ, — такъ именно и обходится съ нимъ остая, но умная старуха въ самый трагическій для него моментъ, да у него «сорвалось» и онъ желаетъ застрѣлиться. У Копрова такомъ же положеніи хватаетъ духу дѣйствительно покончить собой, — Дульчинъ измѣняетъ рѣшеніе, вполнѣ удостоиваясь смѣшекъ Глафиры Фирсовны.

Болѣе породистые волки на сценѣ—въ пьесахъ «*Богатыя невесты*» и «*Безприданница*». Собственно породу ихъ слѣдуетъ нести преимущественно на счетъ ихъ блестящаго матеріальнаго ложенія, — гораздо больше, чѣмъ на счетъ личныхъ нравственихъ силъ. Генералъ Гнѣвышевъ, развратитель молодой дѣвицы— ушителенъ вовсе не своимъ умомъ или какими-либо талантами, именно генеральствомъ и богатствомъ. Копровъ и Дульчинъ сами дутъ какъ бы пристроиться къ богатымъ женщинамъ,—Гнѣвышевъ ѣетъ средства *купить* женщину: въ этомъ собственно основа его евосходства. Онъ можетъ дать большое приданое за своей любовцей, кромѣ того онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ,—очедно онъ сила и «демонъ» даже для тѣхъ же Копровыхъ, Меричей Дульчиныхъ—титулярныхъ совѣтниковъ и пролетаріевъ.

Наконецъ, самый пышный представитель волчьей расы—герой *Безприданницы*» — Паратовъ. Онъ именуется «блестящимъ баномъ изъ судохозяевъ», — слѣдовательно опять наслѣдственныя новы демонизма, а благопріобрѣтенныя — изумительная мелкота ечьяго стада. Къ началу пьесы демоническій духъ Паратова на ходѣ: герою грозитъ бѣдность, и онъ намѣренъ кончить богатой енитьбой: единственное средство спасти блескъ и барство. У Парава эта карьера выходитъ чѣмъ-то въ родѣ героическаго саможертвованія,—Писемскій—въ такихъ случаяхъ откровенно наываетъ вещи настоящими именами: его Паратовъ—monsieur Батановъ— пристраивается ко вдовѣ-купчихѣ, живетъ у нея въ домѣ, одитъ въ брилліантахъ и спаиваетъ шампанскимъ цѣлое общество. аково назначеніе и Паратова, что не мѣшаетъ ему жестоко измыаться надъ овцами—глупымъ чиновникомъ, нищей средствами и естью—благородной вдовой и ея психопатической дочерью.

Въ результатѣ — мы приходимъ къ вполнѣ очевидной исте волки развиваются и процвѣтаютъ благодадаря забитой и безл ной средѣ. Ничтожные сами по себѣ, они производятъ впечатлѣ великановъ съ помощью самыхъ заурядныхъ доблестей — начи съ моднаго костюма и кончая артистической любовью къ кутежа и цыганскимъ пѣснямъ. Но овечье стадо до такой степени мел травчато, что даже бутылки шампанскаго и ухорскій вопль на няютъ на него отороиь и внушаютъ благоговѣніе.

На томъ же основаніи зиждется благополучіе и волковъ женск пола. Типъ демонической женщины очень распространенъ въ р ской литературѣ,—тургеневская Полозова—его классическая пр ставительница — такъ же, какъ лермонтовскій Печоринъ — гл русскихъ демоновъ.

У Островскаго типъ этотъ повторяется неоднократно: Глаф въ пьесѣ «*Волки и овцы*» — самая породистая особь, со всѣ естественными признаками демонизма, — съ холоднымъ сердцем съ неотразимой способностью очаровывать и подчинять слаб души и безпощадно пользоваться своей властью надъ ними.

Болѣе блѣдный образъ съ тѣми же чертами — Лебедкина «*Поздней любви*». У нея нѣтъ ума и воли Глафиры, но она то богата и свободна,—имѣетъ возможность быть эксцентричной привередливой: этого достаточно, чтобы нашлись овцы въ ли симпатичнаго, но тряпичнаго молодого человѣка и его мамаши, г товой по своей бѣдности и мѣщанской кротости молиться на богату и веселую побѣдительницу предразсудковъ.

Новая полоса въ творчествѣ Островскаго оставила въ русск литературѣ не менѣе поучительное богатство общественныхъ явл ній, чѣмъ раннее воспроизведеніе почвенной московской жизни. замѣчательно,—драматургъ перешелъ къ міру интеллигенціи пос того, какъ, повидимому, окончательно исчерпалъ сокровища тем наго царства. Въ пьесахъ семидесятыхъ годовъ безпрестанно слы шатся отголоски прежняго творчества — появляются купцы-самс дуры, приказные-стрекулисты и «кровопійцы», — но всѣ они ил повтореніе уже раньше созданныхъ фигуръ или сравнительн тусклые ихъ отблески. Если же авторъ цѣликомъ посвящаетъ пьес старой темѣ, — такая пьеса ему гораздо меньше удается, чѣм «интеллигентная». Онъ видимо затрудняется въ чисто-художе ственномъ матеріалѣ, будто боится — не остаться на уровнѣ долж наго комизма,—и безпрестанно впадаетъ въ шаржъ.

Таковы пьесы — «*Горячее сердце*» (1869), «*Не все кот масляница*» (1871), «*Правда хорошо, а счастье лучше*

77), «*Сердце не камень*» (1880) и отчасти «*Не было ни ша да вдругъ алтынъ*» (1872).

Здѣсь купцы или подлинные уроды, чудовища или прямо невмѣмы. Конечно, — и Китъ Китычъ не представляетъ изъ себя енія прекраснаго и разумнаго, — но онъ не идіотъ и не сумадшій. У него даже, какъ увидимъ позже, имѣются извѣстныя ненныя и логическія основанія — подчасъ непремѣнно быть одуромъ,—все равно какъ Паратову естественно быть героемъ омъ съ г-жей Огудаловой, ея дочерью и особенно чиновникомъ андышевымъ.

Ничего подобнаго въ самодурствѣ — Курослѣпова и Хлынова «*Горячемъ сердцѣ*». Они по всѣмъ признакамъ готовые паіты психіатрической больницы,—оба просто алкоголики, дошли послѣднихъ предѣловъ отупѣнія и разнузданности. Прирожден- и безнадежный глупецъ—Аховъ, герой пьесы «*Не все коту ляница*». Въ самодурскомъ ослѣпленіи онъ поминутно остается дуракахъ и утрачиваетъ всякій здравый смыслъ — въ своихъ тязаніяхъ на раболѣпіе людей ему чужихъ и отъ него независыхъ. И на Ахова такъ же, какъ и на Курослѣпова и Хлынова адаютъ времена полной невмѣняемости, очевидной даже для саъ простодушныхъ наблюдателей.

Не далеко ушли отъ этого сумасшедшаго дома дѣйствующія а въ пьесѣ «*Сердце не камень*»: старикъ Коркуновъ, совсѣмъ кившій изъ ума и его племянникъ — кутила, преступникъ, не упающій даже передъ разбоемъ противъ жены дяди.

Такимъ въ сильной степени каррикатурнымъ представителямъ совской купеческой *почвы* соотвѣтствуютъ и другіе столь же зенные герои—приказные и всякаго рода паразиты. Городничій «*Горячемъ сердцѣ*» — съ совершенно необычной откровенью изъясняется на счетъ взятокъ, требуетъ ихъ во весь го-, грозитъ побоями тѣмъ, кто не въ состояніи платить, издѣся надъ законами, отказывается защищать приказчиковъ проь хозяевъ, спрашивая у нихъ: «вы что-ль меня кормить будете?»

Послѣдняя глава изъ жизни подобнаго откровеннаго граби- — разсказана въ пьесѣ «*Не было ни гроша да вдругъ ынъ*». Бывшій приказный Крутицкій владѣетъ большими деньи и моритъ голодомъ жену и племянницу. Душевный недугъ— сомнѣнія, и Крутицкій кончаетъ самоубійствомъ изъ-за жадіи.

Сгущая краски на дѣйствующихъ лицахъ,—авторъ не съ прежь искусствомъ справляется и съ содержаніемъ своихъ пьесъ.

Въ произведеніяхъ перваго періода изъ купеческаго б Островскій, видимо, даже и не заботился о томъ, что̀ называ интригой. Онъ бралъ нѣсколько яркихъ жизненныхъ фигуръ, вилъ ихъ во взаимныя отношенія, — и дѣйствіе развивалось с собой,—изъ данныхъ психологическихъ основъ.

Теперь драматургъ придумываетъ завязку и развязку и ин весьма хитрую и неожиданную. Напримѣръ въ пьесѣ — «*Пра хорошо, а счастье лучше*» является «ундеръ» Грозновъ пр романтическимъ героемъ и, какъ подобаетъ, олицетворяетъ въ с провидѣніе для гонимыхъ и несчастныхъ. Онъ когда-то имѣлъ бовную исторію и такую, по выраженію самого героя, что «и дум такъ не придумаешь». Его жертва вышла замужъ и дала клятву—ровно настолько же страшную, насколько и безсмыс ную: «на морѣ, на океанѣ, на островѣ на буянѣ». Несчастная клялась,—если ундеръ вернется съ войны—она исполнитъ вся его просьбу. И вотъ онъ возвращается какъ разъ во̀-время, что осчастливить два юныхъ сердца.

Въ подобномъ духѣ и сюжеты остальныхъ пьесъ: въ одной внезапное спасеніе отъ смертельной опасности, въ другой — обыкновенно умѣстная находка денегъ бѣднякомъ и самоубійс скряги, въ третьей — водевильное превращеніе дѣвицы и невѣ одного глупаго парня въ невѣсту другого, отвергающаго та счастье потому, что его—избранника—много били по затылку него «очень много чувствъ отшибено».

Очевидно, — творчество драматурга въ томъ направленіи, кимъ началась его дѣятельность, обнаружило ясные признаки осл ленія,—можно сказать—художественнаго вырожденія. Мотивы вдохновенія — спокойнаго, исполненнаго правды и жизни, — бы использованы, — оставалось *злоупотреблять* однородными за чами, впадать въ портретность и эпизодичность,—т. е. вводить пьесы личностей и факты, похожіе скорѣе на исключительныя, е ничныя явленія, чѣмъ на типы и нравы хотя бы даже замоск рѣцкаго міра.

Но, мы видѣли, въ другомъ направленіи творчество Островск оставалось по-прежнему художественнымъ и жизненнымъ. Зд еще предстояло исчерпывать богатый запасъ характеровъ, дра тическихъ и комическихъ положеній, и Островскій оставилъ высшей степени жизненное наслѣдство русской сценѣ, показалъ, какой степени талантъ его разностороненъ и воспріимчивъ.

Къ восьмидесятымъ годамъ Островскій занималъ мѣсто вожд учителя русской драмы и сцены и стоялъ въ первомъ ряду сов

ныхъ писателей. Со всѣми этими правами онъ и явился участ-
омъ пушкинскихъ празднествъ въ іюнѣ 1880 года.

XVI.

Въ Москвѣ открывали памятникъ великому поэту. Торжество
рало извѣстнѣйшихъ дѣятелей современной русской науки и
ратуры. Втеченіи двухъ дней устраивались засѣданія Обще-
омъ Любителей Россійской Словесности и произносились рѣчи
честь родоначальника русской національной поэзіи. Восьмого
я Общество устроило обѣдъ, и Островскій произнесъ здѣсь об-
рную рѣчь.

Драматургъ перечислялъ заслуги Пушкина и первою среди
ъ признавалъ: «через него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть».
ченіе высшей творческой натуры Островскій видѣлъ въ возвы-
іи душъ, въ улучшеніи помысловъ, въ утонченіи чувствъ. Онъ
лнѣ точно опредѣлялъ мѣсто Пушкина въ исторіи русской лите-
уры: Пушкинъ «далъ серьезность, поднялъ тонъ и значеніе ли-
атуры, воспиталъ вкусъ въ публикѣ, завоевалъ ее и подгото-
ъ для будущихъ литераторовъ, читателей и цѣнителей». Это
читъ—Пушкинъ превратилъ литературу въ общественное дѣло,
жилъ въ нее значительное жизненное содержаніе. Эти цѣли за-
вили Пушкина думать и писать совершенно независимо отъ
земныхъ образцовъ, создать собственное направленіе, освободить
ературу отъ реторическихъ условностей и школьныхъ формулъ,
лянуть на дѣйствительность свободно, непосредственно и столь
просто и свободно воспроизводить ее.

Рѣчь Островскій заключилъ также простыми, но мѣткими
вами, вполнѣ точно оцѣнивавшими значеніе пушкинскаго тор-
ства:

«Онъ завѣщалъ намъ искренность, самобытность, завѣщалъ
ждому русскому писателю быть русскимъ. Вѣдь это только легко
зать! Это значитъ, что онъ — Пушкинъ — раскрылъ русскую
ру. Конечно, для послѣдователей путь его труденъ, но если ли-
атура наша проигрываетъ количествомъ, то выигрываетъ каче-
омъ. Не много нашихъ произведеній идетъ на оцѣнку Европы,
въ этомъ немногомъ оригинальность наблюдательности, само-
тный складъ мысли замѣчены и оцѣнены по достоинству. Теперь
ается пожелать Россіи болѣе такихъ талантовъ, пожелать рус-
му уму поболѣе развитія, простора, а путь, по которому идти

талантамъ, указанъ нашимъ великимъ поэтомъ. Предлагаю то за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути, указ ному Пушкинымъ. Выпьемъ весело за вѣчное искусство, за лите турную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ! Выпьемъ оч весело этотъ тостъ. Нынче на нашей улицѣ праздникъ!»

Вскорѣ Островскому пришлось выступить съ новымъ об ственно-литературнымъ дѣломъ. Оно подсказывалось всей его пи тельской славой, основными достоинствами его таланта, отвѣч его давнимъ и задушевнымъ желаніямъ.

Императоръ Александръ III немедленно по вступленіи на п столъ отмѣнилъ монополію казенныхъ театровъ въ столицахъ. отмѣна влекла за собой возникновеніе частныхъ сценъ. Островс поспѣшилъ воспользоваться ею для осуществленія самой настояте ной художественной цѣли въ русскомъ искусствѣ — для основа образцоваго народнаго театра.

Въ качествѣ предсѣдателя *Общества драматическихъ пи телей* Островскій представилъ государю записку.

Онъ указывалъ на безпрерывный и сильный ростъ театральн публики. Она умножается съ каждымъ поколѣніемъ, спросъ театральныя зрѣлища давно превысилъ предложеніе. До 1853 г драматическія представленія давались въ Большомъ театрѣ,—н онъ уже былъ тѣсенъ. Потомъ драму перевели въ Малый театр т. е. еще съузили доступъ на спектакли, и огромное большинст публики осталось безъ театра.

А между тѣмъ Москва съ каждымъ годомъ ширится и все гу населяется, какъ центръ Россіи. Авторъ записки пользуется сл чаемъ выразить свои завѣтныя сыновнія чувства къ дорогому горо «тамъ древняя святыня, тамъ историческіе памятники, тамъ коро вались русскіе цари и коронуются русскіе императоры; тамъ въ ви торговыхъ рядовъ, на высокомъ пьедесталѣ, какъ образецъ ру скаго патріотизма, стоитъ русскій купецъ Мининъ. Въ Москвѣ во кій пріѣзжій, помолясь въ Кремлѣ русской святынѣ и посмотрѣ историческія достопамятности, невольно проникается русскимъ д хомъ. Въ Москвѣ все русское становится понятнѣе и дорож Москва — городъ вѣчно обновляющійся, вѣчно юный, чере Москву волнами вливается въ Россію великорусская народная сила

Ясно, — какое цивилизующее значеніе можетъ имѣть Моск для народа, — и театръ долженъ стоять здѣсь на первомъ план Его дѣйствіе на «свѣжую душу» особенно сильно. «Театръ съ чес нымъ, художественнымъ, здоровымъ народнымъ репертуаромъ ра вываетъ народное самопознаніе и воспитываетъ сознательную л

ь къ отечеству, онъ необходимъ для Москвы. Такой театръ былъ по истинѣ наукой и для русскаго драматическаго искусства. Мы жны начинать сначала, должны начинать свою русскую народ-о школу, а не слѣпо идти за французскими образцами и писать ихъ шаблонамъ разныя тонкости, интересныя только пресыщен-ıу вкусу. Русская нація еще складывается, въ нее вступаютъ ıжія силы, зачѣмъ же намъ успокоиваться на зрѣлищахъ, тѣша-хъ извращенные вкусы?»

Островскій указывалъ на глубокій недугъ русской сцены, суще-ующій въ полномъ расцвѣтѣ и до сихъ поръ. Въ Москвѣ и, слѣ-ательно, вообще на русской сценѣ нѣтъ труппы для бытового сторическаго репертуара. Актеры коснѣютъ на шаблонныхъ без-ıтныхъ роляхъ, международнаго характера. Нѣтъ и театра для ой отзывчивой, благодарной и свѣжей публики. Театръ удовле-ряетъ только спросу людей слишкомъ усталыхъ и нервныхъ, бы оцѣнить сильный драматизмъ, крупный комизмъ, понять го-ія искреннія чувства и живые сильные характеры.

Драматическая поэзія ближе къ народу, чѣмъ всѣ другія искус-а, и въ этой близости ея сила, ея спасеніе отъ измельчанія и шленія. Только истинно-народныя произведенія переживаютъ а,—и Островскій заключаетъ свою записку указаніемъ на обла-аживающее вліяніе истиннаго искусства на общество и народъ, на сность—безъ русскаго образцоваго театра—всему театральному у въ Россіи попасть въ руки спекулянтовъ.

Императоръ Александръ III сочувственно встрѣтилъ записку и ѣтилъ на нее собственноручной подписью: «Было бы весьма же-ельно осуществленіе этой мысли, которую я раздѣляю совер-ıно».

Островскому было разрѣшено устроить въ Москвѣ частный рус-і театръ. Драматургъ ревностно принялся за разрѣшеніе задачи. ъ обратился къ «просвѣщенному московскому обществу» съ при-ıшеніемъ принять участіе въ осуществленіи мысли, одобренной ударемъ. Онъ предлагалъ общую программу—устройства буду-го національнаго театра, опредѣлялъ количество мѣстъ и ихъ ıу, давалъ общія правила на счетъ состава труппы, постановки съ, репертуара—чтобы театръ «производилъ на публику воспи-ельное дѣйствіе». Пьесы должны ставиться только избранныя, инно-художественныя, потому что только такія произведенія оизводятъ на публику желанное цивилизующее дѣйствіе». Но-къ пьесъ ежегодно слѣдуетъ давать—одну или двѣ историче-хъ драмы, три-четыре комедіи, одну пьесу сказочнаго содержа-

нія для святочныхъ и масляничныхъ спектаклей. Въ запасный пертуаръ, наравнѣ съ лучшими русскими произведеніями, дол входить классическія иностранныя пьесы, имѣющія всемірное дожественное значеніе и ставшія достояніемъ всѣхъ образованн націй.

При запискѣ Островскій печатаетъ проектъ устава товари ства на паяхъ—въ январѣ 1883 года. Въ этомъ же мѣсяцѣ Остр скій получилъ краснорѣчивое доказательство, какъ высоко го дарь цѣнилъ его заслуги предъ русской литературой. Ему была жалована пожизненная пенсія въ 3,000 рублей. Вскорѣ дол было послѣдовать новое правительственное распоряженіе, удо творившее, повидимому, самымъ смѣлымъ мечтамъ и надежд даровитаго печальника о судьбахъ русской драмы и сцены.

Дѣятельность Островскаго вступала на другой—художествен практическій путь. Его мысль была поглощена новыми задача и для творческой работы оставалось и мало времени и еще мен спокойствія.

Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ послѣднія произведенія шего драматурга.

Онъ по-прежнему остается въ области интеллигентнаго русск міра,—но съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ его творче и здѣсь начинаетъ блѣднѣть и прибѣгать къ средствамъ, не св ственнымъ прежней, всегда жизненной и спокойной, работѣ писат

Комедія «*Невольницы*» (1881) явно знаменуетъ поворотъ яркаго художественнаго возсоздаванія лицъ и фактовъ въ стор простыхъ сценическихъ діалоговъ — неизмѣнно очень живы содержательныхъ, полныхъ остроумія и идей,—но создающихъ сценѣ движенія и драматизма и большею частью одинаково бе лезныхъ и для развитія дѣйствія и для уясненія психологіи дѣйств щихъ лицъ. Драматургъ, разумѣется, старался остаться на вы современности, брать темы и героевъ изъ текущей дѣйствител сти, драматизировать жгучіе общественные интересы.

Такова, напримѣръ, комедія «*Красавецъ-мужчина*» (188 Въ результатѣ получалось, несомнѣнно, мало сценъ—дѣйствител характерныхъ, являлись лица болѣе или менѣе вѣрно схваченны но вся пьеса превращалась въ рядъ иллюстрацій къ ненаписан публицистической статьѣ, составившейся въ умѣ драматурга. ходила не драма съ значительными художественно - обобщ ными общественными явленіями, а сценическое представлені интересными ролями.

«Красавцу-мужчинѣ» отдана четырехъактная пьеса: это со

нно не соотвѣтствуетъ *психологическому* содержанію избраннаго роя и его значительности, какъ общественнаго явленія. Естественно пьесу пришлось наполнить исключительно театральнымъ теріаломъ, т. е. болѣе или менѣе случайными встрѣчами, болѣе и менѣе правдоподобными поступками дѣйствующихъ лицъ, боe или менѣе оживленными діалогами.

Послѣдняя пьеса—«*Не отъ міра сего*» (1885) даже не мотъ подлежать критикѣ, какъ пьеса Островскаго: такъ мало въ і слѣдовъ его таланта, и той самой простоты и непосредственсти, какую онъ недавно объявлялъ величайшимъ достоинствомъ шкинскаго генія.

Главная героиня—дѣйствительно не отъ міра сего, но не столько своимъ идеальнымъ совершенствамъ, сколько по судьбѣ, устраемой для нея авторомъ. Она является на сцену—одни говорятъ олнѣ здоровой и это люди честные и правдивые, другіе—будто сомъ больной—по словамъ явнаго проходимца. Произноситъ удительная героиня нѣсколько чувствительныхъ монологовъ, впаетъ въ необъяснимый психопатическій ужасъ предъ однимъ изъ йствующихъ лицъ—человѣкомъ безобиднымъ и на рѣдкость добмъ, только любящимъ пожить,—и, наконецъ, внезапно умираетъ ъ легкомысленныхъ счетовъ мужа съ нѣкоей пѣвицей, умираетъ мой ангельской и краснорѣчивой смертью,—оставаясь въ жихъ ровно настолько, чтобы сказать мужу-грѣшнику о своей обви къ нему и о прощеніи.

Очевидно,—съ творческой дѣятельностью Островскаго происхолъ кризисъ и врядъ ли къ выздоровленію. Самъ драматургъ, подимому, чувствовалъ состояніе своего таланта. Онъ съ еще большимъ усердіемъ, чѣмъ раньше, обратился къ переводамъ. Въ годъ ерти Островскаго вышли «*интермедіи*» Сервантеса въ его переводѣ, и, мы знаемъ,—онъ до конца лелѣялъ мысль о переводѣ льера. Врядъ-ли она осуществилась бы сполна: Островскій все ое предсмертное время отдалъ необыкновенно сложной и утомильной работѣ.

XVII.

Одобреніе государемъ записки Островскаго о народномъ театрѣ тественно завершилось практическимъ назначеніемъ. Во второй оловинѣ 1885 года вопросъ былъ рѣшенъ окончательно,—и еще ньше Александръ III, въ первый разъ встрѣчая Островскаго, завилъ ему:

— Поручая вашему вѣдѣнію свои театры, я увѣренъ, что будутъ въ хорошихъ рукахъ. Дѣлайте все, что найдете полезны для процвѣтанія ихъ.

Перваго января 1886 года управляющимъ Императорск Московскими театрами былъ назначенъ А. А. Майковъ,—Остр скій завѣдующимъ репертуарной частью и начальникомъ театра наго училища. Московскіе театры получили самостоятельное уп вленіе и двухъ хозяевъ: собственно по хозяйственной части и художественной и учебной. Важнѣйшія обязанности легли на Остр скаго, на самомъ дѣлѣ единственнаго распорядителя театральны дѣломъ,—и онъ немедленно весь отдался своему долгу.

У него давно уже былъ намѣченъ цѣлый рядъ реформъ. Е раньше, когда была образована комиссія для пересмотра стары театральныхъ постановленій и порядковъ, Островскій принялъ я вѣйшее участіе въ ея работахъ. Еще тогда онъ неутомимо сос влялъ записки, историческіе обзоры, проекты,—и особенно хлоп талъ объ учрежденіи театральной школы.

«Если я доживу до тѣхъ поръ», говорилъ онъ, «то исполнит мечта всей моей жизни, и я спокойно скажу: нынѣ отпущаеш раба твоего съ миромъ!..»

Теперь только что полученное назначеніе онъ называлъ счаст емъ. Онъ почувствовалъ новый приливъ силъ, восторженный по емъ духа, и «съ непогасшею еще страстностью», говорилъ онъ- взялъ на свои плечи новую ношу. Онъ прибавлялъ, что плечи бы уже усталыя, а ноша тяжела и непосильна. Но дѣйствительно страс ная любовь къ дѣлу—должна восполнить всѣ немощи и тягости.

Прежде всего Островскій принялся за вопросъ о школѣ. обыкновенію,—онъ и на этотъ счетъ составилъ обстоятельную з писку. Театральное училище должно поставлять артистовъ на имп раторскую сцену. Теперь эта сцена вынуждена пополнять сво труппу провинціальными актерами и даже любителями: явленіе- ненормальное и даже убыточное. Школа и сцена должны быть н разрывно другъ съ другомъ связанными учрежденіями. Изъ школ ученики должны поступать на сцену и здѣсь — среди опытны артистовъ завершать свое художественное воспитаніе, выроста на глазахъ публики. Театръ—естественное продолженіе школы,- и такъ должно быть одинаково и для драмы и для оперы. Не остави Островскій безъ вниманія и балетъ. Онъ хотѣлъ обновить его, сообщи ему занимательность—съ помощью феерій и сказочныхъ предст вленій. Наконецъ драматургъ входилъ и въ частные вопросы теа ральной службы, тщательно пересмотрѣлъ составъ лицъ, завѣду

къ постановкой и исполненіемъ пьесъ,—и предположилъ немало ественныхъ преобразованій и въ этой области.

Работа шла безостановочно, можно сказать—Островскій полагалъ нее всѣ свои духовныя и физическія силы. По временамъ имъ адѣвала оторопь предъ громадностью и сложностью задачи, и онъ алъ тогда: «нѣтъ, я чувствую, что у меня не хватаетъ силъ и рдости провести въ дѣло, на пользу родного искусства тѣ завѣтн убѣжденія, которыми я жилъ, которыя составляютъ мою душу. положеніе глубоко трагическое».

Но эти настроенія не заставляли Островскаго опускать руки. ротивъ,—послѣ тяжелаго раздумья онъ съ новымъ рвеніемъ расывался на работу и сообщалъ совсѣмъ другія вѣсти въ родѣ дующей: «Вотъ уже двѣ недѣли я до самозабвенія работаю надъ образованіемъ театральнаго училища, а теперь страдаю на экзахъ всякой мелочи обоего пола».

Очевидецъ разсказываетъ, до какихъ предѣловъ доходило утоміе Островскаго.

Почти каждый день онъ являлся домой измученный, съ потухмъ взглядомъ, опускался въ кресло и втеченіи нѣкотораго врени не могъ вымолвить слова...

— Дай мнѣ опомниться, придти въ себя,—начиналъ онъ. Я одня чуть не умеръ. Мнѣ не хватало воздуха, нечѣмъ было дыть... Ревматизмъ не позволяетъ отъ боли пошевелить руками... оду, съ которымъ надо было объясняться, пропасть... потомъ лады—я сегодня подписалъ шестьдесятъ бумагъ,—и вотъ виь, въ какомъ состояніи воротился домой...

Едва отдохнувъ, вечеромъ онъ отправлялся въ театръ,—больо частью успѣвалъ посѣтить тотъ и другой, волновался, видя справности, и дома засыпалъ безпокойнымъ и тревожнымъ сномъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ изнурительнаго труда Островй собрался поѣхать въ деревню. Имѣніе это—сельцо Щелыково, ешемскаго уѣзда—было пріобрѣтено еще отцомъ Островскаго, завѣщанію покойнаго досталось его второй женѣ, и она продала своему пасынку.

Мѣстность, гдѣ расположена усадьба,—въ высшей степени живона, перерѣзывается тремя рѣчками, окружена лѣсомъ, съ балкона скаго дома открывается великолѣпный видъ. Островскій очень илъ проводить лѣто въ Щелыковѣ, страстный рыболовъ и отъ роды человѣкъ съ простыми вкусами, домосѣдъ и семьянинъ,— чувствовалъ себя въ деревнѣ здоровымъ и счастливымъ. Проима жизни была не сложная, но приносившая писателю отдыхъ

и ясное радостное настроеніе духа: «читаемъ, гуляемъ въ св лѣсу, ѣздимъ на Сендегу ловить рыбу, сбираемъ ягоды, пи грибы... Отправляемся въ луга съ самоваромъ—чай пьемъ. С ремъ помочь, станемъ пѣсни слушать, угощеніе жницамъ предо вимъ: все по предписанію врачей и на законномъ основаніи».

Такая же программа, несомнѣнно, имѣлась въ виду, когда, конецъ, Островскій выѣхалъ изъ Москвы 28 мая.

Но уже въ день выѣзда Островскій чувствовалъ себя крайне пл За нѣсколько дней онъ простудился, ревматическія боли усилил онъ уѣхалъ въ деревню—полуживой.

До Кинешмы все шло благополучно, но отъ города до дере пришлось ѣхать на лошадяхъ, по дурной дорогѣ, въ холодну дождливую погоду... Больной, видимо, пріѣхалъ умирать. Нѣскол дней прожилъ онъ среди ужасныхъ страданій, по цѣлымъ час не могъ пошевелиться,—утромъ 2-го іюня 1886 г. его не стал

Похоронили Островскаго въ селѣ Бережкахъ, въ двухъ стахъ отъ Щелыкова. Государь пожаловалъ на погребеніе 3.000 назначилъ вдовѣ пенсію въ 3,000 рублей и на воспитаніе дѣте 2 400 ежегодно.

На гробъ покойнаго было возложено много вѣнковъ отъ ху жественныхъ и общественныхъ учрежденій. Московская городс дума 2 іюня 1887 года открыла народную читальню имени Остр скаго а два года спустя послѣдовало Высочайшее соизволеніе открытіе подписки повсемѣстно въ Имперіи для сбора пожертво ній на памятникъ Островскому въ Москвѣ. Втеченіи семи л при Обществѣ русскихъ драматическихъ писателей было собр около 13,000 рублей и, несомнѣнно, рано или поздно память одн изъ даровитѣйшихъ и усерднѣйшихъ тружениковъ русскаго сл будетъ почтена достойно его таланта и труда.

XVIII.

Мы видѣли—творческая дѣятельность Островскаго начала с бѣть и падать уже за нѣсколько лѣтъ до его смерти. Онъ самъ го рилъ, что нуждается въ сотрудникахъ, намѣренъ приняться за реводы. Сотрудники врядъ-ли могли вернуть для драматурга свѣжаго и сильнаго творчества, Островскому, очевидно, предсто другое поприще, и здѣсь онъ, несомнѣнно, оказалъ бы вели услуги русскому искусству, если бы смерть не прервала его дѣла самомъ началѣ.

Но какъ бы ни былъ рѣшителенъ упадокъ художественнаго та-
ітаОстровскаго,—литературное наслѣдство представляется вполнѣ
конченнымъ, можно сказать классическимъ. Мы видѣли,—оно за-
очается въ трехъ сокровищахъ: бытовая комедія, историческая
ма и пьесы изъ міра интеллигенціи пореформенной эпохи.

Всѣ эти пути, какими шелъ Островскій, — имѣютъ не оди-
ковое значеніе въ исторіи русской литературы. Первое мѣсто при-
лежитъ бытовой комедіи. Островскій открылъ—вполнѣ само-
ятельно—цѣлую область, богатую самобытными чертами быта,
игинальными характерами, своеобразнымъ языкомъ и складомъ
слей и чувствъ. Только для нѣкоторыхъ типовъ у него были
едшественники,—но *учителями* его ихъ слѣдуетъ признать съ
льшими ограниченіями.

Гоголь до Островскаго создалъ типъ купеческой свахи, нарисо-
лъ множество фигуръ чиновниковъ, коснулся и купцовъ. Во всей
й галлереѣ только сваха могла оказать извѣстную опору вдохно-
нію Островскаго: чиновники и купцы Гоголя при нѣкоторыхъ об-
ихъ чертахъ съ героями Островскаго отличаются отъ нихъ на-
олько же, насколько петербургская департаментская канцелярія
и провинціальный чернильный застѣнокъ отличаются отъ москов-
ихъ присутственныхъ мѣстъ. О подражаніи или заимствованіи
могло быть и рѣчи.

Въ исторической драмѣ предшественникъ Островскаго—Пуш-
нъ,—но онъ вообще родоначальникъ этого жанра. Можетъ быть
ѣдуетъ упомянуть здѣсь еще Хомякова. Онъ написалъ драму о
мозванцѣ, и у Островскаго оказались нѣкоторыя совпаденія съ
ой пьесой. Но они обусловлены опять не подражаніемъ, а одина-
востью задачи и общностью источниковъ.

Въ результатѣ—Островскаго слѣдуетъ считать безусловно ори-
нальнымъ представителемъ московской комедіи и исторической
оники. Сравнительно менѣе значительны «интеллигентныя»
есы: здѣсь у Островскаго было не мало талантливыхъ соревно-
телей,—и въ этой области не приходилось дѣлать открытій, не
ступныхъ ни прежде, ни послѣ—другимъ писателямъ. Если бы
ятельность Островскаго ограничилась только этими произведе-
ями,—онъ не имѣлъ бы значенія первостепеннаго классическаго
сскаго драматурга. Но онъ дѣйствительно сказалъ *новое слово*,—
авда не въ смыслѣ его славянофильскихъ поклонниковъ, т. е. не
обрѣлъ особой спеціально-русской культурной вѣры,—онъ рас-
ирилъ кругозоръ художественнаго русскаго генія, подчинилъ его
асти—цѣлую породу невѣдомыхъ раньше людей и внесъ, слѣдо-

вательно, новое содержаніе въ общественную мысль. Россія— ціональная въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, точнѣе московская Р изучена и воспроизведена Островскимъ въ ея прошломъ и нас щемъ—съ безсмертной правдой и полнотой. Это—настоящій по «святой Руси», вдохновенный этнографъ и историкъ, сумѣвшій высоты современнаго просвѣщенія проникнуть въ затаеннѣй уголки сложной и темной психологіи московскаго старозавѣтн человѣка. Какую неоцѣнимую услугу оказалъ онъ русской нау и русской общественной политикѣ? Услугу тѣмъ болѣе рѣдку что Островскій во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ національной поч оставался художникамъ—безпристрастно наблюдающимъ спокой творящимъ и всегда поразительно яснымъ.

У весьма немногихъ писателей можно найти такой опредѣл ный и идейно-вѣскій матерьялъ для публицистической характер стики общественныхъ явленій,—и всѣмъ извѣстно, какъ блестя воспользовался этимъ качествомъ пьесъ Островскаго—Доброл бовъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—какая прозрачность и тонкость рисун Стоитъ только вслушаться въ разговоры героевъ Островскаго,— вашей памяти непремѣнно останется множество оригинальнѣйши оборотовъ рѣчи и мысли, — и вмѣстѣ съ ними навсегда рѣзкі единственный по оригинальности— образъ.

Прежде всего—царь темнаго царства—московскій купецъ- «именитый» и «первостатейный». Собственно предѣлы его царст очень ограниченны: собственный домъ да собственная лавка. порода—въ высшей степени многочисленна, она населяетъ цѣлу страну,—и естественно подданныхъ у нея великое множество,- и ровно столько же «униженныхъ и оскорбленныхъ».

Почему же, непремѣнно, — гдѣ именитый купецъ—тамъ и н счастныя жертвы? Какъ могъ народиться и развиться особый типъ- *самодуръ*, разумное существо, не признающее ничьего разума никакой логики, кромѣ своего каприза и произвола—«хоть ты ем колъ на головѣ теши?» И почему произволъ направленъ преимущ ственно на униженія и страданія другихъ: «Скажетъ—кто я? ту ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежатъ, а то бѣда

Семьей не ограничиваются подвиги самодура. Существуютъ пр казчики, молодцы, мальчишки, — народъ «купленый», въ поль него даже законовъ не существуетъ, одна лишь «воля хозяйская

Наконецъ,—вообще всякій слабый и безотвѣтный человѣкъ каждомъ шагу подвергается опасности претерпѣть ущербъ сво чести и своему здоровью отъ самодура. Онъ будетъ поднятъ на смѣх

плохое одѣяніе, за свою ученость, даже за свою честность, его мажутъ сажей, заставятъ плакать, въ пуху вываляютъ,—вообще послѣдней степени унизятъ, изломаютъ и исказятъ человѣческій образъ.

Можно подумать, — эти люди — прирожденные преступники, ожимые какимъ-то длящимся бѣшенствомъ. На самомъ дѣлѣ, — его подобнаго: это — вполнѣ мирные обыватели, весьма часто родушные, даже наивные и съ большими задатками юмора. Какъ они могутъ гордиться возможностью *всякаго* обидѣть, въ то мя, какъ ихъ никто не обидитъ?

Вопросъ въ высшей степени важный. Онъ касается самыхъ овъ темнаго царства, его первоисточниковъ. Добролюбовъ, въ ихъ блестящихъ статьяхъ, миновалъ его, — а между тѣмъ ько онъ исчерпываетъ до дна всю бездну тьмы и жестокости, ождающую ежедневно Большовыхъ, Брусковыхъ, Пузатовыхъ и дающую для нихъ сцену дѣйствія.

Драматургъ самъ даетъ вполнѣ ясный отвѣтъ. Брусковы вовсе герои и не торжествующія животныя, какъ бы сильно они ни ляли о своемъ правѣ обижать и миловать. Они—по существу твы и даже трагическія несравненно болѣе сильныхъ самодуровъ. ственнно ихъ самодурство—не-что иное, какъ дикій крикъ угнетной человѣческой природы, въ свою очередь жестоко оскорбленной.

Одинъ изъ героевъ пьессы «*Комикъ XVII вѣка*»—вполнѣ точй двойникъ самодура XIX-го столѣтія—высказываетъ своей знакой—такой же почвенной москвичкѣ—изумительно краснорѣчиго исповѣдь — на счетъ своихъ отношеній къ сыну, рабски ему лушному:

Вотъ, Татьяна
Макарьевна, родительскому сердцу
Не лестно ли такую зрѣть покорность
Сыновнюю! Когда тебѣ взгрустнется
Иль пьянъ придешь домой, на что утѣшнѣй
Поклоны ихъ земные! Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духомъ,
Что какъ де ты ни малъ, ни пріобиженъ
Отъ властныхъ лицъ, а дѣтямъ домочадцамъ
Въ своемъ дому все тотъ же государь.

Совершенно такая же логика и у Брускова и у Дикого. Они нимаются за издѣвательство надъ домочадцами, когда сами поаютъ въ безвыходное положеніе, когда ихъ собственное самолюоскорблено. Тогда они становятся въ родѣ Поприщина и, коно, требуютъ знаковъ подданства. Также поступаютъ и ихъ

жертвы: въ конецъ забитая *супруга* Кита Китыча является *терью*-деспоткой,—и говоритъ сыну тѣ самыя угрозы, какія с слышитъ отъ мужа,—и доводы у нея тѣ же: «яйца курицу не учат

Не остается безотвѣтнымъ и сынъ, — онъ также самодуръ только лишь въ другой роли,—въ роли кутилы. Онъ скроменъ, уже намѣренъ запить, а «стоитъ только начать, говоритъ онъ, т чувствую, что вся тятенькина натура покажется».

Несомнѣнно, — и постигнетъ какого-нибудь «молодца», а т въ свою очередь допечетъ Тишку, пока еще мальчишку, а Тип выместитъ свою обиду на беззащитномъ «стрюцкомъ», высмѣ его лохмотья и слезы: со временемъ онъ при первой возможно заявитъ: кто я? чего моя нога хочетъ?

Это неразрывная круговая порука рабства и произвола. Къ э цѣли направлено можно сказать все общественное воспитаніе эт міра. И попробуйте сыскать здѣсь виноватаго!

Напримѣръ, Андрей Титычъ—юноша, несомнѣнно, симпатичны добрый и даже благородный. Но онъ уже зараженъ недугомъ: о издѣвается надъ какимъ-то бѣднякомъ учителемъ, ему нравит какъ рядскіе кричатъ въ слѣдъ «ученаго»: «ты, окромя свинячья на семь языковъ знаешь».

Андрея Титыча стыдятъ, — но онъ, нисколько не смущая отвѣчаетъ: «Нельзя нашему брату не смѣяться, — потому э стрюцкіе такія дѣла съ нами дѣлаютъ, что смѣху подобно... друг весь-то грошъ стоитъ, а такого изъ себя барина доказываетъ, — не подступайся—засудитъ; а далъ ему цѣлковый или тамъ больш глядя по дѣлу, да подпоилъ, такъ онъ хоть спирю плясать пойдетъ

И мы это видимъ во-очію. Если не всякій «баринъ» гото плясать спирю, — то ужь непремѣнно за цѣлковый или больш глядя по дѣлу, продастъ и совѣсть и законъ. Китъ Китычъ въ это вопросѣ вполнѣ сходится съ сыномъ: «ужъ и вашъ-то братъ на солонъ приходится»,—говоритъ онъ барину и проситъ «пожалѣ человѣческую душу».

Но жалость барина извѣстная. Приказный Мудровъ прямо с знается, что у ихъ брата нѣтъ «человѣчества». Къ нимъ даже н виноватый является съ такимъ видомъ, будто его засудить могут и готовъ платить деньги даже за ласковый взглядъ. И платит потому что—говоритъ московская обывательница—«не бойся суд а бойся судьи, пуще всего ты его бойся». Вполнѣ естественн вѣдь судъ — объясняетъ приказный Крутицкій «торговля, а судъ»,—и кто меньше беретъ, тотъ даже преступнѣе, потому ч дешевле продаетъ свою совѣсть.

И такъ на дѣло смотрятъ не одни взяточники. Общественное ѣніе раздѣляетъ тотъ же взглядъ. Взятки — только страшное ово: въ сущности это — благодарность, «а отъ благодарности казываться грѣхъ, обидѣть человѣка надо».

Такъ разсуждаетъ вдова коллежскаго ассесора, дающая дочемъ «благородное воспитаніе». Важный чиновникъ безусловно дтверждаетъ ея взглядъ: «не пойманъ не воръ»,—такъ общество отритъ на взяточниковъ, — и общество интеллигентное, — не москворѣцкое.

Гдѣ же послѣ этого Брускову додуматься до высшихъ понятій? Онъ, разумѣется, призналъ торговлю правосудіемъ закономъ ироды, — и рѣшительно не вѣритъ въ честныхъ чиновниковъ. ъ безкорыстіи начальства онъ видитъ сугубый подвигъ: «если съ го не взять, такъ онъ опасается», —говоритъ московскій философъ. Черта—замѣчательная! Она съ особенной силой подчеркнута Писемскимъ въ романѣ «*Тысяча душъ*»: вся драма Калиновича, къ общественнаго дѣятеля, создается именно органическимъ невѣріемъ народа и общества къ его честности и безкорыстной стотѣ его намѣреній. Цѣлыми вѣками обыватель привыкалъ лько къ ябедѣ и кривдѣ,—гдѣ же ему постигнуть гражданина въ ундирѣ чиновника! И онъ готовъ предположить все, что̀ угодно, — лько не безкорыстіе и неподкупность.

XIX.

Ясно, темное и жестокое упорство самодуровъ неуклонно восітывается преступнымъ міромъ «властныхъ лицъ». Но конется ли и здѣсь цѣпь великая? Послушайте интеллигентнаго и зобиднѣйшаго чиновника, ставшаго взяточникомъ. Рѣчь его не ебуетъ никакихъ поясненій: она внушительна и проста, какъ непосредственная правда жизни.

«У насъ, говоритъ онъ, вѣдь не изъ жалованья служатъ. Самое большое жалованье 15 рублей въ мѣсяцъ. У насъ штату нѣтъ, о трудамъ и заслугамъ получаемъ; въ прошломъ году получалъ 4 рубля въ мѣсяцъ, а ныньче три съ полтиной положили... Кабы е дѣлежка—нечѣмъ бы и жить».

Дѣлежка значитъ взятки, набранныя за недѣлю столоначальикомъ на всю братію...

Конечно,—не всѣ взяточники служатъ внѣ штата,—но мы изъ іографіи самого Островскаго знаемъ чего стоили *штаты?* Извольте

послѣ этого бросить камнемъ въ Кисельникова, въ Жадова и даже въ Бѣлогубова! А между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, обывателю приходится имѣть дѣло преимущественно съ канцлярской мелкотой, чаще всего съ Беневоленскими и Васютиными дѣльцами — «не взыскательными» и всегда готовыми выпить ними.

Мы видимъ, какъ широко, какъ неограниченно темное царст И оно упорно защищаетъ свои права на существованіе. Здѣ опять неразрывная связь между дикарями Замоскворѣчья и героя канцелярскихъ потемокъ. Юсовъ—заслуженный чиновникъ—чу ствуетъ органическую и принципиальную вражду къ «нынѣшни образованнымъ». Онъ безусловно за изгнанниковъ уѣзднаго уч лища и низшихъ классовъ семинаріи. Они «почтительные» и «п добострастные», и вдова коллежскаго ассесора одобряетъ молодо человѣка за то, что у него «этакое какое-то пріятное ласкательст къ начальству».

Таковы вкусы интеллигентнаго класса, съ которымъ куп сталкиваются ежедневно. Но и выше — порядки мало чѣмъ ра нятся. Госпожа Уланбекова до глубины души презираетъ чиновн ковъ,—и, конечно, мѣщанъ и купцовъ,—но ея отношенія къ «во питанницамъ» даже безсердечнѣе семейныхъ подвиговъ Кита К тыча, и знатная крѣпостница даетъ своимъ жертвамъ тѣ же сам дурскія поученія,—только еще болѣе дикія и жестокія.

Что касается ума и просвѣщенія — взгляды темнаго царст извѣстны. Эта страна, гдѣ, по словамъ Досужева, «люди твер увѣрены, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ и что, по послѣдним извѣстіямъ, кажется, одна начинаетъ шевелиться: значитъ, плох дѣло; гдѣ заболѣваютъ отъ дурного глаза, а лечатся симпатіям гдѣ есть свои астрономы, которые наблюдаютъ за кометами и ра сматриваютъ двухъ человѣкъ на лунѣ, гдѣ своя политика и тож получаются депеши, но толпа все больше изъ Бѣлой Арапіи странъ, къ ней прилежащихъ».

Однимъ словомъ, — безпросвѣтный и хаотическій край! И е пророкъ—Иванъ Яковлевичъ, принимающій въ сумасшедшемъ дом и отсюда руководящій судьбами матерей и дѣтей темнаго царств Но поднимитесь выше,—въ лучшій салонъ: госпожа Турусина об ясниться вамъ, что величайшіе авторитеты для нея — блаженны юродивые, приживалки и мать Манефа. Просвѣщенная дама горьк оплакиваетъ смерть Ивана Яковлича: при немъ такъ легко просто было жить въ Москвѣ!» И авторъ находитъ возможным написать цѣлую комедію—«*На всякаго мудреца довольно пр*

оты» — для характеристики *интеллигентной* темноты и *бар-го* варварства.

Можно-ли послѣ этого Брусковыхъ считать выродками, неслы-ными на русской землѣ уродами? Они только одинъ классъ изъ огочисленнаго общества. Китъ Китычъ — самодуръ и темный овѣкъ съ дѣтьми и женой, но Юсовъ — совершенно такой же потъ и мракобѣсъ въ своей канцеляріи, Уланбекова — въ своей адьбѣ, Турусина въ своемъ салонѣ: вѣдь рѣшаетъ же она вопросъ амужествѣ своей дочери по указаніямъ Манефы, подкупленной вкимъ юношей, и Серафима Карповна изъ комедіи «*Не сошлись рактерами*» и Настасья Панкратьевна изъ пьесы «*Тяже-е дни*» ничѣмъ не ниже—не выше этой барыни, принимающей у я сановниковъ.

Очевидно, предъ нами не тьма Замоскворѣчья, а въ полномъ ыслѣ тьма русской земли, тьма неотразимая и разлагающая, ма, лишь изрѣдка пронизываемая слабыми лучами свѣта. И при-ъ — какими! Отнюдь не въ образѣ Катерины. Только благород-й идеалистически-настроенный русскій критикъ могъ возвести въ лучи свѣта. Въ дѣйствительности, — она только наиболѣе стая и несчастная жертва тьмы. Темное царство въ *этой* средѣ создаётъ лучей, а если они и появляются, то съ ними быстро вершается тотъ самый процессъ, какой пережилъ герой *Шутни-ъ*—т. е. они доходятъ до полнаго искаженія внутренняго и даже ѣшняго человѣческаго образа. Катерина избѣгаетъ этой участи, ячая самоубійствомъ, но это такая же полная безпомощность борьбѣ, такое же тщедушіе нравственнаго міра, какъ у чинов-ка Обросимова,—пожалуй даже въ сильнѣйшей степени, потому чиновникъ «ломается» и «коверкается» —ради своей семьи.

Писаревъ разошелся съ Добролюбовымъ въ оцѣнкѣ личности терины, — и на этотъ разъ былъ правъ: «личный развитой умъ» ійствительно непремѣнный признакъ свѣтлыхъ явленій.

Катерина — только страстный темпераментъ, а не нравствен-я сила. Ея духовная жизнь загромождена ужасами и видѣніями, вѣянными дикой болтовней странницъ и кликушъ. Она смотритъ міръ сквозь густой туманъ суевѣрій и предразсудковъ «темнаго рства». Она—законное дѣтище этого царства, и только врожден-я страстность мѣшаетъ ей окончательно подчиниться родному одурству. Страстность Катерины не лишена извѣстной поэтиче-ой мечтательности, особенно въ ранней молодости. Но женская бовная страсть, если она естественна и искренна, — всегда поэ-

тична, — что̀, конечно, вовсе не свидѣтельствуетъ о какой-то иск
чительной натурѣ и свѣтлой силѣ.

Самъ Добролюбовъ говоритъ: Катерина не думаетъ о сопро
вленіи, потому что не имѣетъ достаточно основаній для этого.
вершенно справедливо!

И Катерина не только не противорѣчитъ основамъ темн
царства, — она даже доказываетъ ихъ непреодолимую силу, и
одной своей смертью, а именно своимъ характеромъ, — черта
прекрасно обозначенными самимъ критикомъ: «инстинктивност
своей натуры», «боязнью за каждую свою мысль». Можно въ
кой угодно степени признавать симпатичность Катерины, —
нѣтъ никакихъ психологическихъ и нравственныхъ основа
утверждать какое-либо вліяніе ея личности на просвѣщеніе т
наго царства.

Оно именно тѣмъ и страшно, что обладаетъ громадной стих
ной силой гасить въ своей средѣ всѣ искры и лучи. Такой луч
несомнѣнно, Кулигинъ, — но только потому, что онъ не принад
житъ къ расѣ темныхъ людей, онъ другой породы. Всѣ же исконн
граждане самодурской страны — только по особо счастливымъ сл
чайностямъ — не кончаютъ уродствомъ и одичаніемъ. Напримѣр
Андрей Титычъ. Онъ гораздо свѣтлѣе разумомъ, чѣмъ Катерина, о
даже жаждетъ ученья, — но тлетворное дыханіе тьмы уже кос
лось его: онъ неумолимый врагъ «стрюцкихъ», это въ трезво
состояніи, а въ ньяномъ,—признается онъ самъ,—можетъ впол
уподобиться тятенькѣ.

Братъ его, тоже съ человѣческими задатками отъ природы,
является уже безнадежно забитымъ и только кричитъ по-театрал
ному. Вотъ какихъ лучей производитъ темное царство! И Андр
Титычъ совершенно правильно ставитъ дилемму: или сдѣлать ч
нибудь надъ собой или запить. Настроеніе по существу то само
какое переживаетъ и Катерина, бросаясь въ рѣку: у Андрея Т
тыча даже болѣе сознательное и ясное, — но вѣдь не *лучъ* же о
въ темномъ царствѣ, а просто несчастный, пока еще въ конецъ
изуродованный человѣкъ.

Можно сказать больше, — и всѣ наши герои — точно изуро
ванные, и мы даже знаемъ, — чѣмъ и какъ. Островскій предст
вилъ всестороннюю картину вѣкового общественнаго недуга. Вду
чивый, безпристрастный мыслящій и художественно-творящій,
онъ не ставилъ преднамѣренныхъ цѣлей, — и ихъ незачѣмъ бы
ставить. Полнота умственнаго кругозора и глубина художестве
наго проникновенія въ дѣйствительность непремѣнно должны пр

ти къ идеямъ — истинно гражданскимъ и просвѣтительнымъ, скрывая темные факты — этимъ самымъ намѣтить свѣтлые алы, выставляя зло и невѣжество въ ихъ естественномъ видѣ, оизнести краснорѣчивую защиту въ пользу добра и просвѣще-. Надо быть только истиннымъ и честнымъ художникомъ! И кимъ былъ Островскій. И онъ вполнѣ послѣдовательно литератур-ю дѣятельность слилъ съ практической во имя все тѣхъ же освѣтительныхъ цѣлей. *Практика* драматурга извнѣ и нагляд-свидѣтельствовала о тѣхъ самыхъ задачахъ, какія заключались существѣ и смыслѣ его *творчества* — и Островскій навсегда ганется безсмертнымъ образцомъ русскаго національнаго писа-ля — т. е. художника-дѣятеля, писателя-гражданина.

И онъ самъ вполнѣ точно успѣлъ опредѣлить этотъ образецъ: къ художникъ онъ, подобно Пушкину, «завѣщалъ искренность, мобытность, завѣщалъ каждому русскому писателю быть рус-имъ», какъ гражданинъ онъ требовалъ, чтобы искуство «раз-вало народное самопознаніе и воспитывало сознательную любовь отечеству».

И Островскій умеръ на своемъ посту, до конца храня *завѣт-ія убѣжденія, составлявшія его душу.*

КОНЕЦЪ.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ НАРОДА
В. ЛУНКЕВИЧА.
Изданіе Ф. Павленкова.

1. Земля. Съ 13 рис. Ц. 8 к.
2. Небо и звѣзды. 18 рис. Ц. 8 к.
3. Громъ и молнія. 24 рис. Ц. 12 к.
4. Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.
5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6. Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.
7. Бичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Ц. 16 к.
8. Землетрясенія и огнедышащія горы. Съ 12 рис. Ц. 16 к.
9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.
10. Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.
11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.
12. Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Ц. 16 к.
13. Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.
14. Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Ц. 12 к.
15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. (Жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16. Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17. Пчелы, осы и термиты. Съ 16 рис. Ц. 18 к.
18. Вода. 52 рис. Ц. 28 к.
19. Подводное царство. Съ 63 Ц. 20 к.
20. Воздухъ. Съ 27 рис. Ц. 1
21. Степь и пустыня. 38 ри Ц. 18 к.
22. Тайга и тундра. Съ 23 Ц. 14 к.
23. Среди снѣговъ и вѣчн. л Съ 43 рис.
24. Хищники.
25. Четвероногіе слуги ч вѣка. Съ 30 рис.
26. Враги и друзья человѣк
27. Животныя кровопійцы и д моѣды.
28. Растенія-дармоѣды и ра нія-хищники.
29. Откуда взялись наши дом нія животныя и растені
30. Законъ жизни среди жи ныхъ и растеній.
31. Исторія происхожденія стеній и животныхъ.
32. Подземное царство.
33. Исторія земли.
34. Каменный уголь.
35. Нефть.
36. Соль.
37. Сокровища горъ.
38. Чудеса науки.
39. Чудеса техники.
40. Чудеса общежитія.

Новое дешевое изданіе **Ф. Павленкова:**

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАР

(Справочная книга по всѣмъ отраслямъ знанія).

въ одномъ большомъ томѣ, состоящемъ изъ 92 печатаныхъ листовъ: около 3 столбцовъ текста, съ 2,224 рисунками (въ томъ числѣ 813 портретовъ) и географическими картами, гравированными въ Парижѣ. Чтобъ дать понятіе умѣстительности словаря (до 7 милліоновъ буквъ), скажемъ, что по количеству держащагося въ немъ матеріала онъ равенъ пяти книжкамъ толстаго журн считая объемъ каждой такой книжки въ 30 печатаныхъ листовъ или 480 ст Особенную пользу словарь Ф. Павленкова могъ-бы принести учителямъ начальн школъ. Цѣна словаря въ переплетѣ—**ТРИ** руб. Пересылка—за 4 фун. Глав складъ въ книжномъ магазинѣ И. В. Луковникова (СПБ. Лештуковъ пер., д

PHOTOMOUNT
PAMPHLET BINDER
PAT. NO.
877188
Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
A. N. Ostrovskiĭ, ego zhizn i
891.72 O85ZI
D90352955